

ТЕОДОР АДОРНО
Р. Невитт Сэнфорд
Эльза Френкель-
Брюнsvик Даниэл Дж.
Левинсон

ИССЛЕДОВАНИЕ
АВТОРИТАРНОЙ
личности

Академия
исследований
культуры МОСКВА
2001

Содержание

Теодор Адорно и его концепция авторитарной личности (В.П. Култыгин.).....	
I. Введение (ТВ. Адорно, Эльза Френкель-Брюнсвик, ДаниэлДж. Левинсон и Р. Невитт Сэнфорд.)	
<i>Перевод Л. К. Латышева</i>	
15	
A. Проблема	15
B. Методология	27
1. Общие характеристики	27
2. Приемы исследования.....	28
C. Сбор данных	35
1. Группы	
II. Измерение антидемократических черт в структуре характера (Р. Невотт Сэнфорд. ТВ. Адорно, Эльза Френкель-Брюнсвик и Даниэл Дж. Левинсон.)	
<i>Перевод Л. К. Латышева</i>	
45	
A. Введение.....	
45	
B. Конструкция шкалы фашизма (шкалы F)	
48	
1. Теоретические соображения.....	48
2. Формулирование высказываний.....	66
C. Результаты по различным формам шкалы F	
67	
1. Статистические свойства первоначальной шкалы	67

Г. Заключительное замечание

III. Предубеждение в материалах интервью (Т. В. Адорно.)

Перевод М.Н. Попова и М.В. Кондратенко..... 103

А. Предисловие..... 103

В. «Функциональный» характер антисемитизма..... 107

С. Воображаемый враг 111

Д. Антисемитизм — к чему? 117

Е. Два типа евреев 123

Г. Дилемма антисемита

IV. Политика и экономика по материалам интервью

(Т. В. Адорно.) *Перевод М.Н. Попова и М.В. Кондратенко 162*

А. Введение..... 162

В. Формальные элементы политического мышления 165

1. Незнание и непонимание 165

2. «Навешивание ярлыков» и персонификация в политике..... 171

3. Поверхностная идеология и истинное мнение 180

4. Псевдоконсерватизм..... .. 185

Экскурс о значении псевдоконсерватизма..... 193

5. Комплекс узурпатора 196

5.	.241
Коммунизм.	.245
Применение	
Культурные представления по материалам интервью (Т. В. Адорно.) <i>Перевод М.Н. Попова и М.В. Кондратенко</i> 247	
А. Введение.....	247
Е. Общие наблюдения	250
С. Специфические выводы	253
Примечания	.264
*VI. Типы и синдромы (Т. В. Адорно.)	
<i>Перевод М.Н. Попова и М.В. Кондратенко</i>265	
А. Исходные данные.....	265
В. Синдром лиц с предрассудками	274
1. Поверхностное неприязненное чувство	275
2. Конвенциональный синдром.....	278
3. Авторитарный синдром	281
4. Бунтовщик и психопат	285
5. «Фантазер»	
VII. Психологическая техника в речах Мартина Лютера Томаса по радио (Т. В. Адорно.)	
<i>Перевод М.Н. Попова и М.В. Кондратенко</i> •••^	
1. Личностный элемент — самохарактеристика агитатора	312

Вводные замечания.....	JI ^	
Трюк «одиноким волк»	314	
Трюк «освобождения от чувств»	316	
Трюк «преследуемая невинность»	319	
Трюк «неутомимость»	320	
Трюк «посланец»	322	
«Большой человек»	324	маленький
Человеческий интерес.....	327	
«Доброе время»	328	старое
2. Метод Томаса	330	
Вводные замечания.....	330	
Трюк «движение»	332	
Техника «бегства от мысли»	333	
«Слушайте вождя»	336	своего
Экскурс в технику «Fait accompli»	340	
Трюк единства	34	

Трюк банкир»	«коммунист387	и
Нападки президента	на правительство391	и
Трюк ходи»	«возьми свою постель394	и
«Евреи идут».....		
396		
Трюк «проблемы»		3
98		
Позиция политики	Томаса в отношении внешней400	
Заключительные замечания		403
Примечания		
.....404		

Теодор Адорно
Р. Невитт Сэнфорд, Эльза Френкель-
Брюпсвик, Даниэл Дж. Левипсон

ИССЛЕДОВАНИЕ АВТОРИТАРНОЙ ЛИЧНОСТИ

Редактор: И. Н. Лаурльштайн
Худ. редактор: И. Н. Щербатов
Корректор: И. Н. Лорелия
Компьютерная верстка: И. Н.
Сиренко
Налоговая льгота —
общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Лицензия ИД № 03600 от 19.12.00

Подписано в печать с готовых
диапозитивов 12.12.00

Формат 60x88 1/2. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26. Тираж 2000 экз. Зак.
№ 4022 АНО «Академия

исследований культуры» 123056, г.
Москва, ул. Б. Грузинская, д. 60, стр.

1

ББК 60.55
УДК316 А
12

*Данное издание
осуществлено при поддержке Фонда «Прагматики
культуры». Фонд создан в интересах содействия
деятельности в сфере образования, науки, культуры,
искусства, просвещения и духовного развития
личности.*

А-12 Адорно Теодор. Исследование авторитарной личности.

Под общей редакцией д. филос. н. В. П. Култыгина. — М.;
Серебряные нити, 2001.—416с.

ISBN 5-94396-020-1

Т. Адорно (1903-1969) сразу же после окончания второй мировой войны становится руководителем крупного эмпирического исследования по изучению корней авторитаризма, проведенного в Западной Германии и США. Результаты исследования показали опасность дрейфа человеческого миропонимания в сторону укрепления пустого автоматизма сложившихся стереотипов, действий по правилам, узаконенным лишь одной привычкой. Адорно выявил весьма симптоматичное для антидемократической структуры

© Култыгин В. П.,
предисловие, 2001
©Серебряные нити,
оригинал-макет. 2001 ©
Академия исследований
культуры, 2001

Теодор Адорно и его концепция авторитарной личности

Беря в руки эту книгу, читатель знакомится с первой, изданной на русском языке, монографией одного из основоположников Франкфуртской школы — одной из ведущих школ в философии, социологии и других социальных науках двадцатого столетия. Для начала — несколько слов об этом крупнейшем и влиятельнейшем направлении современной мысли, зародившемся в двадцатых-тридцатых годах в Германии, а сегодня плодотворно развивающемся не только в университете Франкфурта-на-Майне, но и в Сорбоннском, Колумбийском, Оксфордском, Женевском и в других ведущих университетах Западной Европы и США.

Методологическим пафосом при возникновении Франкфуртской школы стали: отвержение социологического позитивизма с его отделением ценностей от фактов; приверженность гуманизму — идее освобождения человечества от всех форм эксплуатации, доминирования или подавления; акцент на значимость человеческого начала в социальных отношениях. Еще одно широко распространенное название этого направления — критическая-теория общества.

Институционально критическая теория зародилась в стенах Института социальных исследований, основанного во Франкфуртском университете в 1923 году по инициативе Феликса Вейля. Основными темами для изучения первоначально были: предрассудки; антисемитизм; авторитарно ориентированная личность; критика гегелевского понимания разума; взаимодействие инструментального знания и современного общества. Одной из центральных категорий теоретического анализа франкфуртцев была категория праксиса (эманципирующий интерес), которая впервые в гуманистическом ключе появляется в ранних рукописях Карла Маркса, найденных и заинтересованно осмысленных венгерским обществоведом Дьердем Лукачом.

Ища творческое вдохновение в марксизме и психоанализе. Франкфуртская критическая теория всегда оставалась независимой от каких бы то ни было политических партий. Школа особенно громко заявила о себе с момента прихода к руководству Институтом социальных исследований Макса Хоркхаймера. Наряду с Хоркхаймером и Адорно классиками этого направления считаются также Герберт Маркузе, Эрих Фромм, Юрген Хабермас. А на первом этапе в становлении школы активно участвовали также Лео Левенталь, Карл Корш, Вальтер Беньямин. Весной 1933 года, в связи с приходом Гитлера к власти, подавляющему большинству сотрудников Института пришлось эмигрировать. Институт, после открытия своих отделений в Париже, Лондоне и Женеве, был фундаментально воссоздан в Нью-Йорке на базе Колумбийского университета. Здесь в 1944 году Институтом были

проведены исследования по проблемам формирования и воспроизводства авторитарной личности, что позволило на американской почве продолжить качественные исследования, данные о которых были впервые опубликованы во Франкфурте в 1936 году. В 1950 году часть исследователей во главе с Хоркхаймером вернулись во Франкфурт, где получили дальнейшую известность благодаря работам, носящим критический характер по отношению к современной цивилизации и использовавшим философские и социологические способы интерпретации этой цивилизации. Нацеленность на изучение поведения привела их к конфронтации с представителями логического позитивизма.

Свой главный метод франкфуртцы назвали «имманентной критикой». В его основе лежат способы описания и оценки, восходящие к Марксу и Гегелю. Тематикой критической школы первоначально было изучение новых социальных тенденций — например, растущая роль государства в социальном планировании и контроле. Затем, после подъема фашизма, франкфуртцы сосредоточились на изучении новых форм и источников авторитаризма в культуре, идеологии, в процессах развития личности, на поиске новых сил, противостоящих авторитаризму. «Делая упор на значимость и относительную автономию культуры, сознания и активизма, — считают авторы четырехтомной американской «Энциклопедии социологии», — они разработали инновационную, гуманистическую и открытую версию марксизма, избегающего детерминизма и классового редукционизма» [*Encyclopaedia of Sociology*. V.I. —N.Y.: McMillan Publ. Co., 1992, p. 384].

В целом можно охарактеризовать Франкфуртскую школу как влиятельное течение гуманистической мысли, базирующую свою рефлексию на тезисе о предполагаемом существовании подлинной, аутентичной человеческой природы.

Какое же место занимают во Франкфуртской школе Теодор Адорно и его собственные авторские концепции? Прежде всего, он, наряду с Хоркхаймером, является соавтором основополагающего теоретико-методологического труда «критической теории» — «Диалектики просвещения», в которой заложены и раскрыты фундаментальные принципы анализа Франкфуртской школы. Адорно — главный теоретик франкфуртцев в области художественной культуры, особенно музыкальной, по проблемам эстетики.

Наконец, волею судеб, он сразу же после окончания второй мировой войны становится руководителем крупного эмпирического исследования по изучению корней авторитаризма, проведенного в Западной Германии и США. Это исследование имело необычайно активный резонанс и в политических кругах, и в широком общественном мнении, а выпущенная на его основе коллективная монография «Авторитарная личность», переведенная почти на все европейские языки и переизданная миллион

ными тиражами, становится первым социологическим бестселлером в послевоенном мире.

В понятие авторитаризма Адорно вкладывал политический монополизм, существование в стране единственной или господствующей партии, отсутствие оппозиции, ограничение или же подавление политических свобод в обществе. Ведущим типом личности в таком обществе является авторитарная личность с присущими ей чертами: социальным консерватизмом; потребностью в иерархии и уважением силы; с ригидностью, негибкостью установок; стереотипным стилем мышления; с более или менее стадной враждебностью и агрессивностью, иногда вплоть до садизма; с тревожностью по отношению к другим и невозможностью устанавливать с ними доверительные отношения.

«Новая Энциклопедия Британика» характеризует Адорно как философа, известного в социологии, психологии и музыковедении, как одного из создателей Франкфуртской школы критической теории, внесшего важный интеллектуальный вклад в возрождение Германии после второй мировой войны.

Родившись 11 сентября 1903 года во Франкфурте-на-Майне, Теодор был единственным ребенком ассимилированного еврея, виноторговца Визенгрунда и его жены-католички Адорно, певицы с именем, происходящей из знатного корсиканского рода. Именно матери Теодор обязан формированию у него аристократической чувственности и страсти к музыке. В средней школе его другом был Зигфрид Кракауэр, написавший впоследствии ставшую популярной книгу ' «От Калигари до Гитлера». Целый год друзья все субботы после обеда посвящали чтению «Критики чистого разума» Канта. Уже в конце своей жизни Адорно вспоминал: «Я отдавал этому чтению преимущество перед школьными учителями». Его окончательно покоряет философия в 1923 году, когда он знакомится с Вальтером Беньямином. Но, тем не менее, на первых порах страсть к музыке была еще сильнее. Живя в родном Франкфурте, он изучает композицию и игру на фортепьяно у Эдуарда Юнга и Бернгарта Зеклеса, но, в поисках большего профессионализма в музыке, отправляется в Вену.

Здесь, погруженный в атмосферу артистической жизни, он становится учеником, а затем и другом Альбана Берга, Эдуарда Штойерманна, Рудольфа Колиша и Антона фон Веберна. Технику музыкальной композиции он изучал у Арнольда Шенберга и в 1928-1931 гг. активно сотрудничал в журнале «Anbruch», посвященном «радикальной» современной музыке. Уже в восемнадцать лет Адорно опубликовал две критические статьи о музыке. Большой резонанс получила его статья в журнале «Анбрух» в защиту атональной музыки Шенберга. Увлеченность музыкой сопровождалась неизменно постоянным интересом к философии, в частности, к эстетике. Большое влияние на него оказала работа Льюиса Пучака «Теория романа»(1920).

исторически преобразованиями структуры переживаемого опыта. «Аналогичный случай», который он, как говорит, нашел в обеих дисциплинах, — это то, чего не хватает в современном искусстве и культуре в обществе, все более охваченном технологической рациональностью. Общество, которое позволяет себе изменить традиционным идеалам, увлеченное такой культурой, готово к погружению в тоталитарное варварство, нацистское или сталинистское. Свою первую работу на право преподавания (Habilitationsschrift) он посвятил Фрейду, предприняв смелую попытку легитимизировать Фрейдов метод психоанализа опираясь на неокантиантскую концепцию Корнелиуса. В заключительной части работы содержалась марксистская критика идеологических функций нефрейдových теорий бессознательного, что, как посчитали оценивающие эту работу профессора, было не совместимо с идеализмом всего остального анализа, и работа не была принята.

Начинал Адорно свою творческую деятельность в рамках Франкфуртской школы как теоретик музыки. Его первые статьи появились в знаменитом институтском журнале «Zeitschrift für Sozialforschung und Sozialpolitik» под псевдонимом Гектор Роттвейлер: «Оджазе»(1932) и «О фетишизме в музыке и регрессии слушания»(1936). Его анализ музыки как буржуазного культурного явления вышел далеко за рамки критики ее идеологического содержания. Он настаивал на том, что буржуазные артисты и мыслители, несмотря на собственные политические взгляды, а часто и вопреки собственным намерениям, выражали в форме нерешенных напряжений в своих работах скрытую социальную критику и латентную утопическую перспективу. В этой связи важнейшей задачей критика-интерпретатора искусства является раскрытие и освещение именно этого момента в их творчестве.

В 1934 году в связи с шестидесятилетним юбилеем Шенберга Адорно опубликовал свое эссе «Диалектический композитор», в котором доказывал, что с помощью имманентной логики музыкального материала Шенберг диалектически отрицал и имманентно превзошел буржуазную тональность, а ставшая результатом этого атональная революция не только освободила музыку от ее идеологической социальной функции, но и предложила когнитивную модель для недоминирующих социальных структур.

Собственной целью Адорно считал достижение аналогичного результата в области философии и социологии. Он, в частности, избрал полем своего анализа критику феноменологии Гуссерля.

Как крупный теоретик Адорно начинает формироваться, начав сотрудничать с Максом Хоркхаймером. Они, наряду с Вальтером Бенямином, Бертольдом Брехтом, Эрнстом Блохом, Ласло Мохоль-Надем и Катариной Карплус (на которой Адорно женился в 1937 г.), становятся постоянными участниками левого литературного кружка в Берлине. Именно

структура отражена в структурах характера. Настольной книгой молодых немецких радикалов становится работа Д. Лукача «История и классовое сознание»(1923), в которой анализируются связи общественного сознания и структуры общества.

Один из его коллег и друзей В. Беньямин разрабатывает эзотерические когнитивные теории, которые Адорно стремится перевести в диалектический, материалистический метод экзегезиса. Термин «экзегеза» вошел в научный обиход в средние века и означал толкование, комментирование библейских или античных текстов. Адорно пишет диссертацию, посвященную Кьеркегору и защищенную в 1931 г., и, применяя свой метод экзегезиса, отмечает решающее влияние философской ориентации на эстетику будущего. В работе о Кьеркегоре содержится скрытая критика работы Мартина Хайдеггера «Бытие и время»(1927). очень бурно обсуждавшейся тогда среди немецких обществоведов.

Вторая габилитационная работа анализировала феноменологическую концепцию Гуссерля как наиболее продвинутую форму буржуазного идеализма, своего рода теорию «развитого упадка». Тактика его изложения состояла в следующем: сосредоточиться на логических несоответствиях гуссерлианства с тем, чтобы то, что на первый взгляд кажется логическим противоречием, рассматривалось бы как рефлексия социального противоречия — не как философская ошибка, но как отражение материальной истины. Показывая, что социально конкретная, исторически специфичная реальность пронизала все предпосылки и категории Гуссерля: автономность разума, приоритет мысли, внеисторичную универсальность истины, Адорно надеялся показать ложность фундаментального идеалистического допущения о том, что такие категории не зависимы от истории и доказать, что диалектические, материалистические принципы (приоритет материи, необходимость логики противоречий) должны быть приняты взамен гуссерлианских.

Эта работа была поддержана Паулем Тиллихом и в 1931 году он принят преподавателем в университет. В том же году Хоркхаймер стал директором института социальных исследований. Первыми штатными сотрудниками при нем становятся Эрих Фромм, Лео Левенталь, Герберт Маркузе и Фридрих Поллок, а совместителями — Адорно и Беньямин.

По иронии судьбы в момент, когда перед Теодором открывалась университетская карьера, Гитлер пришел к власти в тот самый день, когда была опубликована его работа. Он потерял право на преподавание и вынужден был эмигрировать.

Сначала Адорно оказывается в Британии, где он преподает в Мертон-колледже Оксфордского университета — читает курс лекций по концепции Гуссерля, затем, после четырех лет пребывания в Великобритании, перебирается в США. Здесь Адорно стал руководителем музыкальных исследований в знаменитом Принстонском проекте «Office of Radio Research»,

генеральным директором которого был Пауль Лазарсфельд. В это время Адорно разрабатывает и использует «социальную физиогномику» при анализе радиомузыки. «Социальная физиогномика» — это предложенный им метод специфической, оригинальной интерпретации антагонизмов социального целого по отдельным, частным деталям современного опыта. Вскоре, однако, становится очевидным, что критическая, теоретическая природа его подхода не совместима с маркетинговой концепцией исследования, ориентированного на сбор конкретных эмпирических данных, таких, например, как «что нравится и что не нравится» аудитории радиослушателей. Вот почему финансирование его работы закончилось в 1939 году.

Тогда Адорно перебирается к Макс Хоркхаймеру в Калифорнийский университет Лос-Анджелеса (UCLA) в Беркли. Начинается период их самого тесного сотрудничества. Они приняли аргумент экономиста Фридриха Поллока о том, что в советской России сложился государственный капитализм, очень похожий на бюрократическую структуру интервенционистского государства, предложенную и реализуемую в США Франклином Рузвельтом в его знаменитом «Новом курсе», и доказывали, что любым подобным структурам внутренне присущ авторитаризм. Если на ранней стадии они рассматривали реификацию (овеществление) в качестве главного идеологического препятствия, стоящего перед критическим сознанием, а критический разум считали главным способом ее преодоления, то впоследствии, после мрачных лет Освенцима и Хиросимы, главным предметом их внимания стало пассивное подчинение власти, а сам разум начал оцениваться ими как форма доминации, господства. Их отношение к собственным интеллектуальным усилиям состояло в том, что это не столько предвосхищение социальной революции, но просто борьба за выживание критического сознания.

Новый пессимизм означал разрыв с радикально-либеральной традицией. Адорно и Хоркхаймер тесно сотрудничали, разрабатывая следствия (импликации) своей социальной теории. Они анализировали тоталитарные тенденции, общие для политических структур фашизма, позднего капитализма и государственного капитализма, а также когнитивные структуры авторитаризма, антисемитизма и культурного конформизма, которые, как они доказывали, своим результатом имеют «вымирание эго», бессилие субъекта в тотально «администрируемом мире». Именно на этой платформе родился главный методологический труд Франкфуртской школы — «Диалектика просвещения» (1947). В нем авторы изложили критическую историю разума как «диалектику просвещения», где просвещение понимается как процесс рационального овладения природой, восходящий к истокам городской цивилизации. Главный их тезис: разум, который должен был демифологизировать мир и освободить людей, сам превратился в миф. Не терпя ничего внешнего, что «не идентично» ему самому, он предоставил новое оружие не

над природой, включая сюда и человеческое тело. Он легитимизировал, узаконил психологические, сексуальные и (физические репрессии.

будучи методом позитивистского исследования, без вопросов признающим эмпирические данные, но одновременно также и являясь основанием скорее для консенсуса, чем для критической политики, разум стал инструментом конформизма. И в этом смысле его идеологическая функция стала сравнима с функцией массовой культуры. «Диалектика просвещения» включала и теорию «культурной индустрии», доказывающую, что как удобство современная культура (равным образом и высокоинтеллектуальная. и популярная) замкнута в структурах доминации и интернализowała авторитарные формы этих структур. Новые технологии средств массовой информации — это просвещение массового обмана:

имея целью развлечь, они развивают покорность пассивной аудитории;

имея целью поддерживать постоянную новизну, они поставляют повторение постоянно идентичного.

Феномен антисемитизма тесно связан как с подавляющим разумом, так и с массовой культурой, потому что он демонстрирует ту же нетерпимость и боязнь «нсидентичного», ту же нехватку воображения, ту же неспособность к автономному, критически-когнивному опыту.

Во второй половине 40-х гг. Адорно снова был вовлечен в проект, требующий перевода его метода в эмпирическое социальное исследование, — сам он эту задачу сравнивал с квадратурой круга. В рамках серии «Изучение предрассудков», издаваемой Хоркхаймером на деньги Американского еврейского комитета, он вместе с социальными психологами Невитгом Санфордом. Даниелем Левинсоном и Эльзой Френкель-Брунsvик (The Berkeley Public Opinion Group) разрабатывал экспериментальный метод и'учения анисемитизма. Результаты исследования и их интерпретация были опубликованы в знаменитом коллективном труде «Авторитарная личность»⁹⁴⁹), где Адорно был руководителем авторского коллектива и ответственным редактором. Книга вызвала много споров, в этой связи можно назвать, например, сборник «Исследования выборки и метода авторитарной личности», вышедший в 1954 г. в издательстве «Фри Пресс» под редакцией Ричарда Кристи и Марии Ягода.

Теоретическая база исследования вытекала из идей «Диалектики просвещения», определявшей, что антисемитизм, будучи ложно сориентированным протестом против экономической несправедливости, делавшим евреев козлами отпущения, является лишь одним из элементов «структуры авторитарного характера», а это, в свою очередь, имеет корни в объективных социальных условиях. Характеристики авторитарного типа включают пассивность, конформизм, ригидность (негибкость) мысли, склонность к

ствии этих черт, составляющих взаимосвязанную структуру. Оригинальное решение этой задачи было очень похоже на «социальную физиогномику» Адорно.

На основе частностей, в данном случае — ответов на поставленные вопросы — берклианская группа выводила общую структуру характера, одновременно раскрывая не демонстрируемые, но латентные, скрытые значения ответов. Варианты ответов оценивались по /'-шкале, а кластеры ответов, набравшие по ней высокие баллы, расценивались как симптоматичные для «фашистских» тенденций. Антифашистская структура характера — критического, неконформного, открытого, со значительно более разнообразными свойствами — имела тенденцию вообще не подпадать под типологизирующую процедуру. В качестве способа проверки количественных результатов /"-шкалы проводились глубинные интервью с использованием контент-анализа. Адорно взял на себя задачу интерпретации этих интервью, используя плотный текстуальный анализ, типичный для его критических экзегез.

В 1949 году город Франкфурт пригласил Хоркхаймера восстановить Институт социальных исследований при университете. Адорно возвращается в качестве со-директора ИСИ из США во Франкфурт. Это свое решение он объяснял как стратегическими мотивами, так и языковыми. Стратегия — это необходимость восстановления Института социальных исследований, а немецкий язык, по мнению Адорно, «имеет совершенно исключительную близость с философией, во всяком случае, с ее умозрительным аспектом». Здесь в 1953 году его избирают директором ИСИ, а в 1964 году председателем Германского социологического общества.

Разрабатываемая им в эти годы «критическая теория» сыграла важную роль в интеллектуальном восстановлении Германии, «предоставив студентам фрейд-марксистский контекст для анализа фашизма и критической переоценки традиции германского просвещения» [International Encyclopedia of the Social Sciences. V 18. N.Y.—L.: The Free Press. 1979, p.9].

Тот факт, что Франкфуртский институт социальных исследований был антисоветским, равно как и антифашистским, позволил ему процветать в климате «холодной войны». «Критическая теория» оставалась преданной демократическим идеалам. Однако она осуждала как псевдодемократию наложение эгалитарных форм на иерархичное, классово структурированное общество. Более того, благодаря главным образом американскому опыту Адорно. Институт сопротивлялся «маркетинговым» методам в социальных науках и англо-саксонскому эмпиризму в философии. А ведь и то, и другое было очень влиятельно в качестве интеллектуального аккомпанемента военной оккупации. Следовательно (в частности, благодаря критике массовой культуры), критическая теория противостояла также и гегемонии союзников.

Его немецкие периоды творчества были для него необычайно насыщенными и разнообразными по сферам приложения усилий. Широкий резонанс в Германии получила написанная им книга афоризмов «Минима моралиа» (1956). Как композитор он писал песни, произведения для квартета и оркестра. Он, в частности, был музыкальным советником Томаса Манна при написании последним «Доктора Фауста». В последние годы много его работ посвящено социально-критическому анализу различных интеллектуальных движений. Он работал необычайно разнообразно и плодотворно. Вот лишь некоторые из областей, в которых ему удалось внести заметный вклад: литература, музыка, теория познания, эстетика, социология, публицистика. Перечислим наиболее значительные из его книг второго немецкого периода: «Разыскания о Вагнере» (1952), «Диссонансы. Музыка в развороченном мире» (1956). «К метакритике познания» (1956), «Заметки о литературе. I. II. III» (1958. 1961. 1969). «Теория поверхностного образования» (1962). «Музыкальные моменты» (на франц. яз., 1964), «Аспекты гегелевской философии» (1957), «Введение в музыковедение» (1962), «Негативная диалектика» (1966). «Позитивистское течение в немецкой социологии» (1969). «Композиция фильма» (совм. с Ейслером. 1969). Уже после его смерти, в 1971 году вышло собрание его сочинений, насчитывающее двадцать томов.

Большой резонанс получила полемика между Франкфуртской школой и позитивистами, в которой приняли участие Теодор Адорно и Карл Поппер. Юрген Хабермас и Карл Альберт. В Германии она получила название «Positivisinstreit» (Позитивистский диспут) и стала заметным событием в интеллектуальной жизни Западной Европы. По сути она представляла собой противостояние либеральной и радикальной критики современного познания. Внешне в концепциях «критической теории» Адорно и «критического рационализма» Поппера было много общего: обе теории противостояли специализации и бюрократизации научного поиска, обе критиковали структуры закрытой мысли и тотальные системы, обе осуждали низведение разума до некритического социально-технологического института. Однако их реальное и серьезное различие лежало в политической сфере.

Поппер полагал, что свободные, состязательные дебаты «сообщества ученых» возможны в западном обществе и приведут к теоретической когерентности, сплоченности. Адорно же считал, что такие дебаты неизбежно будут искажены господствующими экономическими и социальными структурами, в рамках которых они ведутся, а теоретическая когерентность при этом выполняет идеологическую функцию, маскируя социальные противоречия. Из-за того, что Адорно рассматривал социальное освобождение в качестве обязательного предварительного условия для разрешения теоретических противоречий, он полагал, что его позиция

иронии судьбы Поппер, атакуя эзотерический язык и труднопонимаемое гегелевское наследие в «критической теории», рассматривал себя как защитника антиэлитарной, демократической позиции.

Для Адорно главная политическая проблема заключалась в том, что разум не применяется критически для оспаривания данной реальности. Вместо этого мысль или господствует над реальностью (идеализм), либо реальность господствует над мыслью (эмпиризм), а когда любой из полюсов берется в качестве философской первопричины, мысль входит в противоречие со статус-кво. Главная теоретическая проблема для него состоит в том, чтобы определить диалектический метод без идентификации, при которой напряжение между мыслью и реальностью остается не решенным.

Свой главный методологический труд, вышедший в 1966 г. он озаглавил «Негативная диалектика» для того, чтобы отличить свою концепцию от гегелевского идеализма. С другой стороны, это был метод доказательства, основанный на неидентичности понятий их объективному содержанию (например, разума — реальности) на нескольких уровнях:

1) объект не дотягивает до своего понятия («рациональное» общество на самом деле иррационально);

2) понятие оказывает насилие по отношению к идентифицируемому объекту (разум схватывает реальность, господствуя над ней);

3) только противоречивые понятия (правда — миф) могут определить объект (реальность), являющийся в действительности противоречивым.

Можно также сказать, что негативная диалектика — это метод экзегезиса, основанный на неидентичности между значением текста и намерением автора — когда тексты интерпретируются диалектически, не приводятся очевидных аргументов против, таким образом субъективные, культурные, познавательные процедуры могут быть прочитаны как шифры объективной социальной тотальности.

Нерешаемая природа негативной диалектики запрещает «критической теории» становиться систематизированной социальной теорией. Адорно, например, не пытается примирить Фрейда и Маркса, поскольку он полагал, что такой синтез ослабит критический потенциал обоих. Вместо этого Адорно использует их теории контрапунктом — он интерпретирует психологические явления как отражение социально-экономической структуры, но в то же время анализирует социально-экономическую структуру в терминах ментальных явлений (культура, познание, структура характера), ее поддерживающих.

Те же утонченные методы он применял и при интерпретации явлений массовой культуры. Его критиковали, в частности Эдвард Шилз в статье «Дневные мечты и кошмары» [Daydreams and Nightmares // *Sewanee Review*. 1957, т.65. р.587-608], за неумение оценить демократические черты массовой культуры. Однако он воспринимал джаз или газетные гороскопы с той же философской серьезностью, как

когда они читаются критически, они не менее способны осветить социальную истину,

Чтобы оценить марксистские компоненты творчества Адорно, необходимо понять, что для него диалектический материализм всегда был методом познания, диктуемым самим материалом, независимо ни от какой классовой то^{1^^} зрения.

В конце 50-х годов его университетская деятельность во Франкфуртском университете имени Гете почти постоянно вовлекает его в конфликты, будоражащие политическую и культурную жизнь ФРГ: уже говорилось об острой перепалке с позитивизмом в обществоведении и полемике с Карлом Поппером; еще одна проблема его бурного реагирования — это реформа системы высшего образования в ФРГ. 1968 год застаёт его в схватках с движением немецкого студенческого протеста, которое откликнулось на известные майские события в Париже серией забастовок и демонстраций. Адорно же скептически отнесся к объективной возможности революции и поддерживал свой статус неучастия. Студенты часто ставили ему в упрек, что своей «критической теорией» он персонально заключает соглашение с существующим истеблишментом. Со своей стороны, Адорно без колебаний отвергает активизм фракции немецкой Новой Лево́й. Он убежден в необходимости структурной трансформации социальных отношений, но остается абсолютно убежденным в том, что подлинный революционный праксис должен быть праксисом ненасильственным.

Его внезапная смерть во время каникул от сердечного приступа 9 августа 1969 года оставила незавершенными две работы, которым он придавал важное значение: «Эстетическую теорию» и монографию о Бетховене.

Систематическое изложение теоретических концепций Адорно встречается как минимум с двумя трудностями. Одна состоит в том, что его деятельность не принадлежит исключительно к какой-либо одной области. Адорно — пианист, музыкант и композитор, может быть также равным образом назван философом, социологом, эстетиком и писателем. Другая сложность состоит в том, что, по его собственному утверждению, подлинная философия не поддается изложению, резюмированию, и это требует от толкователя постоянных объяснений и комментариев. Один из аналитиков его творчества Марк Хименес называет его способ изложения паратактическим: «расположение фрагментов его дискурса (рассуждения) умышленно отрывочно, организовано в форме созвездий вокруг центральной темы. Его философия изначально враждебна любой системе, наиболее адекватное выражение она находит в афоризме, либо во множестве моделей» [Jimenez M. Adorno // *Dictionnaire des Philosophes*. V. 1 2me ed. — P:PUF, 1984, p.24].

В известной французской энциклопедии «La Grande Larousse» отмечается, что «критическая теория общества» Франкфуртской школы приняла у Адорно «намеренно пессимистические акценты радикального

отказа... Необходимо достичь определенного страдания в качестве философской категории, но он сохраняет ностальгию по «примирению» (реконсилиации). Его эстетика, которая не всегда избегает элитарности, отвергает индустрию культурного потребления (Kulturindustrie) и подчеркивает в искусстве функцию протеста, полного разрушения существующего порядка» [La Grande Larousse. V.I. P.:Larousse, 1995, p. 122]. А одна из посвященных его творчеству работ, вышедших в Лондоне, называется:

«Меланхолическая наука. Введение в теорию Т. Адорно» [Rose G. The Melancholy Science. An Introduction to the Thought of T.W. Adorno. — L.: Basinsstoke, 1978].

проф. В.П. Култыгин, д. филос. н.

V. Религиозные представления по материалам интервью

A. Введение

Связь между религией и предрассудками играла в этом исследовании относительно второстепенную роль. Так как наша выборка не охватывала ни ярко выраженные религиозные группы, не составлялась в районах, где религиозная идеология имеет особую социальную значимость, как, например, в «библейском поясе» и в городах с однородным населением ирландцев-католиков. Если бы к подобным регионам применялись методы данного исследования, то, без сомнения, религиозный фактор был бы гораздо более очевиден.

Кроме того, есть и более фундаментальное уточнение. Религия в мышлении большинства людей не является, как прежде, определяющим фактором. Представляется, что она достаточно редко определяет социальные взгляды людей и их поступки. По крайней мере, на это указывают полученные результаты. Результаты статистических исследований, приведенные в главе

VI, не слишком нас удивляют¹, а собранный материал не вполне достаточен, хотя часть вопросов интервью и посвящена исключительно религии. По-видимому, вследствие религиозной индифферентности вся эта идеологическая сфера несколько отступает на задний план; она, без сомнения, менее эмоциональна, чем большинство других исследуемых нами идеологических сфер, а традиционное отождествление религиозного «фанатизма» и фанатичных предрассудков больше не соответствует действительности.

Но есть достаточная причина, чтобы тщательно проанализировать наши результаты в сфере религии, как бы скудны они ни казались, поскольку значительное участие бывших и действующих священников в распространении фашистской пропаганды в США, непрерывное использование религии в качестве средства пропаганды позволяет сделать вывод, что общая склонность к религиозной индифферентности ни в коей мере не вызвала разрыва между религиозными убеждениями и нашей основной проблемой. Даже если религия давно избегает откровенного фанатизма, направленного против тех, кто не является ее приверженцем, все же можно предположить, что на глубинном и бессознательном уровне дают о себе знать и религиозное наследие, и древние верования и идентификация с определенными понятиями.

В разработке данной темы мы исходим из следующих теоретических рассуждений, обуславливающих всю нашу систему определения отношений.

Вначале мы думали, что связи и отношения между религиозной идеологией и этноцентризмом должны быть комплексными. С одной

стороны, существует противоречие между предрассудками и христианским учением о всеобщей любви, идеей «христианского гуманизма» — несомненно, важнейшими историческими предпосылками признания того, что «перед лицом Бога» меньшинство имеет равные права с большинством. Христианская релятивизация естественного, подчеркнутое выделение «духовного» препятствуют любым тенденциям оправдывать «расовые предрассудки» и оценивать людей по их происхождению.

С другой стороны, христианство как религия «сына» содержит в себе антагонизм по отношению к религии «отца» и к их нынешним свидетелям — евреям. Этот антагонизм, продолжающийся еще со времен Павла, усугубляется еще и тем, что евреи придерживаются собственной религиозной культуры и отвергают религию «сына», а также тем фактом, что Новый Завет возлагает на них вину в смерти Христа. Великие теологи, от Тертуллиана и Августина до Кьеркегора, постоянно обращали внимание на то, что принятие христианства самими христианами содержит весьма двусмысленный элемент — доктрину Бога, становящегося человеком, то есть, конечного бесконечного. Пока этот элемент бессознательно ставится в центр христианской концепции, это будет способствовать росту враждебности по отношению к группе «чужих». Как уже указал Сэмюэл², «слабые» христиане полны неприязни по отношению к евреям, которые откровенно отвергают религию «сына»; а сами же по причине парадоксальной, иррациональной природы своей веры замечают у себя следы некоторого негативного восприятия, в котором не смеют себе признаться и поэтому должны подвергнуть это строгому табу для других.

Вряд ли будет преувеличением утверждать, что многие распространенные оправдания антисемитизма возникли на основе христианства или, по крайней мере, смешаны с его мотивами. Борьбу с евреями можно уподобить борьбе Спасителя с христианским дьяволом. То, что представление о евреях в большой степени является секуляризацией средневековых идей нечистой силы (сатаны), подробно описал Джошуа Тречтенберг³. Фантастические образы еврейских банкиров и ростовщиков имеют свои библейские архетипы в истории Иисуса, изгоняющего торгующих из храма;

представление о еврейских мудрецах как о софистах соответствует христианскому осуждению фарисеев. Еврей — предатель Иуда, не только предаст своего учителя, но и своих товарищей, которые приняли его. Эти мотивы усиливаются бессознательными побуждениями, выраженными в представлениях о распятии и кровавой жертве. Если эти побуждения с большим или меньшим успехом вытесняются «христианским гуманизмом», то все же нужно принимать во внимание их скрытые психологические корни⁴.

Оценивая влияние таких религиозных элементов на возникновение или напротив, на запрет предрассудков, следует принимать во внимание положение христианства в современный период: ему угрожает «индифферентность» (равнодушие), которое зачастую практически полностью обес-

смысливает его. Процесс просвещения и успехи естественных наук очень глубоко коснулись христианской религии; «магические» элементы христианства и христианская вера в библейские истории как в реальные факты были поколеблены самым серьезным образом. Но это все же не означает конца христианской религии. Отступив в своих важнейших притязаниях, она сохранила по крайней мере часть своих социальных функций, приобретенных в течение веков, и тем самым достаточно сильно *нейтрализовалась*. Внешняя оболочка христианского учения, прежде всего его социальный авторитет и некоторые другие содержательные элементы, остались в прежнем виде и используются случайным образом как «культурное достояние», например, патриотизм или традиционное искусство.

Примером нейтрализации религиозных убеждений могут служить высказывания *Mi 09, H*, католика, регулярно посещающего церковь. В анкете он заявил, что рассматривает религию как

чрезвычайно важный элемент нашего существования, который, пожалуй, занимает 2-5 процентов нашего свободного времени.

Причисление религии, которая первоначально считалась важнейшей сферой жизни, к «досугу», включение в распорядок дня, где ей отведено определенное время в процентах, символизирует радикальные изменения, происшедшие в отношении к религии.

Вряд ли можно признать, что нейтрализованные пережитки христианства, отраженные в словах *Mi 09*, по-прежнему основаны на глубокой вере и существенном личном опыте; вряд ли они позволяют определить индивидуальное поведение, отличное от того, что можно ожидать по общепринятым меркам цивилизации.

Тем не менее, некоторые формальные элементы христианства — устойчивая антитеза добра и зла, идеалы аскетизма, ценность неустанных трудов и стремлений человека все еще оказывают значительное воздействие. Оторванные от своего происхождения, лишённые специфического содержания, эти элементы христианства легко становятся застывшими формулами и принимают просто непримиримые формы, проявляющиеся у лиц, подверженных предрассудкам и предубеждениям.

Распад позитивной религии и сохранение ее в качестве необязательной идеологической оболочки основывается на общественных процессах. В то время как религия утрачивала свое сокровенное право на истину, она все более становилась «общественным цементом»; чем нужнее этот цемент для сохранения статус-кво и чем уязвимее становится заключенная в нем истина, тем настойчивей защищается его авторитет и тем отчетливее проявляются его негативные и деструктивные свойства.

Трансформация религии в оплот социального конформизма уподобляет ее большинству других конформистских тенденций. Придерживаясь в таких

условиях христианства, можно легко злоупотребить этой верой: в противоположность покорности, крайней конформности и лояльности в группе единомышленников возникает идейная направленность, в которой скрыта ненависть к неверующим, инакомыслящим, евреям. Принадлежность к вероисповеданию приобретает форму агрессивной фатальности, подобную чувству принадлежности к особой нации; она имеет тенденцию превращаться в довольно абстрактные отношения собственной группы и группы чужаков, подобно модели, разработанной при исследовании этноцент-ризма⁵.

Эти теоретические положения не должны рассматриваться в качестве гипотезы, доказательствами которой становится наше исследование; это скорее фон, на котором с большой долей вероятности можно проинтерпретировать наши наблюдения.

В. Общие наблюдения

Материалы интервью укрепили наше мнение, возникшее на основе анализа результатов анкет: чем традиционнее религия, тем в большей степени она совпадает со взглядами этноцентричного индивидуума. Этот вывод объясняет следующая выдержка из интервью *F5054*, женщины с высокими показателями по шкале *E*:

как кажется, она восприняла целый ряд весьма догматических моральных представлений; в результате она смотрит «в особенности на молодежь, называющую себя атеистами», как не относящуюся к тому кругу, к которому она хотела бы принадлежать. Она по секрету сообщила, что для нее потому так важно уехать из Вествуда, поскольку она хочет, чтобы ее младшая дочь не поддалась влиянию соседского юноши, по-видимому, атеиста, которому его отец внушил, что «религия — сплошная чепуха». Она очень обеспокоена тем, что ее старшая дочь «просто не хочет ходить в церковь».

умеренная религия, чем большинство других». Когда респондент жил у бабушки с дедом, он ходил в воскресную школу тамошней общины церкви объединения, которая ему нравилась. По его мнению, эта община представляет собой смягченную форму сайентологии. К христианскому сайентизму он примкнул, когда женился, так как его жена и вся ее семья принадлежали к этой церкви.

«Религия не должна заходить далеко и вмешиваться в важные дела повседневной жизни. Но религия все-таки должна удерживать человека от разных пороков, вроде пьянства, азартных игр, других излишеств».

F103, молодая женщина с высокими показателями, говорит: «Мои родители разрешали нам принимать решения самостоятельно, но в церковь мы должны были ходить». Здесь отсутствует всякий интерес к содержательной стороне религии: церковь посещается, «потому что так положено» и хочется, чтобы родители были довольны. В качестве последнего примера упомянем *F104*, еще одну женщину с предубеждениями, которая утверждает: «Я не знала никого, кто не был бы религиозен. Только одного молодого человека, он колебался, но все-таки был весьма предрасположен». Повидимому, посещение церкви должно показать, что человек в норме, или, по крайней мере, его можно считать правильным человеком.

Эти примеры объясняют нам, почему лица или группы, которые в глубине души «серьезно воспринимают» религию, склонны отвергать этноцентризм, что мы и наблюдаем в Германии, где такие «радикальные христианские движения», как, например, руководимое теологом-диалектиком Карлом Бартом, мужественно сопротивлялись национал-социализму, но предпочли остаться вне теологической «элиты». Тот факт, что человек в религиозно «нейтрализованной» среде серьезно обдумывает смысл религии, доказывает его независимость. Она вполне может привести к оппозиции против «приличных» людей, для которых «второй натурой» стала привычка посещать церковь, и в то же время воспринимается само собой разумеющееся, что евреи не допускаются в их клуб. Более того, упор на специфическое содержание религии, а не различия между принадлежащими и не принадлежащими к христианской вере выдвигают естественным образом на первый план мотивы любви и сострадания, которые совершенно стираются традиционными религиозными стереотипами мышления. Чем более конкретно и «гуманно» отношение индивидуума к религии, тем гуманнее он становится по отношению к тем, «кто этого не разделяет»: их страдания напоминают религиозному субъективисту об идее мученичества, неразрывно связанного в его сознании с образом Христа.

Короче говоря, как отметил сто лет назад Кьеркегор, приверженцы «официального христианства», вероятно, склоняются к этноцентризму, и отдельные религиозные группы не хотят отвергать его официально; напротив, «радикальные» христиане настроены думать и действовать по-другому.

Все же нельзя не заметить, что крайний религиозный субъективизм, который, с одной стороны, резко противопоставляет религиозный «опыт» «объективированной» церкви, может в определенных условиях соединяться с потенциальной фашистской ментальностью. Религиозный субъективизм, отвергающий все обязательные принципы, подготавливает духовную почву для других авторитарных притязаний. Сектантский дух индивидуумов, который они доводят до крайности, также может порой привести к определенному сходству с той агрессивной, защищающей приоритет собственной группы атмосферой, охватывающей все окружающее, и к тем скрытым анархистским тенденциям, которые характерны для потенциального фашизма. Этот аспект религиозного субъективизма играет важную роль в психологии агитаторов фашизма, преследующих свои цели под маской религиозности¹.

Среди тех, кто отвергает религию, следует определить ряд важных различий. Как показывают результаты статистики, люди неверующие и настроенные антирелигиозно, не должны быть автоматически уравнены как респонденты с низкими показателями. Наверняка есть среди них «агностики» или «атеисты», имеющие во всех отношениях прогрессивные взгляды; это касается и проблемы меньшинств. Фактическое значение этой «прогрессивности» может, тем не менее, в значительной степени варьироваться. Конечно, люди с прогрессивными взглядами, настроенные антирелигиозно, в современных условиях однозначно отвергают предрассудки; но когда речь идет о восприимчивости к фашистской пропаганде, решающим фактором является лишь то, мыслят ли они стереотипами, некритично придерживаясь атеизма, терпимости и т.д., не задумываясь о причинах, или же их отношение к религии является следствием самостоятельного мышления.

Исходя из этого, можно выявить важный критерий восприимчивости, зависящий от того, отвергает ли человек религию как традиционного союзника подавления и реакции (в этом случае вероятно, что он относительно свободен от предрассудков) или же он переходит к циничному утилитаризму и отвергает все, что не осязаемо, «нереалистично». В этом случае вероятно, что у него есть предубеждения и предрассудки. Существует также нерелигиозный тип фашиста, полностью лишенный религиозных иллюзий, который становится законченным циником и толкует о законах природы, естественном отборе и о праве сильнейшего. Как раз из таких личностей отбираются истинные приверженцы нового язычества — радикального фашизма. Хорошим примером является 5064, руководитель бойскаутов, имеющий высокие показатели, упомянутый в главе ПГ. В вопросах веры он считает себя сторонником «поклонения природе», очень увлекается (вероятно, из-за скрытой гомосексуальности) спортом и походной жизнью. Этот респондент — отличный пример синдрома, в котором соединяются языческий пантеизм, «вера во власть», коллективный идеал

вождя и общая этноцентрическая и псевдоконсервативная идеология.

Эти общие взгляды на отношение религии и предрассудков, характерные для настоящего времени, должны подготовить понимание следующих специфических наблюдений.

С. Специфические выводы

1. Функции религии у людей с предрассудками и без них

Наша гипотеза о «нейтрализованной» религии подтверждается характерной чертой, которую мы довольно часто встречаем в материалах интервью. Это стремление рассматривать религию как средство, а не самоцель, то есть одобрять и принимать ради ее ценности для достижения целей, которые нельзя достигнуть другими средствами, а не ради ее объективной истины. Этой точке зрения соответствует общая тенденция к подчинению и отказу от собственного мнения, что очень характерно для ментальное™ сторонников фашистских движений. Они принимают и разделяют идеологию не потому, что понимают ее или верят в ее истинность, но из-за возможности ее непосредственного применения или же вследствие произвольных решений. Здесь и кроется один из корней того упорного, последовательного и манипулятивного иррационализма национал-социалистов, который Гитлер выразил в словах: «Можно умереть только за ту идею, которую не понимаешь». По внутренней логике это равносильно презрению к истине как таковой. Мировоззрение выбирается как товар на рынке: потому что его необычайно умело расхвалили, а не потому, что он хорош. По отношению к сфере религии такая позиция должна породить амбивалентность, так как религия претендует на то, чтобы быть абсолютной истиной. Если же она признается и принимается по другим причинам, то тогда это притязание отрицается и религия по сути отвергается, несмотря на ее внешнее признание. Поэтому упорное утверждение религиозных ценностей из-за их «выгоды» должно неизбежно работать против них.

И те, кто не имеет предрассудков, и те, кто их имеет, обычно подчиняют религию внешним целям. Кажется, что в этом плане их невозможно различить, но они явно различны по своим целям и по тем способам, с помощью которых они ставят религию себе на службу.

Но люди, имеющие предрассудки, чаще, чем те, кто их не имеет, используют религиозные идеи ради непосредственной практической выгоды, а также для того, чтобы манипулировать другими людьми. Примером, когда формализованная религия используется для поддержания социального статуса и общественных отношений, может служить *F201*, молодая женщина с ярко выраженными предубеждениями, которая выражает свою заинтересованность в «стабильном обществе» с четко очерченными классовыми границами:

В женской школе, в которую я ходила, я стала членом епископальной церкви. Там было очень хорошо. Мои друзья тоже туда ходят. Она дает больше философии, чем христианский сайентизм, и она повышает уровень. Философия епископальной церкви в целом соответствует всем протестантским церквям. Она принята в высших классах и предоставляет им религию или приближается к ним.

Этноцентристы зачастую принимают религию за некое практическое вспомогательное средство для гигиены души. Характерно высказывание

F109:

Я не понимаю религии. Она для меня как сказка. Я не знаю, верю ли в Бога. Он должен быть, но в это трудно поверить. Религия дает нечто такое, чего можно придерживаться, согласно чему можно организовать свою жизнь.

Если религия еще и употребляется как нечто, «чего можно придерживаться», то этим потребностям также может удовлетворять все, что для индивидуума представляет абсолютный авторитет, в том числе и фашистское государство. Весьма вероятно, что фашизм играл для немецких женщин как раз такую роль, которая раньше отводилась вере и позитивной религии. В психологическом плане фашистская иерархия функционирует в широком смысле как секуляризованная замена церковной иерархии. В конце концов, национал-социализм получил распространение из Южной Германии, где очень сильна римско-католическая традиция.

В религиозных взглядах *M1 18*, человека с предрассудками и умеренно высокими показателями, ясно виден элемент произвольного; он смешивает религию с псевдонаучными объяснениями, которые лишают его веру всяческой силы.

Я готов поверить в существование Бога, в нечто, что я во всяком случае не могу объяснить. Разве Дарвин не говорил, что первоначально мир состоял только из клубящихся газов?

Ну, так кто же это создал? Откуда они возникли? Это, конечно, имеет мало общего с церковным ритуалом. *(Перед этим он заявлял, что церковь имеет «весьма важное значение»)*.

Здесь нет логической связи между аргументами и тем фактом, что человек придерживается позитивного христианства. Посредством такой софистики его последующие высказывания обнажают аспект неискренности традиционной религии, который так легко приводит к коварному, пренебрежению официально признанными ценностями. *M1 18* продолжает:

Я верю в силу молитвы, даже если она состоит только в том, чтобы удовлетворить молящегося. Я не знаю, есть ли прямая связь, но молитва

помогает человеку, и я за это. Это также возможность самосозерцания, возможность остановиться и поразмышлять о себе⁸.

Признание религии с позиции целесообразности является, вероятно, в меньшей степени выражением желаний и потребностей индивидуума, чем его уверенность в том, что религия хороша для тех, кого она способна удовлетворить, то есть, может быть, использована для манипулирования. Рекомендую религию другим, человек с легкостью становится ее «защитником», не ощущая потребности идентифицироваться с ней. Циничная теория европейских политиков девятнадцатого века о том, что религия — это лекарство для масс, кажется в известной мере демократичной. Ее разделяет большая часть этих самых масс, которые все же для себя, как для личностей, втайне делают оговорки. Подобным оценкам религии соответ-ствует зачастую принятая в национал-социалистской Германии привычка говорить о партии в третьем лице множественного числа (они) и, таким образом, в частной жизни отделять себя от господствующей идеологии. Фашистская личность, по-видимому, только тогда может справиться с жизнью, если она расщепляется на разные уровни, некоторые из них подчинены официальной доктрине, но другие, наследие старого сверх-Я, способствуют сохранению внутреннего равновесия и своей индивидуальности. Такие расщепления Я проявляются в неконтролируемых ассоциациях наивных и необразованных людей, как, например, у М629, мужчины со средними показателями, приговоренного к пожизненному заключению в тюрьме Сан-Квентин. Он высказывает поразительную мысль:

Лично я думаю, что у меня есть религия, которая, насколько я знаю, еще ни в одной книге не была изложена. Я считаю, что религия имеет ценность для людей, которые в это верят. Я думаю, что те, кто ею пользуются, употребляют ее как средство ухода от реальности.

Этот человек провел девятнадцать месяцев в камере смертников, так что отсутствие логики, с которым он делает из религии успокоительное средство, объясняется этим обстоятельством без дальнейшей психологической интерпретации.

Даже люди с более развитым интеллектом бывают подвержены этому конфликту. Примером служит 5059, женщина с умеренно высокими показателями, отвергающая атеизм, поскольку «атеистические похороны слишком бездушны». Она категорически отрицает всякие противоречия между наукой и религией и называет подобные идеи «злонамеренными выдумками». По-видимому, она проецирует свое недовольство конфликтом на тех, кто о нем говорит. Это похоже на мышление национал-социалистов, которые возлагают ответственность за социальные просчеты на критиков общественного строя.

Люди без преубеждений также часто признают религию не за присущую ей истину, а потому что видят в ней средство для достижения целей. Примером такого «практического» восприятия религии является *F126*. Она изучает журналистику, и у нее были очень низкие показатели по шкалам *A-S* и *E*. Вот отрывок из ее интервью:

Родственники посещали церковь только от случая к случаю. Она сама ходит редко, но все же у нее большое уважение к религии, и она считает, что религия могла бы развиться в нечто, что дало бы людям недостающее доверие и взаимопонимание. «Яне знаю, чего еще должны придерживаться люди, какой жизненной цели. Кажется, им нужно что-то, во что нужно верить. Я думаю, некоторые любят своих ближних и без религии, но не очень многие.»

Эти высказывания в какой-то степени напоминают уже описанные выше, но все же у нас сложилось впечатление, что такое «практическое» отношение к религии у людей с низкими показателями *N* обычно отличается от восприятия людей с высокими показателями *H* по содержанию и по контексту. А именно, эта молодая женщина считает, что религия — это хорошо для людей, она дает им «что-то, чего они могут придерживаться», однако, она должна служить гуманным и идеальным целям — «способствовать взаимопониманию» — а не просто преуспению в жизни и делах. Как преубежденные, так и не склонные к предрассудкам предполагают, что религия способствует душевному здоровью. Очень характерно, что с высокими показателями *H* приписывают религию другим, более слабым и ущемленным, сами же обращаются к ней только во время острых внешних кризисов; в то же время лица с низкими показателями *N* склонны видеть в религии более глубокую внутреннюю структуру, средство для борьбы с ненавистью, страхом, решения внутренних конфликтов и т.п. Мы почти никогда не встречали такого *N*, который воспринимал бы религию, главным образом, с внешнепрактической точки зрения, как средство достичь успеха, положения и власти или только для того, чтобы соответствовать традиционным ценностям.

2. Вера в Бога, но не в бессмертие

Нейтрализация религии идет рука об руку с ее расщеплением. Точно так же, как подчеркивание практического использования религии непрерывно подвергается процессу отбора и приспособления. Материалы интервью свидетельствуют, что стремление к избирательной вере является отличительной чертой преубежденных респондентов. Почти без исключения они все верят в Бога, но не в бессмертие. Приведем два примера. Интервьюер пишет о *5009*, верующем баптисте:

он считает себя глубоко религиозным, верит в Бога, но, будучи образованным человеком, иногда сомневается в жизни после смерти.

А вот что написано про 5002:

ло-прежнему является «христианином», верит в Бога, хотел бы верить в жизнь после смерти, но сомневается и думает, что подлинное религиозное возрождение или новый религиозный миф принесет в мир добро.

Особенно распространены заявления о том, что респонденты считают себя людьми религиозными, приверженцами церкви, но несогласными с ее «некоторыми учениями», связанными иногда с чудесами, а иногда с бессмертием. Этот взгляд соответствует той важной глубинной структуре, элементы которой мы установили с помощью психологического анализа. Абстрактная идея Бога сформировалась на основе идеи отца, в то время как общая деструктивность осознавалась как реакция, отвергавшая надежду личности, выразившуюся догмой бессмертия. Респондентам, придерживающимся такой точки зрения, нужен Бог как выражение абсолютной власти, которой они могут поклоняться, но индивидуальное должно исчезнуть полностью.

Понятие Бога, на котором основан этот образ мыслей — это понятие абсолютного наказания. Поэтому неудивительно, что религиозные чувства этого типа очень характерны для *H*, отбывающих срок наказания в тюрьме.

M627, осужденный на пожизненное заключение за изнасилование, «имеет проблемы с религией» и не верит, что «должен быть определенный способ богослужения». Но он верит, невзирая на оттенок религиозного бунтарства,

что у каждого человека должен быть свой путь богослужения, если он верит в силу, которая выше

Для этого человека все специфически религиозное содержание не имеет большого значения по сравнению с идеей силы и жесткими моральными стереотипами добра и зла.

Католическая религия, например, так же хороша, как и та, в которую я верю. Все они основаны на том же укладе жизни, верном или неверном. Я из тех, кто не верит в одну определенную религию.

Этот «абстрактный авторитаризм» в религиозных вопросах легко превращается в цинизм и открытое презрение к тому, во что верил раньше. *M664C* так ответил на вопрос о своих религиозных взглядах:

О. я на это мало обращаю внимания... Я верю в Бога и всю эту чепуху, но это...

Выбор слова «чепуха» опровергает его собственное заявление. В таких случаях есть один эффект нейтрализации — мало остается от Бога, разве что одна божба.

На нигилистический аспект такой конфигурации указывает случай с **убийцей M651**.

То, что мне нравится в ней, это факт, что она делает людей счастливее, хотя меня это не касается... видишь столько лицемерия...

На вопрос, что важнее всего в религии, он сказал:

Вера, я думаю, что вера — это все. Это вещь, которая объединяет нас.

Когда интервьюер захотел узнать о собственных религиозных чувствах респондента, он ответил:

...я верю, что когда умрешь, то это все... Жизнь коротка, а вечность будет всегда. Как может Бог послать тебя в ад навечно только на основе краткого жизнеописания... Это, по-моему, немилосердно и несправедливо.

Приведенный материал указывает на связи между абстрактной верой в силу и отрицанием более конкретных и личных аспектов религии, особенно, идеи вечной жизни, и слегка завуалированной склонности к насилию. Но поскольку насилие запрещено, в особенности в тюрьме, оно проецируется на Божество. Кроме того, нельзя забывать, что совершенно абстрактную идею всемогущего Божества, которая господствовала в восемнадцатом веке, легче всего объединить с «научным духом», чем доктрину бессмертной души — с ее коннотациями «чудесного». Процесс демифологизации ликвидирует следы анимизма раньше и более радикально, чем психологическая идея Абсолюта.

Следует заметить, однако, что как раз противоположную тенденцию можно наблюдать среди приверженцев астрологии и спиритуализма. Они часто верят в бессмертие души, но категорически отрицают существование Бога, отчасти из некоторого пантеизма, который в конечном счете приводит к возвеличению природы. Таким образом, интервью *M651*, в противоположность его прежнему признанию в религиозности по внешним причинам, заканчивается заявлением,

что он верит в астрологию, потому что не верит в Бога.

Стоит задуматься над тем, что далекие последствия такого отношения могут иметь зловещий характер.

3. Нерелигиозные и лишённые предубеждений

Различие между нерелигиозными и религиозными *Λ'* может соответствовать различию между рациональными и эмоциональными детерминантами свободы от предрассудков. *M203* — представитель первого типа. Его можно назвать «истинным либералом» с несколько абстрактным, рационалистичным образом мышления. Его антирелигиозные взгляды основаны не столько на политических убеждениях, сколько на позитивистских воззрениях. Он отвергает религию на «логической основе», но проводит различие между «христианской этикой», которую он считает близкой своим прогрессивным взглядам и так называемой «организованной религией». Изначально его антирелигиозные взгляды могли возникнуть из бунта против условностей: «Я ходил в церковь, потому что от меня этого ждали».

Этот бунт он не вполне четко связывает с чисто логической природой, что объясняется бессознательным чувством вины. (Его равнодушие и апатия предполагает невротическое происхождение, возможно, беспокойство по отношению к объектам). Свою рациональную критику религии он формулирует следующим образом:

Но я всегда относился к ней довольно скептически; я считаю ее в чем-то лживой, бездушной, нетерпимой, можно сказать, снобистской и ханжеской. Она насилует всю христианскую этику

Религия оценивается им как гуманизирующий фактор (христианская этика) и как репрессивное средство. Нет сомнения, что это противоречие коренится в двойственной функции религии на протяжении истории, и поэтому не следует ограничивать только субъективными факторами.

Термин «лицемерный», используемый *M203*, встречается довольно часто в интервью *N*, а иногда и в интервью *H* по отношению к организации церкви и по контрасту к «истинно» религиозным ценностям. Он выражает

историческое освобождение религиозного опыта от института религии. Ненависть к лицемерию, однако, может иметь два направления: либо это тяга к просвещению, либо это оправдание цинизма и презрения к человеку. Кажется, что использование слов «ханжа» или «сноб» включает все больше ноннотаций, связанных с завистью или обидой. Он обличает тех, кто «считает себя чем-то лучше», чтобы прославить посредственных, чтобы обычное и якобы естественное считалось нормой⁹. Зачастую борьба с ложью предшествует разрушительным мотивам, которые оправдываются «ханжеством» и «чванством» других.

Этот феномен можно понять на фоне демократизирующейся культуры. Обвинение религии в «ханжестве», критика, которая в Европе исходит от ограниченных интеллектуальных слоев, связанных с метафизической философией, в Америке также широко распространена, как сама христианская религия. Противоречивое отношение к религии частично объясняется и христианским наследием, и «духом науки». Наличие обеих культурных причин способствует непоследовательному отношению к религии, и объяснение этого не нуждается в обязательном привлечении психической структуры индивидуума.

То, что Америка, при всем ее интересе к науке — это страна с устойчивым религиозным климатом, может помочь объяснить более общую особенность нерелигиозных респондентов с низкими показателями: их действительное или мнимое «негативное» обращение. Так, например, *M202* и *M203*, подобно *M203*, сообщают, что «порвали» с религией. В американской культуре редко кто «рождается» нерелигиозным: там становятся нерелигиозными в результате конфликтов, пережитых в детстве или во взрослом состоянии, и эти изменения благоприятствуют нонконформистским симпатиям, которые в свою очередь приходят в противоречие с предрассудками.

Осознанная нерелигиозность в данной культурной ситуации предполагает определенную силу эго. В качестве примера приведем *M202*, «консерватора», но не фашиста, имеющего чрезвычайно низкие показатели по шкале *E*.

В детстве интервьюируемый был очень религиозным. Он ходил в церковь со своей семьей каждое воскресенье и готов был молиться о чем угодно «на коленях прямо на улице». В 19 лет с ним произошла перемена. Его стали раздражать сплетни в церкви. Он слышал, как люди осуждали тех, кто не участвовал «в их треклятом бизнесе». И эти люди приходили в церковь исповедоваться, а потом снова начинали творить зло. Такого противоречия в поступках он понять не мог.

В этом случае антирелигиозные взгляды со всей очевидностью возникли из неприятия вмешательства в индивидуальную свободу, и это, следует отметить, в не меньшей степени элемент американской идеологии, чем

само христианство. Здесь, как и во многих других случаях, индивидуальная и психологическая амбивалентность человека по отношению к религии отражает объективный антагонизм в нашей культуре.

У310, истинный либерал, дает другой пример мятежных антирелигиозных взглядов. Будчи сыном религиозных родителей, он отрицает христианскую традицию вообще. На открытый конфликт с родителями он не пошел, хотя отношения с ними стали очень холодными. По всей вероятности, свой бунт против семьи он перенес на их религию, стараясь избежать осложнений более личного характера. Достаточно часто мы наблюдаем, что сильные идеологические симпатии или антипатии можно объяснить таким замещением семейных конфликтов, то есть средством, которое позволяет индивидууму выражать свои враждебные чувства на уровне рационализации и таким образом избавиться от необходимости глубокого эмоционального переживания и которое одновременно позволяет юноше остаться под семейным кровом. Возможно, в некоторых отношениях, удобнее нападать на безличного отца, чем на отца родного. Нужно подчеркнуть, однако, что термин «рационализация» не подразумевает, что утверждение неверно. Рационализация — это не психологический аспект мышления, и сама по себе не определяет истинность или ложность. Решение по существу зависит целиком от объективных свойств идеи, которой завершается процесс рационализации.

Контраст этим нерелигиозным и лишенным предрассудкам людям представляют лица, легко меняющие убеждения, такие как *M711*. Его негативное отношение к религии отмечено не столько неприятием, сколько равнодушием, которое сочетается с элементами юмористической рефлексии. Этот опрошенный довольно открыто признает свою неосведомленность в религиозных вопросах, но так, что эта внешняя слабость выражает скорее скрытую силу характера.

Такие, как он, скорее могут позволить себе признать интеллектуальные несоответствия, потому что они обычно находят убежище в своем собственном характере и глубине своего опыта, чем в четких, продуманных и рациональных убеждениях. Говоря о своих взглядах на религию, он отметил:

На самом деле их у меня нет (смеется). В большей или меньшей степени, но они отсутствуют. Что касается организованной религии, я не очень тут разбираюсь (смеется).

Ему не нужно отрицать религию, он не испытывает ее чар; нет здесь и следов амбивалентности, поэтому нет и ненависти, скорее мы видим гуманное понимание и объективность. В качестве религиозной идеи он воспринял терпимость, которую демонстрирует характерным и нетрадиционным способом выбирая отрицательные

не использует это знание для самовосхваления, скорее он склонен применять свою религиозную эмансипацию к факторам внешним и случайным.

Если бы я остался в Денвере, я бы, наверное, ходил в церковь. Я не знаю. Я не думаю об этом, я не испытываю особой нужды в организованной религии.

Любопытно, что интервьюируемый говорит о молитве. Он признает психологическую действенность молитвы, но знает, что этот «терапевтический» аспект религии несовместим с самой религией. Он считает, что молитва — это вроде самовнушения, с помощью которого можно «достичь результатов», но «я, конечно, не верю, что есть некто, кто их воспринимает».

Респондент делает странное, но неожиданно глубокое заявление:

Мое религиозное любопытство было недолгим. Возможно, как раз в это время (смеется) я занялся фотографией.

Правильную оценку этого высказывания можно дать только с помощью категорий психоанализа. Связь между ранним интересом к религии, который сменился интересом к фотографии, объясняется любопытством, желанием «видеть» вещи сублимацией вуайеризма. По-видимому, фотографирование каким-то инфантильным образом связано со стремлением к «миру образов», которое коренится в некоторых религиозных течениях и в то же время находится под строгим религиозным запретом как в иудаизме, так и в протестантизме. Может быть, это подтверждается тем, что респондента во время его религиозной фазы привлекла теософия, религиозный способ мышления, который обещает «поднять занавес».

Следует отметить, что отношение интервьюируемого к атеизму не более «радикально», чем его отрицание религии¹⁰. Он говорит:

Ну, я не думаю об атеизме больше, чем обо всем остальном. На самом деле, я говорил кое с кем, кто считал себя атеистами, они даже не думали соглашаться. Может, я и атеист (смеется)... Это уже буквоедство. Профессиональные атеисты... производят впечатление, что они хотят сенсации. Как будто Дон-Кихот воюет с мельницами.

Это может указывать на подозрительное отношение раскрепощенной личности к «ярлыкам», на то, что знает, как любая жесткая формула вырождается просто в пропаганду".

Респондент точно почувствовал то, что сто лет назад сформулировал Бодлер в своем дневнике: атеизм выходит из употребления в мире, объективный дух которого по существу арелигиозен. Значение атеизма претерпевает исторические изменения. То, что было мощным импульсом для эпохи Просвещения восемнадцатого века, сегодня может оказаться симптомом

провинциального сектантства или даже параноидальной системы. Полубезумные национал-социалисты вроде Матильды Людендорф⁴) боролись не столько с евреями и масонами, но и с католицизмом, как с заговором ультрамонтанов* против Германии, трансформируя традицию «культур-кампфа» Бисмарка в разновидность мании преследования.

4. Религиозные и лишенные предубеждений

Примером религиозного и лишенного предубеждений типа является FJ32, молодая женщина, которая выросла в Индии, где ее родители служили миссионерами. В результате «личного опыта совместной жизни с индусами» ее позитивное христианство соединилось с совершенно конкретной идеей терпимости («равные права для всех»). К вопросам расового взаимопонимания она относится с неподдельным интересом, однако ее церковные связи делают для нее невозможными политические выводы из идеи толерантности:

Ганди мне не нравится. Я не люблю радикалов. Он слишком способствовал беспорядкам и разъединению страны.

Ее отношения с церковью объясняют элементы ее религиозного традиционализма, обычно связанного с этноцентризмом. Несмотря на всю близость к церкви и теологической доктрине, ее религиозные взгляды имеют практическую окраску.

Она (религия) значит очень много. Она делает человека счастливее, более довольным и умиротворенным. Ты знаешь, где находишься и что надо делать — пример, которому надо следовать. Это надежда на жизнь после смерти. Да, я верю в бессмертие²

Из-за того, что девушка получила воспитание в колониальной стране и благодаря смещению «официальной» религиозности с более непосредственным гуманным христианством она представляет не вполне типичный пример. Ее необычные взгляды основаны, на первый взгляд, на понимании внутригрупповых и межгрупповых связей. Однако этот пример подтверждает до некоторой степени гипотезу о том, что только представители полностью осознанного и отчетливо выраженного христианства могут быть свободными от этноцентризма. В любом случае, то, что религиозные и лишенные предубеждений редко встречаются в нашей выборке, заслуживает внимания. Как говорилось выше, возможно, это зависит от самой выборки, однако эта редкая встречаемость имеет и более фундаментальные причины. Тенденция нашего общества к разделению на «прогрессивный» лагерь и лагерь

""Сторонники абсолютного авторитета

«статус-кво» может сопровождаться стремлением всех людей, приверженных к религии как к состоянию «статус-кво», принять другие стороны этой идеологии, связанные с этноцентризмом. Справедливо ли это или религия может создать эффективные условия для противостояния предрассудкам, можно установить только на основе более широкого исследования.

Примечания

¹ А.Р. (The Authoritarian Personality), *стр.* 208 и далее: Ethnocentrism in Relation to some religious Attitudes and Practices.

² Samuel M., The Great Hatred, New York 1940.

³ Trachtenberg J., The Devil and the Jews. New Haven 1943.

⁴ Теоретический анализ отношений между христианством и антисемитизмом см. Max Horkheimer und Theodor W. Adorno, Dialektik der Aufklärung, Amsterdam 1947, 2.Aufl. Frankfurt 1969.

¹ А.Р. (The Authoritarian Personality). Hi.IV, V и VI.

¹ О взаимном влиянии Возрождения, религиозного субъективизма и фашистской пропаганды см. глава VII «Психологическая техника в выступлениях по радио Мартина Лютера Томаса».

¹ См. выше, стр.132.

* Подобную, так сказать, доморощенную психологию можно найти и у людей, лишенных предрассудков. Типичным для людей с предубеждениями остается, тем не менее, неразрешимое противоречие между объективной критикой религии и положительным отношением к ней с чисто субъективных позиций. Для такой ментальности в целом характерно то, что при определенных противоречиях они остаются нерешенными, происходит отказ от желания осмыслить их, что говорит как о духовном поражении, так и об авторитарной покорности. Такой механизм, произвольно

VI. Типы и синдромы

А. Исходные данные

Едва ли какое-либо другое понятие американской психологии подвергалось такой решительной и сильной критике, как типология. Поскольку «каждое учение о типах является наполовину ничем иным как точкой зрения на проблему индивидуальности»¹, оно подвержено ожесточенным нападкам с двух сторон, так как все учения никогда не охватывают специфического и так как их обобщения статистически не действительны и даже не годятся как эвристический инструмент. С точки зрения общей динамической характерологии высказывается мнение, что типологии имеют обыкновение классифицировать и превращать весьма гибкие черты в статичные, как бы биологические характеристики, и наоборот, почти не учитывать влияние исторических и социальных факторов. Статистика настойчиво указывает на недостаточность биполярных типологий. В отношении эвристической ценности высказывается возражение, что типы наслаиваются друг на друга и поэтому необходимо делить смешанные типы, которые на практике опять опровергают первоначальные конструкции. Причиной всех возражений, является нежелание применять застывшие понятия по отношению к якобы изменяющейся реальности психической жизни. Современные психологические типологии, в противоположность старой схеме темпераментов, вышли из психиатрии, из терапевтической необходимости классифицировать душевные болезни для облегчения их диагноза и прогнозов; Креплин и Ломброзо — отцы психиатрической типологии. Так как точная классификация психических болезней между тем полностью была оставлена, кажется, исчезает и основа для типологической классификации «нормального человека», которая основывалась на первой классификации психических болезней. Ее заклеямили как

*Raison d'etre — (фр.) букв. «смысл существования»; разумное основание, смысл.

включает мультимодальное разделение характерных черт, которое, например, предполагает, что интроверты будут располагаться на одном конце шкалы, а экстраверты на другом, между ними обозначится ясно видимая разделительная точка. Действительно же исследования показывают унимодальное распределение всех черт, которое очень похоже на нормальную кривую в виде колокола.

Часто также трудно отнести определенного индивида к тому или иному типу. Типологи, сталкиваясь с этой трудностью, неоднократно предполагали промежуточные или смешанные типы, чтобы восполнить пробел между крайностями. Так, Юнг стал инициатором создания амбивертного типа, который не обнаруживает в преобладающей мере ни интровертных, ни экстравертных тенденций. Наблюдения, однако, как кажется, показывают, что амбивертная категория — самая большая и что чистые, однозначно определяемые интроверты и экстраверты встречаются сравнительно редко. Читателя, например, отсылают к кривой распределения, которую создал Гейдбредер... Следует вспомнить о том, что большинство показателей находилось посередине и что если дело касалось предельных показателей интроверсии или экстраверсии, то количество случаев уменьшалось. Кривая показывала не четкие коренные изменения, а только постепенные переходы от середины к обоим предельным показателям. Как было указано во II главе, можно то же самое сказать о всех других поддающихся измерению чертах индивида, идет ли речь об общественных, эмоциональных, интеллектуальных или физических чертах.

Ясно, что теории типов, поскольку они подразумевают классификацию индивидов по ясно ограниченному друг от друга группам, перед лицом большого количества исследований с неоспоримыми результатами несостоятельны. Но не все системы исходят из этой предпосылки: она характерна скорее для более популярных версий и разработок теорий типов, чем для первоначальной концепции. Разумеется, психологи, занимающиеся типологией, часто пытались распределить индивидов по категориям, однако это не было неотъемлемой составной частью их теорий; их понятия при случае достаточно широко модифицировались, чтобы добиться нормального распределения черт.

Итак, хотя и признается возможность удовлетворительных категоризации, «номиналистический» отказ от типологических классификаций несмотря на их научную и прагматическую необходимость, утвердился в такой степени, что стал почти табу. Это табу тесно связано со все еще высказываемым многочисленными психиатрами мнением, что психические заболевания по существу не объяснимы. Если, чтобы продолжить спор предположить, что психоаналитическая теория действительно смогла составить некоторое число чисто динамических схем психозов, которые объясняют последние в психической жизни индивида,

истинный гуманный импульс. Он направлен против такого включения индивидов в заранее установленные классы, которое в нацистской Германии в наибольшей степени проявилось в присвоении живым человеческим существам ярлыков и которое несмотря на специфические качества людей в конце концов решало жить им или умереть. Этот мотив особенно подчеркивает Алльпорт⁴, в то время как Бодер в своем подробном исследовании «Нацистская наука» обнаружил корреляции психологических схем «за» и «против», репрессивную функцию таких категорий как, например, «противотипы» Йенша (Jaensch) и произвольную манипуляцию эмпирическими показателями⁵. Авторы исследований, касающихся изучения предрассудка, должны быть особенно осмотрительными, если речь идет о проблемах типологии. Подчеркнуто говоря: заостренность, которая наблюдается в конструировании типов, уже сама по себе является знаком «стереопатической» ментальности, относящейся к основным элементам потенциального фашистского характера. Здесь нам стоит только процитировать упомянутого полного предрассудков исследователя ирландского происхождения, который без долгих рассуждений объясняет свои личные черты национальным происхождением. «Противотип» Йенша является, например, почти классическим случаем проекции, механизм которой был установлен в структуре характера нашего Л, и которая у Йенша проникла как раз в науку, ставящую задачей критический анализ этого механизма. Весьма нединамичная, «антисоциологическая» и якобы биологическая природа таких классификаций, как у Йенша, прямо противоположна теории, представленной в нашей работе и ее эмпирическим результатам¹.

Однако все эти возражения не могут окончательно решить проблему типологии. Не все типологии являются изобретениями, чтобы разделить мир на овец и козлищ. Некоторые авторы отражают определенный, только с трудом систематизируемый опыт ученых, которые, выражаясь доступно, на что-то натолкнулись. Это Кречмер, Юнг и прежде всего Фрейд, который вообще подчеркивал психологическую динамику, что освобождает его от подозрения в простом «биологизме» и стереотипном мышлении. Он еще в 1931 году⁷ довольно решительно выступил с публикацией типологии, ничуть не беспокоясь о методологических трудностях, которые он, конечно, осознавал. Фрейд с кажущейся наивностью даже сконструировал из основных типов «смешанные типы».

Он в чрезмерно большой степени руководствовался конкретным пониманием вещей, у него была слишком тесная связь с его научными объектами, чтобы тратить свою энергию на тип методологических рефлексий, которые могли бы оказаться объектами саботажа организованной науки против продуктивного мышления. Это не должно означать, что его типологию можно принять такой, какая она есть. Она уязвима не только по отношению к обычным антитипологическим аргументам, о которых мы упоминали в начале этой главы: как указал Отто Фенихель, она

проблематична также с точки зрения ортодоксальной психоаналитической теории. Однако важно то, что Фрейд считал такую классификацию стоящей усилий. Уже чтение сравнительно легкого и убедительного обобщения различных видов биполярных типологий в книге Дональда У. Маккинона «Структура личности»⁸ оставляет впечатление, что не все типологии произвольны, что они не обязательно не учитывают многогранность человека, а стоят также на почве психологической реальности.

Однако причиной длительной достоверности типологического метода является не статически биологическая, а наоборот ее, динамическая и социальная противоположность. То, что человеческое общество до сих пор было разделено на классы, повлияло не только на внешние отношения людей;

знаки социального подчинения остались также в психике каждого человека. Как и в какой степени иерархические социальные порядки пронизывают мышление индивида, его установки и поведение, это прежде всего проследил Дюркгейм. Люди в такой степени образуют психологические «классы», в какой они созданы изменчивыми общественными процессами, и это относится, по всей видимости, в еще большей степени к нашей собственной стандартизированной массовой культуре, чем к прошлому времени. Психологически относительная ригидность наших *H* и некоторых *N* отражает растущую ригидность, в соответствии с которой наше общество распадается на два более или менее отчетливо противостоящих друг другу лагеря. Индивидуализм, который противится нечеловеческой классификации, в конце концов может стать простой идеологической вуалью в таком обществе, которое на самом деле бесчеловечно и которое проявляет свое внутреннее насилие в классифицировании, классифицируя других людей. Другими словами, критика типологии не должна упускать из виду то, что большое число людей не является индивидами в смысле традиционной философии XIX века или даже никогда таковыми не были. Мышление «ярлыками» возможно только потому, что существование тех, которые ему поддаются, в значительной степени определено «ярлыком» — стандартизированными, непроницаемыми и могущественными общественными процессами, которые оставляют индивиду очень мало свободы для действий и проявления истинной индивидуальности. При таком рассмотрении для проблемы типологии возникает другая исходная точка. Так как мир, в котором мы живем, нормирован и «производит типизированных» людей, у нас возникает повод искать психологические типы. Только в том случае, если в современном человеке мы обнаруживаем клишеобразные черты, а не при отрицании их существования, можно противостоять пагубной тенденции к всеобъемлющей классификации и упорядочению.

Конструкция психологических типов имплицитно не только произвольную насильственную попытку привести «порядок» в запутанное многообразие человеческого характера. Она является средством категоризировать это разнообразие соответственно его структуре, изучить его лучше.

Радикальный отказ от всех обобщений и даже таких, которые опираются на убедительные данные, не привел бы к проникновению в сущность человеческого индивида, а дал бы в лучшем случае неясное, ничего не говорящее описание психологических «фактов»; каждый шаг, преодолевающий эти факты и нацеленный на психологический смысл — как Фрейд определил это в своем основном тезисе, «что все наши переживания имеют смысл», — неизбежно приведет к обобщениям, которые возвышаются над якобы единственным в своем роде «случаем», и часто эти обобщения включают в себя некоторые регулярно повторяющиеся синдромы, которые достаточно близки понятию «тип». Даже вышедшие из явно индивидуализированных исследований такие понятия как оральность и принудительный характер, только тогда имеют смысл, если они имплицитно предполагают, что обозначенные таким образом и обнаруженные в индивидуальной динамике отдельного лица структуры входят в основные конstellации, что их можно рассматривать как представителей, независимо оттого, на каких единственных в своем роде наблюдениях они основываются. Так как в каждом случае психологической терапии присутствует типологический момент, было бы неправильно исключать типологию как таковую. Методологическая «чистота» означала бы в этом случае отказ от понятийного медиума или теоретического осознания данного материала и заканчивалась бы иррациональностью, которая также совершенна, как произвольные классификации «классифицирующих» школ.

В связи с этим исследованием к аналогичному заключению приводит совершенно другое размышление: для науки необходимо найти «оружие» против потенциальной угрозы фашистской ментальности. Вопрос стоит так, насколько возможна успешная борьба с опасностью фашизма психологическими средствами. Психологически лечить предвзятых индивидов проблематично, так как они многочисленны и ни в коем случае не больны в обычном смысле слова. Они, как мы видели, по крайней мере часто, лучше приспособлены, чем непредвзятые индивиды. Но так как современный фашизм нельзя себе представить без массовой базы, т.е. без опоры на массы, внутренняя структура его предполагаемых сторонников имеет решающее значение, и средства защиты, которые не учитывают субъективную сторону проблемы, не были бы по-настоящему «реалистичными». Учитывая размеры распространения фашистского потенциала среди современных масс, становится ясным, что психологические контрмеры только тогда имеют перспективу на успех, если они дифференцированы на специфические группы. Общими мерами можно было бы оперировать только в плоскости расплывчатого сообщества, так что они, по всей видимости, провалились бы. Одним из практических результатов данного исследования можно считать то, что подобная дифференциация должна обязательно следовать психологическим директивам, так как определенные основные варианты фашистского характера относительно

не зависимы от явных социальных различий. Психологические меры против предубеждения могут быть направлены только на определенные психологические типы. Мы сделали бы фетиш из методологической критики типологии и помешали бы любой попытке психологической борьбы с предубежденными лицами, если бы исключили некоторое число резких и экстремальных различительных признаков как например, между психологической структурой обычного антисемита и садомазохистского «хулигана», так как ни один из этих типов никогда в чистом виде не был выражен в отдельном индивидуе.

В широких кругах признана возможность сконструировать совершенно различные группы психологических типов. В результате предыдущих объяснений мы строим нашу собственную попытку, опираясь на три следующих главных критерия:

а) Мы не хотим сортировать человеческие существа ни на группы, как это хорошо делает статистик, ни на обычные идеальные типы, которые должны быть дополнены смешанными случаями. Наши типы оправданы только в том случае, если нам удастся для обозначения каждого типа выделить некоторое число черт и диспозиций и связать их друг с другом, что покажет в смысловом отношении их единство. Мы считаем научно самыми продуктивными те типы, которые соединяют разрозненные черты в целесообразную последовательность и делают видимыми корреляции элементов, которые взаимосвязаны по психологической интерпретации в соответствии с присущей им динамикой их «внутренней» логики. Не должно допускаться лишь суммирование и механическое объединение через один тип.

Самым главным критерием для данного постулата является то, что даже так называемые отклонения, если их противопоставить «истинным» типам, кажутся больше не случайными, а создаются как имеющие структурный смысл. При генетическом рассмотрении смысловая связь каждого типа показала бы, что большинство черт могут быть выведены из определенных основных форм психологических конфликтов и их разрешений.

б) Наша типология должна быть потому критической, поскольку она понимает типизацию самих людей как социальную функцию. Чем более застывшим является тип, тем более глубокое клеймо на него наложило общество. Соответственно этому такие черты как ригидность и стереотипность мышления характерны для людей с предрассудками. В этом состоит решающий принцип всей нашей типологии; она разделяет людей в первую очередь по тому признаку, являются ли они внутренне нормированными и думают нормами, или выступают истинными индивидами и сопротивляются стандартизации в области человеческого опыта. Отдельные типы будут представлять собой специфические конфигурации внутри этого двойного деления. Их разделяет «prima facie»* на исследуемые лица с

*Prima facie — (лат.) с первого взгляда, по первому

высокими показателями и на тех, кто имеет низкие показатели: при ближайшем рассмотрении их также обнаруживают и *N*: чем сильнее их типизируют, тем отчетливее они произвольно проявляют фашистский потенциал."

с) Типы должны быть сконструированы так, чтобы они были продуктивны в прагматическом аспекте. Это означает, что они должны быть переносимы в относительно жесткие механизмы, которые так построены, что различия индивидуальной природы играли бы только второстепенную роль. Это приводит к некоторой сознательно созданной «поверхностной типизации», похожей на ситуацию в клинике, где не могут начать терапию пациента, прежде чем не разделят пациентов на маниакально-депрессивных шизофреников и параноиков и т.д., хотя точно известно, что эти различия исчезают при более глубоком рассмотрении. Здесь мы однако хотели бы позволить себе высказать гипотезу, что если бы только удалось проникнуть достаточно глубоко, то в конце классификации опять появилась бы универсальная «сырая» структура: фундаментальная либидная констелляция. Может быть, здесь можно было бы привести аналогию из истории архитектуры. Традиционное грубое деление на романский и готический стили основывается на характеристиках круглого и заостренного свода. Однако оно оказалось недостаточным, так как оба признака накладываются друг на друга, и между обоими типами имелись более глубокие отличия в конструкции. В конце концов пришли к определениям, которые оказались слишком сложными для констатации того, является ли здание романским или готическим, хотя его общая структура едва ли вызывает у наблюдателя сомнение относительно его эпохи. А в конце пришли к необходимости вновь вернуться к первичной и наивной классификации. Сделать подобное рекомендуется и для решения нашей проблемы. Такой поверхностный вопрос, как «Какие виды личностей Вы находите среди предвзятых?», более соответствует типологическим потребностям, чем попытке определить типы на первый взгляд, приблизительно по различным фиксациям в предгенитальных и генитальных фазах развития и т.п. Этого недопустимого упрощения, вероятно, можно достичь путем вовлечения социологических критериев в такие психологические конструкции, как групповая принадлежность, идентификация среди подопытных лиц, а также общественные цели, установки и образцы поведения. Задача соотнести психологические критерии типов с социологическими облегчается благодаря констатации, которую мы делаем в ходе наших исследований, того, что между некоторым числом «клинических» категорий, как например, рабская любовь к строгому отцу и некоторым социальным типом поведения существует тесная взаимосвязь (нечто вроде веры в авторитет ради авторитета). Следовательно, мы для гипотетических целей типологии можем «перевести» некоторые наши основополагающие психологические понятия на язык социологии, который в

Эти соображения должны быть дополнены еще одним условием, которое предписывает природа нашего исследования. Наша типология, или скорее схема синдромов должна быть устроена так, чтобы как можно «натуральнее» подходить к эмпирическим данным. Мы не должны забывать, что наш материал существует не в пустом пространстве, а заранее определен структурно инструментами, прежде всего анкетами и схемами интервью. Так как наши гипотезы были сформулированы в соответствии с психоаналитической теорией, то синдромы сильно ориентированы на психологические понятия. Само собой разумеется, этот эксперимент имеет тесные границы, так как мы не «анализируем» интервьюируемых лиц. Вместо последних динамических моделей глубинной психологии наша характеристика должна концентрироваться на чертах, которые оказались значительными с точки зрения психоаналитики.

Чтобы приблизить следующий типологический проект к адекватным перспективам, мы вспомним о том, что (как это было приведено в главе о F-шкале) все группы, из которых была составлена эта шкала, относятся к одному единственному «общему» синдрому.¹⁰ Выдающимся результатом нашего исследования является то, что «высшая точка» в принципе является синдромом, который приподнимается над многообразием «более низких» синдромов. Он существует приблизительно как потенциальный фашистский характер, который сам в себе образует «структурное единство». Другими словами, такие черты как конвенционализм, подчиненность авторитетам, агрессия, склонность к протекции, манипуляции и т.п., как правило, идут рука об руку. Поэтому¹¹, «субсиндромы», которые мы здесь описываем, не должны изолировать какую-либо из этих черт; их нужно понимать вместе внутри общей соотносительной системы *H*. То, что их отличает друг от друга, это не их исключительность, а подчеркивание того или иного признака, той или иной динамики, выбранной для характеристики. Однако нам кажется, что легче можно воспринимать особые контуры, выступающие в общей структуре, одновременно они в такой степени «динамически» связаны друг с другом благодаря потенциально фашистской общей структуре, что можно было бы без труда разработать переход с одного контура на другой, если анализировать усиление или ослабление какого-то специфического фактора. Такая динамическая интерпретация служит лучшему достижению цели, т.е. дает лучшее понимание основополагающих процессов, что обычно происходит случайно через «смешанные типы» статических типологий. Между тем, это исследование не могло бы заниматься теорией и эмпирическим обоснованием динамических отношений между синдромами.

Принцип, по которому распределены синдромы, — это их «типовая сущность» в смысле ригидности, недостатка катексиса и стереопатии. Это не обязательно означает, что расположение синдромов представляет собой динамическую «измерительную шкалу». Оно направлено на потенциал и

на возможность контрмер — в принципе на проблему «общей высоты» по сравнению с «глубиной», но не на открытый предрассудок. Таким образом, мы увидим, что опрошенный, который привлекался как пример психологически относительно безвредного синдрома в нижней части нашей схемы, обладает чрезвычайно сильными открытыми предрассудками против меньшинства.

Прагматические требования и представления о том, что лица типа *H* в общем сильнее «типизированы», чем лица типа *N*, концентрируют наш интерес на лицах с предрассудками. Несмотря на это, мы считаем необходимым сконструировать синдромы лиц типа *N*. Хотя общее направление нашего исследования ведет нас к несколько одностороннему подчеркиванию психологических детерминант, однако мы не должны забывать, что предрассудок ни в коем случае не является психологически «субъективным» феноменом. Как мы изложили в IV главе, на идеологию и ментальность лиц *H* в большой степени влияет объективный дух нашего общества. Хотя различные индивиды по-разному, соответственно своей психической структуре, реагируют на современные культурные стимулы предрассудка, однако, если мы хотим понять поведение индивида или психических групп, нельзя обойти объективный элемент предрассудка. Поэтому недостаточно спросить, «почему тот или иной индивид является этноцентрическим?», это должно означать, «почему он положительно реагирует на присутствующие стимулы, на которые, однако, другой реагирует негативно?». Потенциально фашистский характер нужно рассматривать как продукт взаимодействия между культурным климатом предрассудка и «психологическими» реакциями на этот климат. Он состоит не только из грубых внешних факторов, таких как экономические и социальные условия, но также и из мнений, идей, мировоззрения и поведения, которые выступают как присущие индивиду, но не возникают из его автономного мышления и независимого психологического развития, а лишь сводятся к его принадлежности к нашей культуре. Эти объективные шаблоны так глубоко проникают в свое влияние, что в такой же степени сложно объяснить, почему один сопротивляется им, а другой их принимает. Другими словами, тип *A'* является в такой же степени психологической проблемой, как и тип *H*, и только когда их поймешь, можно составить картину об объективном механизме предрассудка. Поэтому нельзя обойтись без конструкции синдромов *N*. Само собой разумеется, что при выборе обращалось внимание на как можно большее соответствие его общим принципам нашей классификации. Однако не должно удивлять, если их отношения между собой более свободны, чем отношения синдрома *H*.

Наши синдромы развивались ступенчато. Они восходят к типологии антисемитов, разработанной и опубликованной Институтом социальных исследований", которая в данном исследовании была модифицирована и распространена на лиц типа *N*. В своей новой форме, которая придает

больше значения психологическим аспектам, она была применена прежде всего к Лос-Анджелес-Семпл; в проводившихся здесь интервью попытались насколько возможно обнаружить связь между результатами исследуемых случаев и гипотетическими типами. Синдромы, которые мы описываем, являются результатом модификации этого проекта на основе наших эмпирических показателей и последовательной теоретической критики. Однако их следует рассматривать как предварительные, как промежуточную ступень между теорией и эмпирическим материалом. Для дальнейших исследований их необходимо заново определить в смысле количественно определяемых критериев. Но мы вправе представить их сейчас, так как они могут служить указателями для будущих исследований. Мы поясним каждый синдром, описывая характерный случай, главным образом на основе протокола интервью отобранного подопытного лица.

В. Синдром лиц с предрассудками

Перед детальным рассмотрением мы дадим краткую характеристику различных типов. Поверхностное неприязненное чувство легко распознать по оправданным и неоправданным социальным страхам. Наша конструкция, однако, ничего не говорит о психологических фиксациях и о механизмах защиты, которые лежат в основе схемы мнений. У конвенционального типа бросается в глаза, как и ожидалось, признание конвенциональных ценностей. Его сверх-Я никогда не было крепким, и оно находится под влиянием его воплощающих инстанций. Его самый ярко выраженный мотив — это боязнь быть «не как все». Над авторитарным типом господствует сверх-Я, и ему приходится непрерывно бороться против сильных и в высшей степени амбивалентных тенденций Оно. Его преследует страх быть слабым. У хулигана победили вытесненные тенденции среднего человека, хотя и в искаженной деструктивной форме. «Фантазер», а также манипулятор, как кажется, разрешили Эдипов комплекс, уйдя как Нарцисс, в самих себя. Однако их

1. Поверхностное неприязненное чувство

Этот феномен не относится к тому же самому логическому уровню как различные «типы» *H* и Λ' , которые будут охарактеризованы далее. Это не психологический тип в собственном смысле слова, а в большей степени сгусток более рациональных, будь то осознанных или предвосхищаемых манифестаций предрассудка, поскольку их следует отличать от глубоко лежащих неосознанных форм. Мы можем сказать, что есть ряд лиц, которых можно объединить более или менее рациональными мотивациями, в то время как для всех других «высоких» синдромов характерным является отсутствие рациональных мотиваций, или они так искажены, что в их случае они должны считаться лишь голыми «рационализациями». Однако это не означает, что те *Я*, чьи высказывания, полные предрассудков, показывают сами по себе некую рациональность, изъяты из психологического механизма фашистского характера. Так, опрашиваемое нами лицо, которое мы приводим как пример, занимает высокое положение не только на *F*-шкале, но также и на всех других шкалах; у него весьма предубежденное мировоззрение, которое мы рассматриваем как доказательство того, что внешне скрытые характерные тенденции являются решающими детерминантами. Однако феномен «поверхностного неприязненного чувства», хотя он и подпитывается в принципе более глубокими движущими силами, не должен полностью игнорироваться в нашем исследовании, так как он представляет собой социологический аспект нашей проблемы, значение которого для фашистского потенциала невозможно недооценить, если мы сконцентрируемся исключительно на психологическом описании и этиологии.

Под этим типом подразумеваются люди, которые перенимают извне как стереотипы, так и готовые формулы, чтобы рационализировать собственные трудности и преодолеть их психологически или практически. Хотя структура их характера является бесспорной, как и структура характера *H*, предрассудочное клише однако, кажется, не слишком занято либид-ностью; в общем он находится на некоторой рациональной и псевдорациональной ступени. Опыт и предрассудок расходятся не полностью: часто они ярко выражение противостоят друг другу. Опрашиваемые лица в состоянии обосновать относительно полно свой предрассудок и им доступна рациональная аргументация. Сюда относится недовольный, мрачный глава семьи, который рад, если он может свалить на кого-то другого вину за свою собственную экономическую несостоятельность, и который счастлив, если он получает материальную выгоду от дискриминации меньшинства; либо лица, потенциально или на самом деле побежденные в конкурентной борьбе, например, мелкие розничные торговцы, которые чувствуют угрозу со стороны филиалов предприятий, которые, по их мнению, находятся в руках евреев. Сюда относятся, вероятно, негры-антисемиты в Гарлеме, которые должны платить завышенную арендную плату еврейским

сборщикам. Примеры этому найдутся во всех секторах экономической жизни; и там, где чувствуется давление процесса концентрации, люди не понимают его механизма, но тем не менее сохраняют свою собственную экономическую функцию.

5043 — домохозяйка, с чрезвычайно высокими показателями по всей шкале, «часто беседует с соседями о евреях», является «очень приветливой» госпожой средних лет, «находит радость в невинной болтовне». Она очень уважает науки и проявляет серьезный, хотя и сдержанный интерес к живописи. Она боится экономической конкуренции со стороны «zootsuiters»¹² и «как показывает интервью», имеет подобную сильную установку против негров. «В молодости она пережила экономический и общественный упадок своей семьи. Ее отец был богатым владельцем ранчо».

Когда она в 1927 г. вышла замуж, ее муж хорошо зарабатывал будучи маклером на бирже. После краха биржи и последующей депрессии ей пришлось переживать экономические трудности, и в конце концов она была вынуждена переехать к своей состоятельной свекрови. Эта ситуация оказалась чревата некоторыми конфликтами, но однако она была освобождена от собственной ответственности. В общем, как кажется, она считает себя принадлежащей к высшему слою среднего сословия, но пытается найти среднюю позицию между верхним классом, к которому она раньше принадлежала, и ее сегодняшней уже не такой твердой принадлежностью к среднему сословию. Потеря имущества и статуса, по всей вероятности, были для нее очень болезненными, хотя она в этом и не признается. Ее сильное предубеждение против евреев, которые проникают в ее ближайшее соседское окружение, является результатом страха «скатиться еще ниже» по социальной лестнице.

что все евреи непременно имеют все еврейские признаки. Также она не думает, что они отличаются своим внешним видом или какими-либо другими особыми признаками, кроме тех, что они очень шумят и часто агрессивны.

Последняя фраза отчетливо показывает, что она не приписывает евреям черт, которые она осуждает как врожденные или естественные. Она свободна от застывших проекций и деструктивной воли наказывать.

Путем ассимиляции и воспитания можно, по ее мнению, со временем решить проблему евреев.

Предметом ее агрессии являются, очевидно, те, которые, как она опасается, «могут у нее что-то забрать», будь то нечто материальное или общественное; однако она не видит в евреях «противотипа».

Открытую враждебность она показывает в отношении к евреям, которые перехали и поселились с ней по соседству, а также к тем, которые, по ее мнению, «держат в руках индустрию кино». Она, как кажется, обеспокоена тем, что их влияние возрастает, и поэтому она очень возмущена «инфильтрацией» евреев из Европы.

Она проявляет уже упомянутую способность выделить различие между заимствованными стереотипами и конкретным опытом, поэтому не исключено ослабление ее предубеждения. В случае фашистской волны она, однако, по мнению интервьюирующего, «развила бы большую враждебность и приняла бы фашистскую идеологию»:

Ее опыт по отношению к евреям ограничивается более или менее не личными отношениями, кроме одного или двух близких знакомых, которых она описывает как «благородных людей».

Если в популярной теории о «козле отпущения» есть что-то от правды, то она имеет силу в отношении подобных людей. Ее «слепые пятна» можно объяснить, по крайней мере частично, ее узким, мелкобуржуазным кругозором. В ее поле зрения появляются евреи как исполнители тенденций, которые действительно свойственны общему экономическому процессу, но в которых она их обвиняет. Чтобы держать свое Я в равновесии, они непременно должны найти виновного «в своем затруднительном социальном положении», так как иначе справедливость мировой системы была бы поколеблена. Вероятно, в принципе они искали бы вину в самих себе и у себя, и рассматривали себя как «неудачников». Внешне евреи освобождают их от чувства вины; антисемитизм дает им удовлетворение «быть хорошими», не допускать ошибок и иметь возможность свалить груз на видимое и сильно персонифицированное существо. Этот механизм был

институционализирован. Лица, как в нашем случае под номером 5043, вероятно, никогда не имели отрицательного опыта при общении с евреями, но они перенимают суждения других, так как извлекают из этого пользу.

2. Конвенциональный синдром

Этот синдром олицетворяет стереотип, который хотя и несет отпечаток внешнего мира, но интегрирован в структуру характера как существенная составная часть общего конформизма. Женщины подчеркивают ценность чистоты и женственности, мужчинам прежде всего важно быть «настоящим» мужчиной. Согласие с господствующими воззрениями здесь важнее, чем собственное недовольство. Мышление движется в застывших категориях групп «своих» и «чужих». Предвзвешенность не выполняет решающей функции в психологическом бюджете отдельного индивида; он лишь облегчает идентификацию с группой, к которой он относится или к которой он хотел бы принадлежать. Конвенциональные типы более полны предвзвешенностями в собственном смысле слова; они перенимают привычные предвзвешенности других, не перепроверив их. Их предвзвешенность является «само собой разумеющимся», вероятно, они предвосхищают его, даже не осознавая этого. Только в определенных условиях он будет четко сформулирован. Между предвзвешенностью и опытом имеется некое противоречие;

их предвзвешенность не рационален, поскольку он имеет мало общего с собственными заботами. Кроме того, по крайней мере внешне, он выражается не особенно открыто, так как вследствие безоговорочного признания ценностей цивилизации и «приличия сильные импульсы отсутствуют».

Хотя этот синдром включает в себя «хорошо воспитанного» антисемита, он ни в коем случае не ограничивается высшими слоями общества.

Для того чтобы подтвердить это утверждение и в качестве примера синдрома в целом, цитируем высказывания опрашиваемого лица под номером 5057, тридцатилетнего сварщика «с чрезвычайно приятными манерами», случай которого интерпретирующий обобщает следующим образом:

становится ясно, что он рассматривает себя как квалифицированного рабочего и видит в сварке возможность для творческой и конструктивной деятельности. Он сделал лишь одно ограничение, а именно, что сварка, конечно, не относится к профессиям служащих; это грязная работа и не совсем безопасная. Его удовлетворение данной работой далее подтверждается заявлением в анкете, что он даже при свободном выборе профессии предпочел бы эту работу, но только, может быть, на более высокой ступени — в качестве инженера-сварщика.

Свои профессиональные прогнозы он оценивает оптимистично и в то же время реалистично, и не обнаруживает никакой неуверенности. Его конвенционализм направлен против «крайностей» вообще. Так,

он выбрал христианскую религию, так как она «является более умеренной, чем большинство других. Религия должна удерживать людей от всех излишеств, таких как пьянство, азартные игры или другие распутства». Он никогда не отрекался от того, чему учил его дед, и никогда ему на ум не приходили сомнения в религии.

Типичными для общего мировоззрения данного опрашиваемого являются следующие данные из его анкеты:

На проективный вопрос, «Какие настроения или чувства являются для вас самыми неприятными и мешают вам больше всего?» он упоминает:

«Беспорядок дома или в моем ближайшем окружении» и «разрушение собственности». Ему трудно подавить желание сказать «людям, где у них беспорядок». В качестве ответа на вопрос: «Что может свести человека с ума?», он говорит: «Заботы — человек должен уметь владеть духом и телом».

Будучи в общем умеренным, по-видимому, «великодушным» и широко мыслящим, он занимает место в верхней части на Д-шкале. Его враждебность по отношению к меньшинствам выражается в разделении людей на свою и чужую группы: «соприкосновений» с чужой группой он не имеет или не хочет иметь, но проецирует на них собственную схему поведения и подчеркивает ее «связь». Эта враждебность подавляется его общим конформизмом и выражением уважения к «нашей государственной форме». В его убежденности, что свойства чужой группы неизменны, проявляется некоторая ригидность его конвенционализма. Если он встречает людей, которые отклоняются от схемы, он испытывает неудобства и, по-видимому, попадает в конфликтные ситуации, которые скорее повышают его враждебность, чем снижают. По отношению к неграм его предубеждение увеличивается до горячности; вероятно, здесь особенно ясна разделительная линия между своей и чужой группами. Ниже приводим его замечания по отношению к другим меньшинствам:

Самой большой проблемой меньшинств, по мнению опрошенного, являются сейчас американцы японского происхождения, «так как они возвращаются». Он считает, что их нужно во всем ограничивать, а их родителей — депортировать. Что же касается их качеств, то он говорит:

«У меня не было никаких личных контактов, кроме как в школе, где они старались быть хорошими учениками. Лично у меня нет к ним никакой неприязни».

Когда его спросили о «еврейской проблеме», он заявил: «Конечно, они держатся вместе. Они взаимно поддерживают друг друга в большей степени, чем протестанты». Он, однако, не хочет, чтобы их преследовали, только потому, что они евреи. Еврей имеет такое же право на свободу в США, как и любой другой. После этого следует высказывание: «Меня раздражает, что они приезжают сюда в таком большом количестве. Я за то, чтобы больше не принимать еврейских переселенцев».

Его неприязнь к евреям основана прежде всего на их отличии, их своеобразии — они не совпадают с его обычным идеалом собственной группы. Но он дифференцирует евреев по степени их ассимиляции:

Опрашиваемый может определить евреев по их вьющимся волосам, ярко выраженным чертам лица, большому носу, иногда по толстым губам. О «еврейских признаках» он говорит, что есть различные типы евреев, так же как есть различные признаки не евреев. Он говорил о евреях", как о евреях из Океанского парка, и о «лучших» евреях из Беверли Хиллз.

По поводу отношения между стереотипом и опытом:

«С ними у меня всегда были очень хорошие личные отношения. Когда я руководил бензоколонкой в Беверли

«конечно, евреям нужно позволить возвратиться в Палестину». Далее он говорит: «Я бы не опечалился, если бы они ушли», систему квот в школе он одобряет, но предлагает также и альтернативу: «создать отдельные школы для евреев».

3. Авторитарный синдром

Этот синдром ближе всего к общей картине *H*, как это проявляется повсюду в нашем исследовании. Он следует за «классической» психоаналитической моделью, которая разрешает эдипов комплекс садомазохистским путем и которую Эрих Фромм назвал «садомазохистским характером»¹⁴. По теории Хоркхаймера в той же самой работе для сборника «Авторитет и семья» внешняя общественная репрессия идет рука об руку с внутренним вытеснением чувственных импульсов. Чтобы достичь «интернализации» общественного принуждения, которое всегда требует от индивида больше, чем ему дает, его поведение по отношению к авторитету и его психологической инстанции, сверх-Я, принимает иррациональные черты. Индивид только тогда может осуществить собственное социальное приспособление, если ему по душе послушание и подчинение; садомазохистская структура желаний является поэтому и тем и другим, и условием и результатом общественного приспособления. В нашей общественной форме находят удовлетворение как садистские, так и мазохистские склонности. При специфическом решении комплекса Эдипа, которое определяет структуру описанного здесь синдрома, такие виды удовлетворения превращаются в черты характера. Любовь матери в ее первоначальной форме попадает под строгое табу; вытекающая отсюда ненависть к отцу преобразуется путем образования реакции в любовь. Эта трансформация вызывает особый вид сверх-Я. Никогда полностью не удастся выполнить труднейшую задачу индивида в его раннем развитии, а именно, превратить ненависть в любовь. В психодинамике «авторитарного» характера частично абсорбируется ранняя агрессивность, преобразуясь в мазохизм, частично она остается в виде садизма, который ищет питательную среду в тех, с которыми индивид себя не идентифицирует, т.е. в чужой группе. Часто еврей становится заменой ненавистному отцу и в воображении приобретает свойства, которые вызвали сопротивление по отношению к отцу: трезвость, холодность, желание господствовать, и даже свойства сексуального соперника. Амбивалентность обширна: она проявляется прежде всего в одновременно слепой вере в авторитет и готовности нападать на то, что кажется слабым и в общественном отношении приемлемо в качестве «жертвы». Стереотипия при этом синдроме является не только средством социальной идентификации, но имеет и настоящую «экономическую функцию» в собственной психике индивида: она помогает направить в соответствующее русло его либидную энергию в соответствии с требованиями усиленного сверх-Я.

Так, в конце концов сама стереотипность в большой степени приобретает черты либидности и преобладает во внутреннем бюджете индивида. Он развивает частично весьма сильные насильственные черты, которые восходят к анально-садистской фазе развития. С точки зрения социологии, этот синдром в Европе был более типичен для нижней прослойки среднего сословия; в Америке его можно ожидать у людей, реальный статус которых отклоняется от желаемого. Здесь «авторитарный» синдром четко противопоставлен «конвенциональному», для которого характерным является социальная неудовлетворенность и отсутствие таких конфликтов; однако, в отношении конформизма у этих синдромов много общего.

Интервью М352 начинается следующим образом:

(Чем довольны?) Ну, я первый человек — бригадир смены, мы работаем по сменам... (опрашиваемый подчеркивает свое «руководящее» положение) маленькие отделы, 5 человек в каждом отделе — пять человек в смене — меня лично это удовлетворяет... что 5 человек работают для меня, они приходят ко мне, просят моего совета в делах, которые касаются нашего производства, и что последнее решение за мной. Факт, что последнее решение зависит от меня, и я это делаю, и сознание, что я это делаю правильно, дает мне личное удовлетворение. То, что я зарабатываю себе на жизнь, не дает мне удовлетворения. Это те вещи, о которых я упомянул, чтобы знать, что я кому-то угождаю, дает мне также удовлетворение.

Отрицание материального удовлетворения, знак рестриктивного сверх-Я, является не менее типичным, чем двойное удовлетворение повелевать другими и самому при этом угождать шефу. Его амбиции относительно повышения общественного положения выражаются в неприкрытой идентификации себя с теми, кто превосходит его по авторитету и рангу.

Очевидная ригидность совести проявляет, однако, сильные следы амбивалентности: что запрещено, может быть принято, если это не приводит к социальному конфликту. Слишком застывшее сверх-Я не только действительно не интегрировано, но и остается снаружи.

Нарушение супружеской верности, пока оно не раскрыто, нормально, если же оно обнаруживается, тогда это непорядок, но так как это делают очень многие уважаемые люди, то что, по всей видимости, нормально.

Практически идентично поверхностному сверх-Я, идеалу-Я, как это первоначально называлось у Фрейда, его понятие Бога, которое несет в себе все черты сильного, но «готового помочь» отца:

Ну, если смотреть глубже, то каждый имеет особые представления:
может быть, он называет его Богом или нет, в любом случае это идеал, по которому они живут и на который они хотят быть похожими... Язычники и все другие люди имеют какой-то вид религии, в которую они верят, что она что-то для них делает, что она может им помочь.

Что сообщает этот опрошенный о своем детстве, подтверждает генетическое отношение между «авторитарным» синдромом и садомазохистским решением комплекса Эдипа:

Да, мой отец был очень строгим человеком. Он не был благочестив, но был строг в воспитании нас, детей. Его слово было законом, и если его не слушались, то следовало наказание. Когда мне было 12 лет, отец бил меня практически каждый день, потому что я брал инструменты из ящика и не клал их на место... Наконец он дал мне понять, что эти вещи стоят денег и я должен

Этот опрошенный был сломлен отцом, который слишком старался «подчинить его себе», и именно этот факт определяет его антисемитизм. Он, наряду с восхищением грубым насилием, обвиняет евреев в беспощадности в практической жизни.

Евреи, кажется, извлекают выгоду из современного положения. Теперь они собираются привозить этих евреев из Европы; они, кажется, держатся все вместе, и они могут, по-видимому, накапливать капитал. Они являются своеобразным народом — бессовестным, кроме денежных дел. (Опрошенный имеет в виду здесь, очевидно, бессовестность в денежных делах, хотя, наверное, и в других делах.) Если мешаешь им делать деньги, то будешь приперт к стене.

Здесь неизменность, с которой рассматриваются евреи, и которая выступает уже при «конвенциональном» синдроме, выражена почти абсолютно и исключительно с жадной мщеницей:

Для меня еврей такой же чужак, такого же сорта, как например, филиппинец. На них обращаешь внимание. Они празднуют свои все эти разные праздники, которые мне совершенно чужды, и которых они придерживаются... Они никогда не станут настоящими американцами... *(Какбыло бы, если бы против евреев было меньше предубеждений?)* Я не знаю, я ничего не могу поделать. Я думаю, евреи должны быть такими, какие они есть — они не могут измениться — нечто вроде инстинкта, который никогда не исчезнет. Они всегда останутся насквозь еврейскими. *(Что следовало бы предпринять?)* Они в состоянии захватить власть — ну, так мы должны их остановить... может быть, нужно было бы издать законы, которые бы им в этом помешали.

Также и здесь центральное место занимает авторитарная

его спросили о других причинах, он это объяснил «неудовлетворительными условиями жизни» и попытался объяснить, что ему удалось с трудом, что же он имеет в виду. Условия приводят к недостаточной сдержанности и уважению частной сферы жизни — все они так стеснены — и «теряют чувство дистанции», которая должна быть между людьми» и т. д.

Настоятельное подчеркивание «дистанции», боязнь «близкого физического контакта» можно интерпретировать в смысле нашего тезиса, что при этом синдроме разделение между своей и чужой группой абсорбирует огромное количество духовной энергии. Для индивидов этого типа идентификация с семьей и в последующем со всей своей группой является необходимым механизмом, чтобы возложить на себя авторитарную дисциплину и избежать искушения из-за «выброса гнева», который из-за присущей им амбивалентности постоянно находит у них новую нишу.

4. Бунтовщик и психопат

Решение эдипова комплекса, характерное для «авторитарного синдрома» не является единственным, что благоприятствует структуре характера *H*. Вместо того чтобы идентифицировать себя с отцовским авторитетом, индивид может «взбунтоваться» против него. В определенных случаях тогда исчезают садомазохистские тенденции. Однако так же возможен бунт, при котором авторитарная структура в основном остается не затронутой." Так, например, ненавистный отцовский авторитет может быть устранен уже тем, что его место занял другой; этот процесс облегчается благодаря «поверхностной» структуре сверх-Я, которая свойственна всем предубежденным. Или мазохистский перенос на авторитет удерживается в области бессознательного, а оппозиция имеет место на демонстративном уровне. Это может привести к иррациональной и слепой ненависти против «любого» авторитета смешанной с сильными деструктивными

«кондотьера», которого мы включаем сюда в соответствии с типологией, разработанной Институтом социальных исследований в 1939 году, и который был описан следующим образом:

Этот тип появился в связи с растущей неуверенностью в послевоенные годы. Он убежден, что главное — это не жизнь, а шанс. Он нигилист, но не из-за деструктивного стремления к разрушению, а потому, что жизнь отдельного человека ему безразлична. Масса современных безработных — один из источников, из которых выходит данный тип. Он отличается от прежних безработных тем, что его контакт с областью производства, если он вообще существует, является спорадическим. Такие безработные индивиды уже не могут рассчитывать на то, что рынок работы будет регулярно давать им работу. С молодых лет они старались работать там, где можно было бы что-то получить. Они склонны к тому, чтобы ненавидеть евреев, потому что те, по их мнению, слишком осторожны и слабы физически. С другой стороны, будучи безработными и лишенными экономических корней, они необычайно восприимчивы к любой пропаганде и поэтому готовы следовать за любым «орером». Другой источник — на противоположном полюсе общества: это группа опасных профессий, авантюристы в колониях, гонщики, летчики-асы. Они являются прирожденными предводителями, вождями для первой группы. Их идеал, по существу, героический, который более чувствителен по отношению к «разлагающему» критическому интеллекту евреев. Более того, они сами в глубине сердца не убеждены в этом идеале, который они воздвигли лишь для того, чтобы рационализировать свой опасный образ жизни.¹⁶

К характерным симптомам этого синдрома относится

В своем подробном исследовании случая «Беспричинный бунтовщик»⁷ Роберт М. Линднер предлагает динамическую интерпретацию «хулигана», в которой он дает определение родства этого типа с «бунтовщиком» и с «авторитарным». Линднер говорит:

Психопат — это не только преступник; он врожденный фашист. Он — лишенный наследства, обманутый противник... агрессивность которого может быть мобилизована в тот момент, когда ему предлагает хорошо нацеленный и призывающий к фрустрации лозунг тот фюрер, под мишурной вывеской которого законом становится разнузданность; скрытые и примитивные желания становятся дешево приобретенным добродетельным честолюбием, а рассматриваемые всегда как заслуживающие наказания инстинктивные реакции становятся на повестку дня.

Психопат описывается как «бунтовщик», как религиозный фанатик, нарушающий господствующие нормы и законы, главный признак которого — нежелание ждать, и который не в состоянии отложить наслаждение удовлетворением. Его неспособность дает возможность сделать вывод, что несмотря на сдерживаемую «потребность что-то значить», наряду с неудавшимся образованием сверх-Я, не состоялось также и становление Я. О мазохистском компоненте мы процитируем еще раз Линднера:

То, что психопата мучает чувство вины и что он в прямом смысле слова ищет наказание, автор наблюдал бесчисленное количество раз. Это необычное обстоятельство лучше всего объясняется ситуацией с Эдипом. Так как ему отрезан путь к удовлетворительной постэдиповой адаптации и его непрерывно преследуют фантазии об инцесте и отцеубийстве, он может уменьшить чувство возрастающей вины только через наказание. «Я согрешил против отца и должен быть

интересовали не столько психологические подгруппы среди *H* и *N*, сколько наши общие переменные. Кроме того, необходимо учитывать ситуацию заключенного; она не дает проявиться решающим чертам психопата. В конце концов он не психопатичен, а ведет себя в определенном смысле весьма «реалистично».

Более того, он, «который живет моментом» и которому не хватает идентичности Я, способен успешно приспособляться к данной ситуации: в интервью он не будет проявлять непосредственно поведение, которое выявило бы его «хулиганство». Более того, об этом можно сделать вывод по косвенным, главным образом, определенным языковым привычкам, как например, из многократно повторяемого упоминания физической силы. Два интервью из Сан-Квентина следует читать с учетом таких показателей. Нельзя сомневаться в том, что синдром «хулигана» очень широко распространен, особенно на периферии общества, и что он имеет большое значение для чрезвычайно зловещего аспекта фашистского потенциала.

5. «Фантазер»

«Авторитарный» синдром можно определить как фрустрацию в широком смысле слова, поскольку интроекция отеческого дисциплинирования означает постоянное подавление Оно. Но, как кажется, имеется структура, при которой фрустрация выполняет совершенно специфическую функцию. Она встречается у лиц, которым не удалось приспособиться к своему окружению, освоить «принцип реальности» и которые, так сказать, не в состоянии компенсировать удовлетворение отказом. Их внутренняя жизнь определяется неудачами из-за собственной несостоятельности, которые возложило на них окружение в детстве и в последующей жизни. Эти люди были загнаны в изоляцию. Они вынуждены создать свой внутренний, часто граничащий с манией, иллюзорный мир, который они эмфатически противопоставляют реальности. Они могут существовать только, если сами себя возвышают и страстно отвергают внешний мир. Их «душа» становится их драгоценнейшим достоянием. Одновременно, они очень проективны и недоверчивы. Нельзя не заметить родство с психозом; они параноидны. Для них жизненно важен предрассудок: он их средство избежать острой формы психического заболевания посредством коллективизации. С его помощью они конструируют псевдореальность, против которой они могут направить свою агрессивность, не нарушая открыто «принцип реальности». Стереотипность имеет решающее значение: она выполняет функцию, так сказать, социального подтверждения ее проективных формул и поэтому институционализована в такой степени, которая часто приближается к религиозной вере. Этот синдром встречается у женщин и пожилых мужчин, изоляция которых из-за их исключения из процесса продуктивного хозяйствования усиливается еще в большей

степени. Сюда относятся лица, входящие в организацию вдов военных и, даже во времена затихающей расовой пропаганды, неутомимые сторонники агитаторов. Выражение «фанатичные приверженцы», которым часто злоупотребляют, имеет здесь определенное оправдание; обязательность этих людей достигла стадии фанатизма. Чтобы взаимно подтверждать друг перед другом свою псевдореальность, они объединяются в секты, которые часто пропагандируют (в соответствии со своим проективным понятием вечно вредного жида, который разрушает чистоту естества) что-то из «природы» в качестве универсального средства. Идеи конспирации играют при этом большую роль; они, не колеблясь, обвиняют евреев в стремлении к мировому господству и свято верят в существование сионских мудрецов. Незавершенное образование, магическая вера в естественные науки, которая делает их идеальными сторонниками расовых теорий, — все это является характерными социальными признаками. Их едва ли можно найти выше определенного уровня образования, а также среди рабочих. *F124*

— это женщина, лет пятидесяти, высокая, крепкого телосложения, с резкими чертами лица. серо-голубыми глазами навывкате, острым носом, тонкими прямыми губами. Ее поведение должно производить впечатление.

В этом стремлении произвести впечатление лежат патологические чувства внутреннего превосходства, как будто она принадлежит к тайному ордену, но окружена людьми, чьи имена она не хочет называть, так как из этого можно сделать слишком вульгарные и рискованные выводы и они могли бы быть распространены далее:

Ее коллеги ей безразличны. Некоторые из них имеют всевозможные академические титулы, но у них отсутствует здравый смысл. Имена она не хотела бы называть, но она все-таки хочет рассказать, что там происходит. Многие целый день ничего другого не делают как только болтают друг с другом. Она не может

Ее сестра работала у С, который впоследствии был губернатором штата на юго-западе.

Для ее «внутреннего» псевдомира, ее полуобразования и псевдоинтеллигентности характерно следующее высказывание:

Она очень много читает — только «хорошие книги», посещала в своем родном городе в Техасе до седьмого класса школу. Она рисует и пишет, училась играть на инструменте. Но картину, которую нарисовала в школе, никому не показывала. Она изобразила две горы, между ними солнце, освещающее долину, в которой как раз поднимался туман. Это так ей «пришло», хотя она этому никогда не училась. Это было действительно красиво. Она пишет также рассказы. Когда умер ее муж, она начала писать, вместо того чтобы, как это делают другие женщины, бегать за мужчинами. Одна из ее историй была фантазией о Мэри Пикфорд. Это была бы как раз роль для нее, но, конечно, она никогда никому ее не показывала. Она назвала ее «Маленькая Мей и О'Джун»; ей это пришло в голову во время пикника со своими детьми. Любовная история о маленькой Мэй (девочке) и О'Джун (мальчике). По ее словам, ее дочь также очень одаренная. Один художник... который рисовал техасский василек — «государственный символ», вы знаете, видел работу ее дочери и сказал: «Это у Вас маленький гений». Он хотел давать дочери уроки, но та от них отказалась и сказала: «Нет, мама, он испортит мой стиль; я знаю, что я должна рисовать, что я хочу рисовать».

В расовых вопросах ее ненависть проявляет параноидную тенденцию, которую не остановить — в принципе она проявляет желание осуждать каждую группу, которая приходит ей в голову, и лишь, колеблясь, она ограничивается своими предпочтительными врагами.

Она считает, что «япошки, евреи и негры должны исчезнуть, уйти туда, откуда пришли»... «Конечно, итальянцы также должны возвратиться туда, где их родина, в Италию, но, в конце концов, есть три главные группы, которым здесь не место, это — япошки, евреи и негры».

Ее антисемитизм несет явные черты проекции, фальшивой мистификации «крови» и сексуальной зависти. Следующий пассаж откровенно проявляет ее установку:

«Евреи чувствуют свое превосходство по отношению к не евреям. Они не хотят запятнать свою кровь, смешиваясь с не евреями. Они хотят нас обескровить в финансовом отношении и использовать наших женщин в качестве любовниц, но жениться на них они не будут. А своих собственных женщин они хотят оставить девственницами. Семья У много общалась с евреями. Яне знаю, было ли это из-за денег или из-за еще чего-то. Поэтому во второй раз я не стала выбирать У. Я видела слишком много жирных евреек и евреев с крючковатыми носами в их доме. Конечно, я также слышала,

что мать президента Рузвельта также была еврейского происхождения». Она ушла из семьи В, так как они были евреями. У них был дом как дворец, им хотелось, чтобы я осталась. Они говорили: «Мы знали, что это было бы слишком хорошо, чтобы осуществиться»... когда она ушла.

Бросается в глаза сходство взглядов этой испытуемой с определенными сумасшедшими религиозными движениями, которые основываются на желании услышать «внутренние голоса», дающие и моральное подтверждение, и мрачные советы.

Католики относились к ней превосходно, и она ими восхищалась, но в их церковь она не пошла бы. Что-то в ней говорит «нет». *(Отказ она выражает жестами.)* У нее индивидуальная религия. Однажды, когда она гуляла ранним утром и подняла руки и лицо к небу, они стали мокрыми... *(Это она рассматривает как сверхъестественное событие.)*

6. «Манипулятивный тип»

Потенциально самый опасный синдром «манипулятивного» характеризует экстремальная стереотипия; застывшие понятия становятся вместо средств целью, и весь мир поделен на пустые, схематичные, административные поля. Почти полностью отсутствуют катексис объекта и эмоциональные связи. Если синдром «фантазера» имеет что-то от паранойи, то синдром «манипулятивного» — от шизофрении. Однако в этом случае результатом разрыва между внутренним и внешним миром является не обычная «интroversия», а скорее, наоборот, вид насильственного сверхреализма, который рассматривает всё и каждого как объект, которым нужно владеть, манипулировать и который нужно понять соответственно своим собственным теоретическим и практическим шаблонам. Всё техническое, все предметы, которые могут быть использованы в качестве «орудий», нагружены либидо. Главное, чтобы «что-то делалось», а побочным является, что делается. Бесчисленные примеры этой структуры находятся среди деловых людей, и во все увеличивающемся количестве также среди стремящихся вверх менеджеров и технологов, которые занимают срединное положение между старым типом делового человека и типом рабочего-аристократа. В качестве символа для многих представителей этого синдрома среди антисемитских-фашистских политиков может служить Гиммлер. Трезвый ум и почти полное отсутствие аффектов делают их теми, кто не знает пощады. Так как они всё видят глазами организатора, то они предрасположены к тотальным решениям. Их цель — скорее конструирование газовых камер, чем погром. Им не обязательно ненавидеть евреев, они расправляются со своими жертвами административным путем, не входя с ними лично в контакт. Их антисемитизм опредмечен. это — продукт на экспорт: он должен «работать». Их цинизм почти завершен:

«Еврейский вопрос решается строго легальным образом», — гласит версия беспощадного погрома. Евреи их раздражают, так как их мнимый индивидуализм бросает вызов их стереотипам, и они чувствуют у евреев невротическое подчеркивание как раз человеческих отношений, которых у них самих нет. Противопоставление своей и чужой групп становится принципом, по которому они абстрактно делят весь мир. В Америке этот синдром, само собой разумеется, представлен только в рудиментарной стадии.

Для психологического объяснения данного типа у нас недостаточно материала. Однако необходимо иметь в виду, что насильственность — психологический эквивалент того, что общественная теория называет опредмечиванием. Насильственные черты и садизм молодого человека, которого мы выбрали в качестве примера «манипулятивного» типа, нельзя не заметить. Он почти соответствует классическому понятию Фрейда об «анальном» характере и напоминает в этом отношении «авторитарный» синдром, но отличается от него смешением экстремального нарциссизма с некоей пустотой и поверхностностью. Это противоречит одно другому только на первый взгляд, так как все, что образует эмоциональное и интеллектуальное богатство человека, зависит от интенсивности его объектных замещений. Примечателен в нашем случае интерес к сексуальному, который почти доходит до одержимости, от которой, однако, отстал действительный опыт. Представьте себе очень стеснительного молодого человека, обеспокоенного мастурбацией, который собирает насекомых, в то время как другие юноши играют в баскетбол. В его прегенитальной фазе, наверняка, были раньше глубокие душевные травмы. *MI08*:

он хочет изучать средства борьбы с насекомыми и хотел бы работать в крупной фирме, вроде «Стандард Ойл» или в университете, но, вероятно, не на частном предприятии. В колледже он начал изучать химию, но в третьем семестре спросил себя, подходит ли это ему. В институте он интересовался учением о насекомых, а потом встретил в одной студенческой организации товарища, который также изучал энтомологию, с ним он беседовал о возможностях соединить химию и энтомологию. Молодой человек считал, что это очень хорошая область работы и здесь нужно вести дальнейшие исследования. Затем он установил, что токсикология насекомых охватывала все его интересы, что предмет не был так перенасыщен, что предоставлялись хорошие возможности для заработка, и что не было такого большого наплыва желающих, как в химии и в технических дисциплинах.

Выбор профессии этим человеком, рассматриваемый сам по себе, может показаться случайным, но в контексте всего интервью он, однако, получает некоторое значение. Как установил Лёвенталь, фашистские ораторы имели обыкновение сравнивать своих врагов с «вредными насекомыми». Возможно, насекомые, которые одновременно «отврати-

тельны» и слабы, вызывают интерес этого молодого человека к энтомологии, так как он видит в них идеальный объект для своих желаний к манипуляциям²⁰.

Он сам подчеркивает манипулятивный аспект выбора своей профессии:

На вопрос, что он еще ожидает от своей профессии помимо финансовой стороны, он сказал, что надеется участвовать в организации данной работы вообще, всей отрасли науки в целом. Нет никакого учебника, информация нигде не обобщена, и он надеется внести свой вклад в собирание материала.

Ему настолько важно, чтобы «что-то делалось», что он, хотя и с деструктивными нотками, хвалит личности, к которым он в другом случае испытывал бы отвращение. Сюда относится его высказывание о Рузвельте, которое частично было приведено в главе IV.

Когда его спросили о хороших сторонах Рузвельта, он сказал: «Ну, во время первого периода своей деятельности он у нас сначала навел порядок. Некоторые люди, правда, говорят, что он лишь провел в жизнь идеи Гувера. Он действительно сделал хорошую работу, которая была крайне необходима. Он забрал себе власть, которая была необходима, если он хотел что-то осуществить, он захватил больше власти, чем многие другие». На вопрос, была ли политика Рузвельта хорошей или плохой, он ответил:

«Во всяком случае что-то было сделано».

Точно так, как национал-социалистический теоретик Карл Шмитт определил суть политики, его политические представления определены отношением друг-враг. Мания организовывать, связанная с идефиксом желания господствовать над природой, кажется безграничной:

Всегда будут войны. (*Можно ли вообще избежать войны?*) Нет. Не общие цели, а общие враги объединяют друзей. Может быть, если будут открыты новые планеты и туда можно будет поехать и там обосноваться, тогда можно было бы на некоторое время избежать войн, но на земле всегда будут войны.

По-настоящему тоталитарные и деструктивные импликации этого мышления друг-враг проявляются в его замечаниях о неграх:

(*Что Вы можете сделать для негров?*) Ничего. Это два мира. Я не за смешение рас, так как это создало бы неполноценную расу. Негры не достигли необходимой стадии развития, как и кавказцы. Их жизнь — это имитация Других рас. (*Он за разделение рас, но это невозможно.*) Нет, если не хочешь применять методы Гитлера. Имеются только две возможности справиться с этой проблемой — методы Гитлера или смешение рас. (*Смешение рас—это единственный ответ, и это уже имеет место,*

насколько он об этом читал. Но он против этого.) Это не очень хорошо для рас.

Логика, подобная этой, допускает только один вывод: негры должны быть уничтожены. Будущих объектов своих манипуляций он рассматривает совершенно без эмоций и безучастно. Его антисемизм виден отчетливо, он даже не утверждает, что

евреев можно узнать по внешности: они точно такие же как и
все другие.

Его манипулятивное и патологически безразличное отношение проявляется еще и в отношении смешанных браков:

Он сказал, что если бы он жил в Германии или Англии как американский предприниматель, то женился бы в первую очередь на американке, и только если бы это было невозможно, то на немке или англичанке.

Люди с «темной кожей», такие, как греки и евреи, не имеют никаких шансов работать в его опытной лаборатории. Он хотя и ничего не имеет против своего испанского деверя, однако свое одобрение им выражает фразой, что «его нельзя отличить от белого».

Церковь он признает с манипулятивным намерением:

Ну вот, люди хотят церковь; она имеет смысл, для некоторых людей она устанавливает правила, для других опять в ней нет необходимости. Общее социальное чувство долга сделало бы то же самое.

Его личные метафизические взгляды натуралистичны, с
сильным
нигилистическим уклоном:

I

Свою собственную веру он называет механической — нет сверхъестественного существа, которое занималось бы нами, людьми; все восходит к физическим законам. Люди и вся жизнь — только случайность, но неизбежная случайность.

Затем он попытался объяснить, что в начале мира возникла какая-то материя (и это произошло почти случайно), что началась жизнь и что она продолжалась.

О его эмоциональной структуре:

Его мать — «просто мама». К своему отцу и к его убеждениям, кажется, у него есть некоторое уважение, но он не чувствует ни к кому настоящей симпатии. В детстве у него была масса друзей, но конкретно он не мог назвать ни одного близкого друга. Ребенком он много читал. Он не дрался много, не больше, чем другие мальчики. В настоящее время у него нет ни

одного близкого друга. Самые лучшие друзья у него были, когда он учился в 10 и 11 классах, с некоторыми из них связь сохранилась до сих пор. *(Насколько важны друзья?) Да, в молодые годы они особенно важны, но и в последующие годы жизнь без друзей не доставляет настоящей радости. Я не жду от моих друзей, что они придут и помогут мне продвинуться. (5 этом возрасте действительно они не очень нужны, но в возрасте опрашиваемого это было бы, вероятно, очень важно иметь друзей.)*

Следует также упомянуть, что лояльность является единственным моральным свойством, которое в его глазах имеет большее значение: может быть, она должна компенсировать его эмоциональную бедность. Лояльность означает для него, вероятно, полную и безусловную идентификацию человека с группой, к которой он принадлежит случайно, полное слияние со своей группой и отказ от всех индивидуальных особенностей для блага «целого». Еврейских беженцев М108 упрекает в том, что они не были «лояльны по отношению к Германии».

С. Синдромы свободных от предрассудков

Следующие схематичные наблюдения должны служить ориентиром среди синдромов *N*. Закостенелого *N* характеризуют сильные тенденции сверх-Я и насильственные черты. Отцовский авторитет и его общественные заместители однако часто вытесняются какой-либо коллективной картиной, которая, по-видимому, приняла архаическую форму братской орды Фрейда. Поступки против действительной или мнимой братской любви находятся под строгим табу. Протестующий *V* имеет много общего с «авторитарным» *H*; самым важным отличием является далеко идущая сублимация идей отца, которая, сопровождаемая скрытой враждой против него, ведет «протестующего» к сознательному отказу от гетерономного авторитета вместо его признания. Решающим признаком является оппозиция против всего, что вызывает впечатление тирании. Под импульсивным *N* понимаются лица, у которых сильные импульсы Оно никогда не интегрировались с Я и сверх-Я. Находясь в постоянной опасности, что их либидная энергия их одолеет, они по-своему так близки к психозу, как и «фантазеры» или «манипулятивные» *H*. У непринужденных Оно, кажется, мало подавлено, а скорее сублимировано до сочувствия. Сверх-Я развито очень хорошо, но, наоборот, отстают направленные вовне функции в остальном выраженного Я. Эти опрашиваемые иногда почти невротически нерешительны. Боязнь «обидеть кого-то или что-то» является одной из их главных черт. Тип естественного либерала можно понимать как то, что Фрейд считал идеальным равновесием между сверх-Я, Я и Оно.

В нашем примере широко представлены «протестующие» и «непринужденные». Однако, так как *V*, как мы еще раз подчеркиваем, в общем меньше «типизирован», чем *H*, мы будем избегать обобщений.

1. «Закостенелый» свободный от предрассудков

Мы начинаем с синдрома *N*, который имеет больше всего общего с общей структурой *H*, и подключаем дальнейшие синдромы в соответствии с их более солидным и длительным «отсутствием предрассудков». Синдром, который первым привлекает наше внимание, бросается в глаза из-за чрезвычайно стереотипных черт, т.е. из-за структуры, при которой отсутствие предрассудка базируется не на конкретном опыте, и которая интегрирована не в структуре характера, а выводится из общих внешних идеологических форм. Сюда относятся опрашиваемые, чья свобода от предрассудков, какой консистенции она ни была бы в качестве поверхностной идеологии, по отношению к структуре характера должна считаться случайной. Однако мы встречаем также лиц, ригидность которых имеет едва ли меньше отношения к структуре их характера, как это имеет место у определенных синдромов *H*. Последний тип *L'*, без сомнения, склоняется в своем отношении к тоталитаризму; но случайностью является до некоторой степени специальный вид идеологической формулы жизни, с которой он соприкасается. Нам встретилось несколько опрашиваемых, которые долгое время отождествляли себя с прогрессивным движением, таким как, борьба за права меньшинств, лиц, у которых такие идеи имеют насильственные черты, даже параноидные, маниакальные представления, и которые в отношении некоторых наших переменных показывали особенно ригидность и «тоталитаризм» мышления. Их почти невозможно было отличить от некоторых экстремальных *H*. Всех представителей данного синдрома можно в одном или другом отношении рассматривать как противоположный тип синдрому *H*, «поверхностный рессентимент» (тайная вражда). Момент случайности в их мировоззрении делает их предрасположенными в критической ситуации к «перемене фронта», как это наблюдалось при национал-социалистическом режиме у определенных радикалов. Часто их можно распознать по отсутствию интереса к вопросам меньшинств как таковых, так как их сопротивление направляется против предрассудка как основы в фашистской программе; однако иногда, они видят только проблемы меньшинств. Клише и фразы они применяют едва ли в меньшей степени, чем их политический противник. Некоторые склоняются к тому, чтобы недооценивать проблему расовой дискриминации, просто объявляя ее побочным явлением классовой борьбы, из чего можно было бы сделать вывод о наличии у них самих подавленных предрассудков. Представителей данного синдрома можно найти, например, среди молодых «прогрессивных» людей, особенно студентов, персональное развитие которых не шло в ногу с принятой ими идеологией. Лучше всего этот синдром можно распознать по склонности выводить точку зрения на вопрос меньшинств из общих формул, вместо того чтобы ее выражать спонтанно. Часто приводятся также ценностные суждения, которые не могут

основываться на действительном знании предмета.

F139 — учитель теологии.

Последние 10 лет она считает себя очень прогрессивной, хотя для чтения у нее очень мало времени. Ее муж достаточно читает и постоянно информирует ее и держит в курсе дел, вступая с ней в дискуссии. «Среди всех государственных мужей я выше всего ценю Литвинова. Я считаю, что он произнес самую драматическую речь нашего времени, когда на Женевской конференции требовал коллективной безопасности. Мы были очень рады, что наконец-то рассеялся туман незнания и недоверия, который окружал Советский Союз во время войны. Конечно, еще не все выяснено. В нашей собственной стране есть много фашистов, которые боролись бы против России, если бы могли.

Ее пустые слова, полные энтузиазма в адрес Литвинова, уже упоминались в главе IV, в которой исследовалось стереотипное политическое мышление. То же самое, кажется, действительно и для ее утверждения, что она интернационалистка. Следующий ее риторический вопрос: «Разве я не истинная христианка?», типичен для дедуктивного мышления закостенелого ;V. Как к вопросам меньшинств, так, кажется, она подходит и ко всем другим проблемам.

Она считает, что все люди равны, и здесь она тоже думает, что это единственно возможная точка зрения для истинного христианина.

В отношении несколько общей фразы «все люди равны» следует заметить, что кто свободен от стереотипности, тот скорее признал бы различия и судил бы о них позитивно. Возможно, она считает их «равными в глазах Бога» и выводит свою терпимость из этого распространенного мнения.

Насколько поверхностна ее прогрессивность, показало ее весьма агрессивное отношение к алкоголизму²¹, который она называет одной из своих самых любимых тем и имеющий для нее почти то же значение, что и определенные параноидные идеи «фантазера» среди *H*. В этой связи стоит вспомнить, что тесная связь между прогибиционизмом (сухим законом) и предубежденным мышлением была доказана Альфредом Мак Ли. Действительно, у нас много доказательств того, что эта закостенелая *N* имеет нечто большее, чем налет ментальное™ *H*. Например, она считает свой статус весьма высоким, как это видно из одного замечания о ее дочери:

Я также очень озабочена по поводу ее школы (*называет школу*). Приток людей с более низким образованием и уровнем, чем наш, конечно, повлиял также и на школу.

Она также лелеет деструктивные фантазии, которые слегка вуалирует моральными рассуждениями:

Также и с курением, хотя я в действительности этим **не** очень обеспокоена. Никто из наших двух семей никогда не курил и не пил, за одним исключением. Он **сериализирует** свои поведенческие наказания:

Если бы я завтра могла бы ввести сухой закон, я бы это сделала. Я считаю, нужно запретить все, что не делает человека лучше, что делает его хуже. Многие люди говорят, что если что-то запрещают, люди делают это тайно. Но, посмотрите, как обстоят дела с убийством, воровством и наркотиками? Это все запрещено, однако некоторые люди идут на преступление, и мы не думаем о том, чтобы отменить запрет.

И в конце опроса появляется официальный оптимизм, характерная реакция против скрытого деструктивизма:

Если бы не существовали всегда вера и надежда на то, что все идет вперед, тогда наша христианская вера ничего не значила бы, не правда ли?

При изменившихся условиях, по-видимому, она будет готова присоединиться к субверсивному движению, пока она считает себя «христианкой» и «прогрессивно мыслящей».

2. «Протестующий» свободный от предрассудка²²

Этот синдром в некотором отношении противоположен «авторитарному» *H*. Его причины более психического характера, чем рационального, он восходит к специфическому разрешению эдипова комплекса, которое оставляет в соответствующем индивиде неизгладимые впечатления. Они противятся отцовскому авторитету, однако одновременно глубоко запечатлели в себе образ отца. Можно сказать, что у них так сильно сверх-Я, что оно обращается против собственного «образца», отца и всех других внешних авторитетов. Они руководствуются полностью своей совестью, являющейся, вероятно, во многих случаях секуляризацией религиозного авторитета, которая, однако, полностью автономна и не зависима от внешних законов. Они «протестуют» из-за чисто моральных причин против социального гнета или, по крайней мере, против его некоторых экстремальных манифестаций, таких как расовые предрассудки."

Большинство «невротических» *A'*, которые доминируют в нашем примере, проявляют синдром протеста. Они большей частью робки, сдержанны и неуверены, мучают себя всякими выдуманными сомнениями и угрызениями совести. Иногда в них развиваются некоторые насильственные черты, и их реакция на предрассудок оставляет к тому же впечатление, как будто она им навязана негибким сверх-Я. Часто они

чувствуют себя виноватыми и рассматривают априори евреев как «жертву», как специфически иных, чем они сами. В их симпатиях и идентификациях может присутствовать момент стереотипии. Они руководствуются желанием исправить несправедливость по отношению меньшинства; одновременно их пленяют действительные или воображаемые способности евреев, которые кажутся им родственными по желанию «отгородиться» от реальности. Хотя они думают не авторитарно, они часто чрезмерно напряжены и поэтому не способны действовать так энергично, как диктует им совесть. Они так «стеснительны» или даже психически «парализованы», будто им хорошо удалось осознать свою совесть. Их вечное чувство вины заставляет верить, что каждый «виновен». Ненависть дискриминацию, иногда они едва ли в состоянии выступить против нее. С точки зрения социологии, они, как кажется, в большинстве являются выходцами из среднего сословия, но их групповую принадлежность едва ли можно определить точно. Тем не менее, наш материал разрешает утверждать, что этот синдром встречается у людей, которые пережили трудные семейные конфликты, как например, развод родителей.

F127 чрезвычайно красива, конвенциональный тип «кампус гёл» [девушки из университета]. Она очень хрупка, блондинка, со светлой кожей и голубыми глазами, носит изящный пуловер «слоппи Джо», блузку, показывающую ее хорошие вкус, короткую юбку и носочки бобби. На ней значок студенческого союза. Она очень приветлива и заинтересована, кажется, что разговор с ней доставляет ей радость, однако пока интервью не продвинулось далеко, она сообщает о себе лишь скудные сведения. Потом вдруг она решилась сообщить важный факт для ее теперешней жизни — развод родителей, о котором она обычно умалчивает, и с этого момента она, очевидно, уже свободно говорит о своих чувствах.

Она проявляет характерную для невротиков склонность быть занятой только собой, что является проявлением слабости. У нее нечто вроде магической веры в психологию, и она ожидает, по всей видимости, что психологи знают о ней больше, чем она сама:

Больше всего она хотела бы стать психиатром. *(Почему?)* Так как психиатры больше знают о людях. Каждый рассказывает мне о своих заботах. Я ничего не знаю, что принесло бы в большей степени удовлетворение, чем возможность помогать людям в решении их проблем. Но у меня не хватает ума и терпения, чтобы стать психиатром. Это только так, идея.

По отношению к отцу она настроена враждебно:

Отец адвокат. Сейчас он в армии и где-то в Тихом океане является командиром негритянского батальона. *(Что он думает об этом?)* Я вообще не знаю, что он думает.

Ее позиция в общественных вопросах является смесью конформистской «корректности», подчеркнута и открыто высказываемой потребности удовольствия, выраженной почти так, как будто ее совесть приказывает ей развлекаться и склоняет замыкаться в себе. Ее безразличие по отношению к ее «статусу», хотя, возможно, и не совсем искреннее, удивительно:

(Особые интересы?) О, все, что нравится, а также и серьезные вещи. Я люблю читать и дискутировать. Люблю встречаться с умными людьми. Но я не выношу тех, кто пристаёт. Я люблю танцевать, хорошо одеваться, выхожу в общество. В спорте мои успехи не особенно хороши, но я занимаюсь им. Я играю в теннис и плаваю. Я — член студенческого общества, у нас много дел из-за войны, например, уход за солдатами. *(Она называет общество.) (У него ведь хорошее название, не так ли?)* Да, так говорят. Но я не верю, что оно представляет собой нечто особенное.

Следы страха и чувства справедливости характеризуют ее размышления по социальным вопросам:

(Что Вы думаете о бедности?) Я не люблю об этом говорить. Я думаю, что ее не должно быть. *(Кию виноват в этом?)* О, я не думаю, что бедные люди сами в этом виноваты. Я не знаю, но следовало бы подумать, какой найти путь, чтобы у каждого всего было достаточно.

Благодаря чувству страха она лучше осознает потенциальный фашизм, чем большинство других N:

Это было бы ужасно, если бы у нас был фашизм. Конечно, фашисты есть. И они хотели бы, чтобы у нас было то же самое. Многим еврейским парням трудно — в армии и на медицинском факультете. Это несправедливо. *(Почему такая дискриминация?)* Я не знаю, наверное,

К клинической подоплеке ее позиции относятся следующие данные:

Я опасаясь, что я очень похожа на отца, а это нехорошо. Он очень нетерпелив, властен и думает только о себе. Мы плохо ладили. Он предпочитал мою сестру, потому что она ему льстила. Но мы обе от него страдали. Когда я употребляла против сестры ругательства, как это обычно делают дети, когда спорят, он меня бил и сильно. Это всегда печалило мать. Поэтому она сама нас мало наказывала, так как всегда это делал отец, и большей частью ни за что. Меня часто били. Об этом я вспоминаю больше, чем о чем-то другом. *(Верите ли Вы, что Ваш отец и Ваша мать любили друг друга?)* Нет, может быть в начале. Но моя мать не могла переносить, что он с нами так обращался. Она развелась с ним. *(Она разволновалась и ее глаза при этих словах наполнились слезами. На замечание интервьюирующего, что она не указала на развод родителей, она ответила: «Я не намеревалась говорить это. Я почти никогда это не говорю».)*

Показатели сильной привязанности к матери могли бы объяснить невротические черты:

Я бы не хотела, чтобы моя мама когда-либо вновь вышла замуж. *(Почему?)* Я не знаю. Ей это не нужно. У нее могут быть друзья. Она очень привлекательна, и у нее много друзей, но я не смогла бы это выдержать, если бы она еще раз вышла замуж, *(бы думаете, что она все-таки это сделала бы?)* Нет, нет, если я этого не хочу.

Кроме того, в сексуальном отношении есть затруднения, которые вероятно, основываются на переживаниях в связи с распавшимся браком родителей:

(Друзья?) О, я не придаю этому серьезного значения, и я также не хочу, чтобы они придавали этому серьезное значение. Конечно, я чуть-чуть флиртую, но не так, чтобы они думали, что меня легко завоевать. Я не люблю также парней, которые доступны.

Ее объяснение, что она не хочет связывать себя, так как боится обручения с военным, по-видимому, является рационализацией.

3. «Импульсивный» свободный от предрассудков

Случай «импульсивного» дописали Френкель-Брюнсвик и Сенфорд²⁴ следующим образом:

Самый замечательный патологический случай среди наших .V показал структуру, которая в высшей степени отличалась от той, которую мы рассматривали как самую типичную для не имеющих предрассудков.

Девушка была явно одержима влечением. Ее Я было тесно связано с ее Оно, так что ей казалось, что эксцессы любого вида ей разрешены. Свою любовь к евреям она обосновывает почти теми же аргументами, которые приводят типы *H* в отношении своей ненависти.

Можно предположить, что этот случай — это синдром особого рода и в некотором отношении является противотипом психопатического *H*. Он проявляется у совершенно приспособившихся опрашиваемых лиц, у которых весьма сильное Оно, но которые относительно свободны от деструктивных импульсов: у людей, которые в результате их собственной либид-ной склонности симпатизируют всему, что они считают угнетенным; которые далее так интенсивно реагируют на стимулы, что отношение собственная группа — чужая группа для них не имеет никакого значения. Наоборот, ее притягивает все, что «не такое» и что обещает новый вид удовлетворения. Поскольку они не лишены деструктивных моментов, то кажется, что последние направлены против собственной персоны, а не против других. Этот синдром простирается от либертинистов, через «одержимых» разного толка и лиц определенных асоциальных характеров, таких как проститутки и не применяющие грубую силу преступники, до некоторых психопатов. В этой связи также стоит упомянуть, что в Германии среди актеров было мало нацистов, так же как и среди артистов цирка и бродяг — людей, которых нацисты угоняли в концлагеря. Нелегко распознать более скрытые психические причины этого синдрома. Я и сверх-Я — оба кажутся ослабленными и делают этих лиц немного лабильными в политических вопросах, а также других областях. Наверняка, они не думают стереотипными понятиями, однако вызывает сомнение, в какой степени они вообще способны образовывать понятия.

Наш пример, *F205*, был взят из группы нервной клиники:

Она привлекательная молодая студентка с приятным
обхождением, которое особенно заметно в отношении

что могло бы интернационализировать культуру. Я считаю, повсюду должна быть единая система воспитания. Может быть, это не практично, но было бы возможно привлечь селекцию — это дало бы накопление хороших свойств. А душевнобольных можно было бы стерилизовать. *(Она приводит пример учения о наследственности, о котором слышала.)* Мне кажется, улучшения не будут идти достаточно быстрыми темпами. Все общество больно и несчастно.

Последнее суждение показывает, что ее собственное недомогание благодаря интуиции делает ее способной к достаточно радикальной и консистентной критике общества. Ее ясный взгляд, а также любовь ко всему, что является «иным», выступает еще отчетливее в ее позиции по отношению к проблеме меньшинств:

Угнетение меньшинств — предрассудок, оно получило ужасный размах. Боятся меньшинств по незнанию. Я за то, чтобы все группы ассимилировались — во всем мире. Воспитание во всем мире должно быть единым. Меньшинства сами держатся в стороне. Это порочный круг. Общество превращает их в изгоев, и они адекватно реагируют. *Они отличаются? Интервьюирующий действительно пытается заставить эту респон-дентку назвать различия между группами, но она подчеркивает'. Все различия, которые имеются, основаны на условиях, среди которых вырастают люди, и на эмоциональных реакциях (на дискриминации). (Евреи?) Я не вижу, почему они как группа должны быть другими. У меня среди друзей есть евреи... Может быть, они более восприимчивы из-за предрассудков против них. Да. это так.*

Судя по клиническим документам, эта девушка врожденная
лесбиянка;

4. «Непринужденный», лишенный предрассудков

Этот синдром точно противоположен «манипулятивному» *H.* Отрицательные признаки — бросающаяся в глаза склонность «оставить все, как есть», решительное нежелание применять насилие к окружающему миру, на первый взгляд почти граничащее с конформизмом, и крайнее нежелание принимать решения, которое подчеркивали многие опрашиваемые сами. Это сопротивление даже отрицательно влияет на их речь: «непринужденных» часто можно узнать по неоконченным предложениям; они производят впечатление, как будто они боятся связать себя словом и поэтому дают лучше слушателям возможность судить о спорном вопросе. В позитивном смысле они хотели бы «жить и давать жить другим», и они сами кажутся свободными от желания обогащаться. Они не завистливы и не проявляют недовольства. Они обладают некоторым внутренним богатством, противоположностью к принуждению, проявляют способность наслаждаться, имеют фантазию и чувство юмора, которое иногда становится самоиронией. Однако их самоирония так же мало деструктивна, как и их обычное поведение. Оно проявляется как готовность тех, которые признаются в своей слабости не из-за невротического принуждения, а сильного чувства внутренней безопасности. Они могут жертвовать собой, не опасаясь потерять себя. Их политические убеждения редко бывают радикальными; они ведут себя так, как будто живут уже не в репрессивном, а в действительно гуманном обществе. Иногда это поведение может ослабить их силу сопротивления. Отсутствуют признаки чисто шизоидных тенденций. Они абсолютно лишены стереотипности и даже не сопротивляются ей, ибо им не известно стремление подчинять.

Причины данного синдрома еще не совсем известны. Респондентов, у которых он проявляется, нельзя определить ни по преобладанию психологической инстанции, ни по регрессии на особую инфантильную фазу, хотя у них при поверхностном рассмотрении есть что-то детское. Их нужно скорее понимать, исходя из их динамики как людей, структура характера которых не «закостенела». Ни одна из контрольных инстанций из типологии Фрейда не приняла в их случае прочную форму, они совершенно «открыты» для любого опыта. Это, однако, не означает, что их Я ослаблено, наоборот, у них нет травматических переживаний и дефектов, которые в противном случае привели бы к «опредмечиванию» Я; в этом смысле они «нормальные». Однако как раз эта «нормальность» в нашей цивилизации производит впечатление некоторой незрелости. Не только их детство прошло без серьезных конфликтов, оно, кажется, целиком определялось материнскими и другими женскими образцами²⁵. Может быть, их лучше всего охарактеризовать как людей, которые не боятся женщин. Это объяснило бы отсутствие агрессивности, но одновременно указывало бы на архаическую черту: мир в их глазах регулируется еще законами матриархата. Так,

очень часто они олицетворяют с социологической точки зрения первозданный «народный» элемент в противоположность рациональной цивилизации. Представители данного синдрома нередко относятся к нижнему уровню среднего сословия, несмотря на то, что от них нельзя ожидать «акций», их можно отнести к тем, которые никогда ни при каких обстоятельствах не приспособились бы к политическому или психологическому фашизму. Уже упомянутый M711

любезен, кроток, приветлив, неопределенен и несколько летаргичен в поведении и речи. Он красноречив, но очень обстоятелен. Все то, что он высказывает, он обычно облакает в форму ограничений, которым он, как правило, уделяет больше внимания, чем самому содержанию заявления. Он, кажется, страдает, из-за нерешительности и сомнений, неуверенности, что касается его собственных мыслей, и ему во многих вопросах трудно принять однозначное решение. В общем, он боится связывать себя в духовном и эмоциональном отношениях и пытается обычно держаться от всего в стороне.

Выбор своей профессии он считает случайным; показательно, однако, что вначале он был ландшафтным архитектором, причем, у него не было желания господствовать над природой, а было желание ее восстанавливать. Позднее он, работал на государственной службе в качестве интервьюирующего. Эта работа приносила ему удовлетворение, он помогал людям, но он не подчеркивает этот аспект нарциссически. Благосостояние для него не важно, он высказывает желание «безопасности», но к деньгам как таковым он равнодушен. Его отношение к религии, которое было описано в главе V²⁶, с психологической точки зрения, соответствует в деталях структуре синдрома «непринужденного». Однако следовало бы добавить, что он «не верит в непорочное зачатие», считает его «несущественным». На вопрос о наказаниях в детстве он отвечает, что их «практически не было». Он «очень недисциплинирован». Без стеснения подчеркивает сильную привязанность к своей матери; ссоры были в его молодости только тогда, когда его мать хотела иметь его только для себя. «Она не любила девушек, с которыми я ходил». Что ему нравится в женщинах, он описывает следующим образом:

Ужасно трудно сказать, если влюблен в девушку... Кажется, она имеет все, что я люблю — весело быть рядом с ней, она умна. красива. Она меня любит, и это важно. Мы все делаем вместе. (*Что Вы больше всего любите делать вместе?*) Слушать музыку, читать, плавать, танцевать, т.е. то, что не требует много усилий, и делает все приятным.

Несмотря на привязанность к матери, у него отсутствуют следы враждебности по отношению к отцу, которого он очень рано потерял. Но

воспоминания о богатой фантазии отца еще живы:

(Приятные воспоминания об отце?) Большое количество приятных воспоминаний, так как он нас баловал, когда был дома, все время он придумывал великолепные вещи, которые мы могли бы предпринять. *(Мать и отец хорошо друг с другом ладили?)* Я думаю, очень хорошо. *(В кого из родителей Вы пошли?)* Я не знаю, так как я не очень хорошо знал моего отца. *(Ошибки отца?)* Я не знаю.

В высшей степени характерны его высказывания о расовой проблеме:

(Что Вы думаете о проблемах меньшинств?) Я хотел бы, чтобы я мог это сказать. Я не знаю. Я считаю, что это — проблема, которой мы все должны заниматься. *(Самая большая проблема?)* Негры, по числу их... я не думаю, что мы когда-либо честно относились к данной проблеме... Многие негры пришли к западному побережью. *(У Вас когда-либо были друзья среди негров?)* Да, но не близкие друзья, хотя я многих знал, которые мне нравились и были мне приятны. *(Что Вы думаете о людях?)* Я считаю, это — неправильный вопрос... Нужно было бы спросить: «Что бы было, если бы Ваша сестра вышла замуж за негра?» Честно говоря, я бы не забивал себе этим голову... *(Типичные свойства негров?)* Никаких.

До защиты евреев дело не доходит, но он отрицает, что это «проблема»:

(Как обстоит дело с еврейской проблемой?) Я не думаю, что существует еврейская проблема. Я считаю, что это опять была приманка для агитаторов. *(Что Вы имеете в виду?)* Гитлер, Ку-клукс-клан и подобные. *(Еврейские черты?)* Нет. я видел евреев е так называемыми еврейскими чертами. но эти черты имели

на то, что опрашиваемый с этим легко согласился и просит о дальнейших объяснениях.) Я немного с этим согласен, но в противоположность этому Хуэй Лонг был мужественным неустанным вождем... и Гитлер /смеется/. Смотря по обстоятельствам. (Что Вы имеете в виду?) Ну, я восхищен Уиллки; я восхищаюсь Рузвельтом; я восхищаюсь Уоллесом. Но я не считаю, что мы должны иметь вождей, которым народ дарит свое доверие, для того чтобы потом самим ничего не делать. Как кажется, люди ищут вождей, чтобы потом самим не думать.

Интервью заканчивается диалектической констатацией: «Власть почти равна злоупотреблению властью».

5. Врожденный либерал

В отличие от только что описанного, следующий синдром откровенно открыт для реакций и мнений. Опрашиваемые данного типа высоко ставят автономию и независимость. Вмешательство извне в их личные убеждения они не переносят, и сами они не хотят вмешиваться в дела других. У них хорошо развито чувство Я, но не проникнуто либидностью. Они редко настроены нарциссически. Тем не менее, они не без колебания соглашаются с тенденциями Оно и делают из этого выводы — как это наблюдается у «эротического типа» Фрейда.²⁷

Примечательным признаком является гражданский кураж, который часто преодолевает все рациональные сомнения разума. Они не могут «молчать», если происходит несправедливость, даже если это будет связано для них с серьезной опасностью. Так как они сами являются четко выраженными индивидуалистами, то и других они рассматривают как индивидуумов, а не как представителей какого-либо рода. «Врожденный» либерал разделяет некоторые черты с другими синдромами N. Как и «импульсивный», он ничуть не стесняется, ему даже трудно держать себя под «контролем». Однако его эмоциональная подчеркнутость не слепа, а направлена на другого в качестве субъекта. Его любовь — это также соперничество, а не только желание, так что его почти можно было бы назвать «сочувствующим» N. Так же как и «протестующий», он энергично идентифицирует себя с обделенными, однако без признаков принуждения и сверхкомпенсации; он не филосемит. Как и «непринужденный», он антитоталитарен, однако более осознанный и без их сомнений и нерешительности.

Скорее эта констелляция является единственной чертой, которая характеризует «врожденного» либерала. Часто, по видимому, имеются эстетические интересы.

Наш пример являет собой девушку, «врожденная» либеральная структура характера которой выступает более отчетливо, когда она, как говорит интервьюирующая, политически наивна, как и большинство наших студенток, причем не важно, имеют ли они высокое или низкое количество очков.

«Ярлыки» не установлены. F5J5

21-летняя студентка, красивая брюнетка с темными блестящими глазами, излучающая темперамент и живость. У нее ничего нет от низкой женственности, которая часто присуща *H*, и она, наверняка, презирала бы женские хитрости и трюки таких дам. Она, напротив, весьма непринужденна и чистосердечна и имеет спортивную фигуру. Она производит впечатление очень страстной натуры, и сам испытываешь сильное желание интенсивно включиться во все ее отношения. Наверное, она с трудом может удержать себя в границах общепринятого.

Кроме своего полупрофессионального интереса к музыке, она находит также удовольствие в рисовании и играет в театре, однако она еще колеблется в отношении своей будущей профессии. У нее образование помощницы медсестры. Ей нравилось помогать людям таким образом.

Это доставляло мне радость. Я чувствовала, что могу позаботиться о больном человеке. Мне ничего не стоило опорожнять судна и бутылки от мочи. Я научилась соприкасаться с телом больного и не испытывать при этом брезгливости. Я научилась быть тактичной в некоторых вещах. Кроме того, это было также и патриотично! /чуть шуточный тон/ Люди меня любили. (*Почему они Вас любили?*) Так как я улыбалась и все время шутила, как сейчас.

Ее позиция в вопросах меньшинств определяется ее пониманием индивида:

Меньшинства должны иметь такие же права, как и большинство. Они такие же люди и должны иметь столько же прав, как и большинство. Меньшинств не должно быть. Должны быть только индивиды, и они

же тоже не хотим. Если они ее хотят, они и должны ее иметь. Я не знаю, умнее ли они, но если они таковы, то они и должны быть такими.

Как показывает последнее замечание, она совершенно не испытывает чувства вины перед евреями. Она при этом добавляет в шутку:

Может быть, если евреи придут к власти, они ликвидируют большинство. Это не умно, так как мы нанесем ответный удар.

Ее религиозные убеждения, которые имеют легкий юмористический налет, сводятся к идее утопии. Она сама использует это слово при упоминании Платона, которого она читала. Суть ее религии, содержащаяся в предложении «Может быть, мы все спасемся», следовало бы противопоставить «антиутопическому» взгляду, превалирующему у всех остальных опрашиваемых нами.

В описании своих родителей самым необычным образом звучит ее собственный идеал-Я:

— Отец проработал 25 лет в рекламационном отделе по грузоперевозкам на фирме R.R. Co. В его обязанности входило принимать много людей на работу. У него было 150 подчиненных-служащих.

Опрашиваемая описывает своего отца следующим образом:

— Он мог стать вице-президентом — у него был ум, но не пробивной характер. У него не хватало нужных качеств для политика. Он очень великодушен, сначала всегда выслушает обе стороны, прежде чем составит свое суждение. Поэтому он может хорошо аргументировать. У него есть понимание. Он не позволяет себе руководствоваться чувствами, как моя мать. Мать действует в соответствии с чувством. Отец — деловой, мать хорошая. Она — личность. Она дает нам что-то. нам воем. У нее есть чвство. Она всегла

сексуальные отношения — это путь лучше узнать друг друга. Но вот три дня тому назад она с ним порвала. Она говорит это с наигранной печалью. Он предложил остаться друзьями, но она и этого не хотела. Ее беспокоит сексуальная проблема. Когда она танцевала с ним первый раз, он сказал, что у него сложилось впечатление, будто она хотела иметь с ним связь, в то время как она просто хотела быть близкой ему. Она сердится, так как действительно не это имела в виду, однако, может быть, неосознанно все-таки то!

Очевидно, имеется связь между ее эротическими потребностями и не достаточно подавленным чувством к ее отцу: «Я хотела бы выйти замуж за того, кто был бы таким же как и мой отец».

Результат опроса интервьюирующей обобщает следующим образом:

Наиболее решающими факторами, явившимися причиной в этом случае низкого количества очков, оказались отзывчивость родителей и их большая любовь, которую мать опрашиваемой проявляла по отношению ко всем детям.

Если обобщить данное утверждение и сделать выводы для лиц *H*, то можно сказать, что растущее значение характера фашистского толка во многом обусловлено основополагающими структурными изменениями в семье²⁸.

Примечания

- ¹ Allport, G. W., *Personality: A Psychological Interpretation*, New York 1937. ² Masserman, J. H., *Principles of Dynamic Psychiatry*, Philadelphia 1946. ³ Anastasi, Anne, *Differential Psychology*, New York 1937. ⁴ Allport, G. W., a. a. 0.
⁵ Harriman, P. H., ed., *Twentieth Century Psychology*, New York 1946.

признает его собственное опредмеченное «стереопатическое» воззрение.

¹ Freud, S., Libidinal types. *Psychoanalytic Quarterly* I, 1932, S. 3-6.

¹ В работе: Hunt, J. McV., ed.. *Personality and the Behavior Disorders*, New York 1944.

¹ Следует подчеркнуть, что нужно различать два понятия типа: во-первых, есть типы в собственном смысле слова — типизированные люди, индивиды, которые глубоко отражают устоявшиеся образцы и социальные механизмы; во-вторых, те, которые могут быть названы типами в формально логическом смысле и которые часто могут характеризоваться как раз отсутствием стандартных качеств. Важно различать действительные, «настоящие» типовые структуры человека и лишь его простую принадлежность к какому-то логическому классу, посредством которого он определяется как бы извне.

¹ Ср. с гл. 2.

" Институт социальных исследований. Работы по философии и социологии, стр. 133 и след.

¹² См. по этому поводу F. N. 6, стр. 102.

¹³ См. по этому поводу F. N. 5, стр. 174.

" В : Институт социальных исследований, М. Хоркхаймер (ed.), *Studien ueber Autoritaet und Familie*, стр. 110 и след.

¹ Институт социальных исследований, М. Хоркхаймер (ed.), *Studien ueber Autoritaet und Familie*; Erikson, E. H., *Hitlers Imagery and German Youth*.

" Институт социальных исследований, Работы по философии и социологии под ред. М. Хоркхаймера. стр. 135 и след.

¹⁷ Lindner, R. M., *Rebel without a Cause*, New York 1944.

¹⁸ A. P., *Kap. XXI, Criminality and Antidemocratic Trends: A Study of Prison Inmates*, S. 817 и след.

" Lowenthal, L., und Guterman, N.. *Prophets of Deceit*, New York 1940.

VII. Психологическая техника в речах Мартина Лютера Томаса по радио

1. Личностный элемент — самохарактеристика агитатора

Вводные замечания

Для фашистского фюрера характерна склонность к болтливому заявлению о собственной персоне. Либеральные и леворадикальные пропагандисты, напротив, склонны к тому, чтобы ради «объективных» интересов, к которым они апеллируют, избегать намеков на частную жизнь: либерал — чтобы продемонстрировать деловитость и компетенцию, левый радикал — чтобы не подвергать сомнению свою коллективистскую позицию. В то время как такая «обезличенность» по праву обоснована в объективных условиях индустриального общества, то в отношении публики оратора она проявляет явные слабости. Отрыв от собственного Я, как того требует любая объективная дискуссия, предполагает наличие интеллектуальной свободы и силы, которые вряд ли имеются среди масс современных людей. Кроме того, «холодность», присущая объективной аргументации, усиливает чувство отчаяния и одиночества, из-за которых страдает в принципе каждый индивид и которых он стремится избежать, когда слушает публичные речи. Фашисты это поняли, их язык личностей. Он не только затрагивает непосредственные интересы своих последователей, но и включает часто персональную сферу оратора, который, как кажется, доверяется своему слушателю и преодолевает пропасть между людьми.

Однако имеются еще более специфические причины для применения этого метода, который, даже если он часто подпитывается тщеславием вождя, хорошо рассчитан и, несмотря на очевидный «субъективизм», является частью весьма объективной системы пропагандистской практики. Чем безличнее наш общественный порядок, тем более значимым становится индивидуализм как идеология. Чем энергичнее отдельный человек низводится до простого колесика в механизме, тем настойчивее должна быть подчеркнута, как компенсация за его бессилие, идея его неповторимости, автономии и значимости. Так как это может произойти не в индивидуальной, а в достаточно общей и абстрактной форме, то оно выполняется заместителем фюрера. В этом часть тайны тотального вождизма, его свиты — создать перед глазами последователей картину независимого характера, иметь который в действительности им не дано.

Далее, самопропаганда вождя фашистов — это своего рода трюк доверия. Хотя иногда он и восхваляет себя, а в решающие моменты может даже обманывать, он предпочитает, особенно пока не достиг решающей власти,

оставлять в стороне тему своей непреодолимой силы. Он заверяет, что он «такой же человек», т.е. такой же слабый, как и его будущие сторонники. Самой по себе идеи силы и авторитета не достаточно, чтобы объяснить силу притяжения фашистских главарей, а скорее важно представление, что слабый может стать сильным, если он пожертвует свою жизнь «движению», «делу», «крестовому походу» или еще чему-то. С амбивалентной ссылкой на собственную личность, как одновременно человеческую и сверхчеловеческую, слабую и сильную, близкую и далекую, он дает модель для установки, которую он хочет закрепить среди своих слушателей.

Признания, правдивые или лицемерные, выполняют, кроме того, цель удовлетворить любопытство публики — универсальный признак сегодняшнего массового общества. Его структура еще недостаточно исследована; частично причина этого состоит в широко распространенном чувстве «быть проинформированным», чтобы поддерживать беседу, частично во мнении, что жизнь других богатая, волнующая и пестрая по сравнению с собственными мучениями. Может быть, в основе его лежит атрибут шпиона, глубоко укоренившийся в подсознании, который требует наслаждения тем, что можно заглянуть в частную жизнь соседа. Такое поведение отвечает сущности фашиста, он знает, что не важно, каким образом это любопытство удовлетворяется. Разоблачения коррупции или краж, в которых замешаны противники, обсуждения болезни его жены или его финансовых трудностей, которые, может быть, даже выдуманы, действуют с одинаковой силой. Как практикующий психолог он разбирается немного в способе функционирования амбивалентных чувств, даже если он объявляет психоанализ еврейской фальшивкой. Если со слушателем обращаются как с посвященным в тайну, то его либидо удовлетворяется, не важно, направляется ли его любопытство на положительные или отрицательные представления. Чтобы навесить на противника ярлык обманщика, достаточно иногда при некоторых обстоятельствах заявить, что он не оплачивает свои счета. Если Томас публично констатирует (как это в действительности было), что он не мог погасить счета за радио, этим он в любом случае завоевывает новых друзей.

В конце концов есть объективная причина недостаточной объективности фашистов: она им помогает скрыть свои собственные цели или замаскировать их. В Америке, где в отличие от Германии, демократическая идея имеет длительную традицию и обладает сильной эмоциональной силой притяжения, было бы в высшей степени неуместным, если бы фашистский главарь стал нападать на саму демократию, как это открыто делали национал-социалистические пропагандисты. Американский фашист в общем согласен принять демократию для сокрытия собственных целей. Однако, если он слишком навязчиво рекламирует себя сам, то надеется по рецепту Хуэй Лонга добиться столько влияния, сколько нужно для создания группы, имеющей достаточно власти, чтобы свернуть демократию во имя

демократии. Расплывчато обещать всем группам все, ничуть не заботясь об их противоречивых интересах, это, помимо всего прочего, является хорошо известным трюком фашистской техники пропаганды. Если фашистский вождь говорит о самом себе, он набирает доверие к авторизации интеграции; однако он должен, с другой стороны, представить свои объективные измерения таким специфическим образом, чтобы не слишком ясно выступали противоречивые черты его программы. Персональный оттенок ему нужен для камуфляжа.

Томасу основательно знакома методика Гитлера благодаря его связям с Десереджем, Генри Алленом и миссис Фрай. Он хорошо осведомлен о манипуляции собственного Я для пропагандистских целей и он ловко приспособил технику разоблачения и признания, используемую Гитлером для американской арены действия и к эмоциональным потребностям своей публики, пожилым и старым гражданам нижнего слоя среднего класса с их сильной верой в Библию и сектантским фоном. Мы приводим несколько примеров его манеры говорить о самом себе.

Трюк «одинокий волк»

Трюк «одинокого волка» идет из арсенала Гитлера, который постоянно похвалялся своими семью одинокими и героическими товарищами по партии, основавшими движение, и который якобы мог рассчитывать только на самого себя, в то время как другие имели в своем распоряжении прессу и радио. Томас несколько умереннее: он бесчисленное количество раз повторяет в разных вариантах утверждение: «У меня нет покровителей, и ни один политик никогда не потратил ни одного доллара на это движение»¹. Эта модификация возникает из манипуляции американским недоверием к профессиональным политикам, которые якобы получают личную выгоду от мошеннических махинаций в общественных делах. Так как у Томаса самого, как и у его подобных, имеются все признаки политического афериста, он с большим страхом пытается свалить позорное пятно профессии политика на тех, от которых он притворно дистанцируется. Чем сильнее он бичует обман, тем менее вероятно, как он считает, что его примут за обманщика. Одним из самых очевидных признаков фашистских и антисемитских пропагандистов является навязчивое обвинение своих жертв в том, что они сами или делают или намереваются делать. Задача контрпропаганды должна была бы состоять в том, чтобы разоблачить их именно в этом. Нет ни одной категории фашистской агитации, к которой невозможно было бы применить это правило. Оно является образцовым примером механизма «психологической проекции», который ощущается во всей фашистской идеологии.

Наряду с выпячиванием собственной смелости и собственной безупречности, трюк «одинокого волка», чтобы завоевать доверие тех, кто чувствует

себя одиноким и обделенным, таит в себе скрытый расчет успокоить всеобщий и постоянно растущий страх перед манипуляцией. Он возникает как результат сопротивления бойкому продавцу и заключается в полусознательной вере, что каждое публично произнесенное слово не имеет объективного значения, не представляет собой личного убеждения говорящего, а является пропагандой в широком смысле, которая служит интересам какой-то группы, оплачивающей это. Причина этого представления — экономическая централизация и монополизация средств коммуникации. Заявление: «За мной не стоят никакие деньги никакого политика», — сводится к утверждению, что собственные рассуждения спонтанны и ими не управляет какая-либо монополистическая организация. Однако это отношение к манипуляции и психологическую функцию данного трюка нельзя упрощать. В современных социальных условиях люди не только боятся манипуляции, но они, наоборот, ощущают потребность в ней и в руководстве тех, кто считает себя сильными и способными защищать их. Иерархическая природа нашей экономической организации усиливает желание быть объектом манипулирования и самому оставаться бездеятельным. Кроме того, начинает стираться граница между «объективной констатацией» и пропагандистскими трюками. Чем сильнее концентрация власти в интересах групп и индивидов, которые овладели средствами коммуникации, тем в большей степени их пропаганда становится «правдой», поскольку она выражает действительную власть. В высшей степени показательно название министерства Геббельса «Министерством народного просвещения и пропаганды», — объективная правда, которую он якобы хочет дать народу, идентифицируется с пропагандистскими лозунгами партии. Необходимо учитывать эту двусмысленность в отношении людей к манипуляции со стороны агитаторов, которые используют трюк «одинокий волк». Они не ожидают, что их речь будет воспринята серьезно, что, вероятно, никогда не имеет места. Играя с общим недоверием слушателей к манипуляции со стороны современных власть предержащих в сфере коммуникации и в политике партии, они внушают с помощью трюка «одинокий волк», что в действительности за ними стоит очень много, а именно действительные силы, которые работают против власть предержащих. В современной фазе разжигание ненависти к монополизму является одним из средств ускорить победу тоталитаризма. Слушатель, который ежедневно слышит по радио, что оратор один и работает за свой собственный счет, верит, что общественные и официальные организации сегодня не на его стороне, а скорее являются потенциальными силами интегрированного коллектива и «тайным царством, которое должно придти». Гражданами его станут те, которые достаточно рано присоединились к нему. Очернение манипуляции является одним из средств ее. Рафинированным образом людям внушают убеждение, что инициатива в их руках и в руках их образца — оратора. Кажущаяся спонтанность речей агитаторов

поднимается до уровня идеологии, чем в большей степени они

ее лишаются. **Трюк «освобождения от чувств»**

Оратор подчеркивает симулированную спонтанность и неманипулированную индивидуальность посредством совершенно осознанного и настоящего подчеркивания чувств. Это становится составной частью его техники и не только выставляется на всеобщий обзор, но также и рекомендуется. Томас при всякой возможности подчеркивает, что он чуть было «не плакал», когда он принимал от бедной старой вдовы пожертвование в размере 50 центов. Хотя все его личное обрамление — это обрамление вождя, он всячески избегает позы «полной достоинства». Именно отказ от достоинства является, очевидно, самым действенным стимулом фашистской пропаганды. Гитлер постоянно прибегал к демонстративным истерическим вспышкам, и одно из его любимых выражений гласило: «Я бы скорее убил себя, чем...». У Томаса его трюк восходит к религиозным, евангелистским позам, к опоре на движение возрождения, которые противостоят официальному пресвитерианству. «Вы знаете, я благодарю Бога за то, что я, так сказать, освободил свое сердце за последние три года. Для пресвитерианца, который был воспитан так, чтобы не проявлять своего сердца, это, как известно, великая вещь. Послушайте, пресвитерианцы и англикане и все сторонники стоицизма, освободите ваши сердца! О, я знаю, как это трудно, как Вы себя чувствуете. Вы боитесь фанатизма.² Есть настоящее место, чтобы выразить любовь к Богу. Вам не нужно быть фанатичными, подумайте о том, что однажды сказал Святой Августин: "Если вы, позволите вашему сердцу заговорить, вы придете к Богу". Похлопайте немного в ладоши. Вспомните о Старом Завете, вспомните то место, где говорится, что деревья от радости хлопали в ладоши. Вся природа восхваляла творца. Тот чудесный цветок, который цвел и склонился под солнцем, ни один человеческий глаз не увидит его никогда больше. Никакое животное его никогда не заметит. Он улыбается в честь Бога. Вся земля полна великолепия. Пророки восклицают, земля полна великолепия, великолепия Господня. Да, это чудесно узнать Бога, не правда ли? Великолепно знать Христа».

В таких тирадах Томас невольно выдает свои действительные намерения. Сентиментальность — это не что иное, как модель поведения, которую его слушатели должны принять и которой они должны подражать. Они не должны себя вести цивилизованным образом, они должны кричать, жестикулировать, дать выход своим чувствам. Под маской христианского экстаза скрывается поощрение геройства, вакхического раскрепощения собственных эмоциональных инстинктов, поощрение регрессии до нечленораздельной природы, что приносило особый успех национал-социалистической пропаганде. Последняя цель трюка «освобождение от чувств» — поощрение и поддержка бесчинств и насилия. Если однажды устранены

барьеры против сетований и жалости к самому себе, то могут беспрепятственно проявляться подавленные чувства ненависти и бешенства, пусть коллективная религиозная разнузданность «Хоули-Роллерс»³, в конце концов, завершится погромом. Чем больше оратор срывает барьеры самообладания со своих слушателей, тем легче они подчиняются его воле, послушно следуя за ним, куда он пожелает.

То, что фашизм живет за счет недостатка эмоционального удовлетворения в промышленном обществе и что он дает людям то иррациональное удовлетворение, которое они не получают из-за сегодняшних социальных и экономических отношений, это часто подчеркивается, и это утверждение прежде всего подтверждается трюком «освобождения чувств». Однако это понятие должно быть охарактеризовано еще и в другом отношении и согласовано с реальностью.

Прежде всего нельзя смешивать идеологию и реальность друг с другом. Предлагаемое фашизмом иррациональное удовлетворение планируется в высшей степени рациональным образом и также применяется и приводит к различного рода психотехникам, которые заимствованы из опыта организации работы современной фабрики и применяются ко всему населению. Она является чрезвычайно прагматической иррациональностью, и характерно, что Томас и немецкие агитаторы агитируют за нее, как будто она нечто вроде таблетки, которая делает жизнь приятнее. Этот рациональный аспект фашистской иррациональной пропаганды, в такой же степени, как и аспект «эскапических» мероприятий современной массовой культуры, заслуживает особого внимания, поскольку он так очевиден, что должен вызывать определенное сопротивление против постоянной лживости. Его может использовать контрпропаганда, вскрывая за опьяненными словами лживую трезвость. Эти фашисты были бы загнаны в безвыходную дилемму, так как их пропаганда в сфере эмоционального освобождения должна прибегать к такому рационализму. Фашистский агитатор должен считаться с тем, что люди трезвы и практичны; он может вызвать их иррациональное поведение только тогда, если он покажется «благоразумным» для их психологического багажа.

Во-вторых, манипулированное иррациональное удовлетворение — это одна видимость. Манипуляция по сути противоположна «освобождению», которое она вызывает. Более того, фашистская пропаганда ради своих собственных целей не доходит до корней эмоционального вытеснения в нашем обществе, а способствует в большей степени смятению чувств посредством слова. Она не дает ни чистого удовольствия, ни чистой радости;

она только освобождает от сознания собственного несчастья и способствует регрессивному удовлетворению благодаря растворению Я в обществе. Эмоциональное облегчение, которое дает фашизм, является лишь простой заменой исполнения желаний. Ярким примером этого является трюк «Божественный отец», применение энтузиастского «чуда» ко всем и к

каждому, т.е. ни к чему. Мечтательность Томаса по поводу прекрасной погоды, великолепного южнокалифорнийского ландшафта и цветущих цветов близка к трюку негритянского проповедника, так как прекрасные вещи, которые он безудержно восхваляет как объекты бурных чувств, имеют мало общего с социальным миром его слушателей и в еще меньшей степени с его собственными целями⁴. Напрашивается предположение, что ссылки на эмоциональные вспомогательные источники природы должны отвлечь публику от актуальных проблем.

В-третьих, подключение проявления чувств — это отнюдь не только искусственный прием, рассчитанный на зрителей. Оно предполагает у них определенную склонность, и ловкость, пользующегося успехом агитатора, в действительности же состоит в том, чтобы обнаружить диспозиции, которые он может использовать в качестве приманки для своих целей. Для желания избежать трудности самообладания публика должна иметь сильную «базу», поэтому следует создать о ней соответствующее представление. Она сама по себе является следствием процесса рационализации, от которого люди хотели бы освободиться. Они хотят «перестать сопротивляться», перестать быть индивидами в традиционном смысле, как самосохраняющаяся и самоопределяющаяся единица. Негативные указания Томаса на стоицизм и самоконтроль, как требуют их устоявшиеся деноминации и являющиеся частью поведения независимого индивида в либеральную эру свободной конкуренции, нельзя рассматривать как случайность. Сила держать себя в узде отражает силу конкурировать с другими и определять собственную экономическую и духовную судьбу. Сегодня, когда эта независимость все больше и больше уходит, начинает исчезать и самообладание. Огромные общественные силы, действию которых подчинен каждый индивид, не только вынуждают его подчиниться им экономически, когда он предпочитает лучше стать служащим, чем остаться самосохраняющейся социальной единицей, но и психологически, так как он может переносить их социальное и культурное насилие, если это становится его собственным делом. Он должен поступать скорее адекватно конформистски, чем как единый, закрытый характер. Он становится не только жестче, поскольку он все больше учится думать прагматически, но и становится уступчивее, поскольку уменьшается его сопротивление давлению социального мира и промышленной технологии. Чем больше он перестает быть Я, «самим собой», тем в меньшей степени он готов и способен соответствовать требованиям самообладания. Истерия — это экстремальное выражение психологической структуры, которая быстро распространяется во всем обществе. Это является той особой склонностью, которую имеет в виду трюк «освобождение чувств». Он осмеивает стоицизм, так как люди не могут и не хотят больше быть стойками, так как компенсация за самодисциплину — окрепшее и уверенное существование — более не действует. Эффект трюка — не столько преодолеть выявленные

реакции, сколько сделать их общественно приемлемыми, отменить уже шатающееся табу и дать людям чувство, что они поступают социально правильно, если отбрасывают свое самообладание. «Общественное подтверждение» способов поведения, уже действующих в людях, но еще неясно ощущаемых ими несовместимыми с заветами, которые они заучивали в ранней юности, является существенным элементом фашистской и антисемитской пропаганды.

Трюк «преследуемая невинность»

Выбор личных качеств, которыми, как утверждает оратор, он обладает прямо или косвенно, приобретает значение только благодаря противопоставлению их тем качествам, отсутствие которых бросается в глаза. Например, он подчеркивает по старым шаблонам избирательной пропаганды, свою чистоту и честность, намекает на свое призвание вождя, но никогда не упоминает свои особые таланты для выполнения довольно запутанной задачи, над которой он работает, свое политическое становление, свои знания и какие-либо определенные черты, которые могли бы характеризовать его как политического вождя. Вместо всего этого он ограничивается расплывчатыми ссылками на зов Бога. Сочетание саморекламы и неясных намеков на свою личность имеет особое значение. Пусть даже он рассчитывает на широко распространенную антипатию к профессиональным политикам и экспертам, которая основывается на закоренелом, неосознанном сопротивлении имеющемуся разделению труда, Томасу нужна непрозрачность его имиджа, чтобы возбудить фантазию слушателей. Он кажется похожим на пустую раму, которую они должны заполнить самыми противоречивыми представлениями, будь то благожелательный и гуманный священнослужитель, или отважный солдат, или чрезвычайно чувствительное человеческое существо, или лукавый практичный человек, или проницательный наблюдатель, знающий все сомнительные подоплеку конфиденциальных историй, или чистый дух, взывающий в пустыне. Непроницаемость его личности в сочетании с неясностью его политических целей является средством интеграции. Оба эти элемента служат тому, чтобы объединить самых различных слушателей, которые следуют за ним тем более слепо, чем меньше его знают, кто он и за что он выступает. Некоторая абстракция, смешанная с незначительными конкретными отношениями, касающимися ежедневной жизни, относится к модели фашистского агитатора.

Однако вновь и вновь подчеркиваются специфические характеристики, например, уверение в собственной невинности. Томас не только безупречный и самоотверженный человек. Благодаря его высоким моральным качествам, он подвергается постоянным преследованиям, угрозам и заговорам со стороны своих врагов, он якобы даже должен

постоянно опасаться, что его отравят или подожгут его церковь, являющуюся, между прочим, его частным владением. «Люди пишут всевозможные вещи, все возможное против меня. Они говорят, что убьют меня». Трюк «преследуемая невинность», встречающийся и у других фашистских агитаторов на западном побережье, например, у Фелпса, разработан национал-социалистами; примечательно, что их чрезвычайно агрессивные элитные войска, из состава которых выбирали членов Гестапо, назывались СС, эшелон защиты. Трюк «преследуемая невинность» выполняет двойную функцию. Во-первых, он должен интерпретировать опасность, угрожающую вождю, как опасность, угрожающую всем, и скрывать агрессивность под маской самозащиты. «Послушайте христиане, подумайте о том, что он сказал: "Если они меня преследуют, они будут преследовать и вас"». Образцовым примером данного трюка является отец Кафлин, который заимствовал у большой политики оправдание гитлеризма во всех его аспектах как «механизм самозащиты». С тех пор как Цезарь напал на полудиких галлов со своей хорошо обученной армией и объявил свою захватническую войну как неизбежную и необходимую меру, военная агрессия постоянно стала называться защитой. Фашизм с его внутренним родством со всеми империалистическими видами поведения впервые приспособил этот прием для внутривнутриполитических целей, даже для создания идеологий отдельных акций. Однако его механизм включает более скрытые психологические побочные явления. Он не назван буквально, более того, он должен быть стимулом к насилию. Как показал психоанализ, агрессивные садистские наклонности, к которым апеллирует фашистская пропаганда, не различают однозначно жертву и нападающего. Оба понятия, которые возникли в фазе развития общества, когда дифференциация субъекта и объекта, Я и внешнего мира еще четко не закрепились, до определенной степени взаимозаменяемы психологически. Значение понятия самопожертвования в фашистской пропаганде делает эту двойственность еще более четкой. В конце концов, такая заменяемость позволяет обвинить намеченную жертву как раз

энергию, из-за постоянного напряжения он рано поседел, он жертвует собой и работает несравнимо больше, чем его слушатели. «Я должен Вам еще раз сказать, что мое дело — это труд, который я охотно на себя возложил. Я прошу вас только принять жертву вместе со мной. Я не жду от вас, что вы будете так же тяжело трудиться, как и я». Неутомимость — странным образом также одна из главных существенных черт, которую Томас приписывает своим противникам: «Большевики никогда не устают, день и ночь они занимаются своей подрывной деятельностью, подрывают структуру американского общества, в то время как честные граждане спят. У коммунистов нет отпусков; подумайте о том, что дьявол может придти всегда. Вы и я, мы должны работать день и ночь, так как мы просто не имеем права терять время». Ясно видно сходство данного трюка с темой «Германия, проснись». Разнообразны и не совсем постоянны его психологические импликации. Сюда относится прежде всего желание «натравить» — исконная форма всякой агрессии и одна из глубинных движущих сил фашизма для действительной и идеологической непрерывной необходимости тяжелой работы, чтобы можно было оправдать «дисциплину» и эксплуатацию. Обоснованная общественно-экономическими тенденциями, она пронизывает всю фашистскую систему вплоть до ее последнего разветвления. Фашизм внушает чувство, что спать не разрешается. Один из видов пыток, предпочитаемый в тоталитарной системе, это прерывать сон человека через каждый час до тех пор, пока его нервы не выдержат. Отрицание фашистами сна, а в более широком смысле злое намерение ничего не оставлять в покое отражается в подчеркивании фашистским главарем своей неутомимости, которая должна стать примером для последователей. Неутомимость — это психологическое выражение тоталитаризма. Спокойствия не может быть, пока все не завоевано, не охвачено и не организовано. А так как этой цели никогда невозможно достичь, то здесь требуются бесконечные усилия сторонников⁵.

Призывая к неутомимости, агитатор, однако, не хочет вызвать у сторонников состояние полного «бодрствования».

извлекает пользу. Кто должен спать, в то время как ему внушают, что он должен быть неутомимым, что он и есть неутомимый, тот будет меньше сопротивляться воле вождя. Внушают, что ему сделали прививку против заразной, угрожающей здоровью болезни*.

Трюк «посланец»

Особенно характерна для Томаса последняя специфическая особенность, так как она явно не совместима с образом вождя, но, наверное, очень соответствует типу вождя фашистов — это идея, что говорящий не сам спаситель, а только его посланник. Трюк посланца у Томаса заимствован из языка теологии, особенно из роли Иоанна Крестителя. «Иоанн был достаточно умен, чтобы знать, что он не полностью соответствует этому другому месту. Он понимал, что у него есть свои собственные таланты, но что он не был избран, чтобы вступить в свет креста Иисуса Христа. Это — чудовищная правда, которую мы осознаем и которой мы должны повиноваться. Если мое сегодняшнее послание хвалит Мартина Лютера Томаса или какое-либо другое человеческое существо, тогда оно совершает ошибку, но если это послание великого христианского американского крестового похода возвышает сына Божьего, то это движение будет иметь успех... Я не знаю, каковы ваши таланты в жизни. Может быть, вы должны быть только посланцем. Быть посланцем сегодня — лучшее задание в мире. Ну вот, теперь я посланец, которого Бог послал в мир. Вы тоже.» Здесь нас интересует не хорошо продуманное смешение светских и духовных вещей, креста Христа с христианским американским крестовым походом, а идея посланца и заявление Томаса, что он пророк, который не сам может исполнить надежды, которые он пробуждает. Это может показаться случайным добавлением агитатора, которое имеет мало общего с главным содержанием фашистской пропаганды, саморекламой вождя. Однако Гитлер также при становлении национал-социализма использовал трюк посланца, когда он сказал о себе: «Я только барабанщик». Явным мотивом является тот факт, что многие фашистские вожди вначале были в большей степени пропагандистами, а не политиками, это — само по себе знаменательное явление нашего общества, в котором все больше стирается граница между рекламой и действительностью. Между тем и этот трюк имеет также психологическую подоплеку, которую, наверно, может прояснить случайное замечание Томаса о его отце: «Мой отец был очень умным человеком. К сожалению, его сын ничего не унаследовал от его ума». Пропагандистская ироническая скромность оратора только слегка маскирует противоположность его отцу, которая проявляется также и в других высказываниях, особенно, когда Томас противопоставляет свое религиозное рвение мнимому «агностицизму» отца. «Моя борьба» Гитлера не оставляет сомнения, что у него с отцом были острые психологические конфликты

и частые столкновения по практическим вопросам. Вероятно, в трюке «барабанщика» или «посланца» выражается желание говорящего считать образ сына тем, кто еще не является самим «ожидаемым»⁷. Эмфатическое противопоставление понятий сына и Бога отцу является, между прочим, одним из центральных пунктов в теологических «вывихах» Томаса. Агитатор, который хочет, чтобы его последователи отождествляли себя с ним, подражали ему, представляется не только как превосходящий их, как сильный человек, но одновременно и как его полная противоположность. Такой же слабый, как и они, он скорее сам нуждается в спасении, а не может быть спасителем. Он сын, подчиняющийся отцовскому авторитету, зависимый человек, и состоит на службе у более старшего, чем он сам⁸, который, однако, уже не отец, а что-то расплывчатое, смутное и весьма неопределенное. Все стимулы позволяют сделать вывод, что это общность «сынов», объединенных в фашистские организации, чья власть является психологической компенсацией слабости отдельного. Образ фашистского диктатора не является больше образом отца. В современной фазе общественного развития, когда семья перестает быть самосохраняющейся, независимой экономической единицей и отец не является больше гарантом жизни своей семьи, он не представляет больше психологически превосходящую общественную инстанцию. Если образу Сталина еще присущи некоторые восточные, патриархальные черты, то у Муссолини имеются только намеки на них, а у холостяка Гитлера и его коллективного образа они отсутствуют полностью. Гитлер выступает, более того, как бунтующий, невротический слабый сын, которому обеспечивает успех как

«Большой маленький человек»

За исключением его тяжеловесных, неосознанных импликаций трюк «посланца» входит в более общую структуру фашистской пропаганды. Он обозначает констелляцию, которая характеризует общую связь между оратором и слушателями. Как воплощение психологической «интеграции» своей публики в единство, оратор одновременно слаб и силен, слаб, поскольку каждый отдельный человек из толпы считается способным отождествить себя с фюрером, который поэтому не может его слишком превосходить; силен, поскольку он представляет могущественный коллектив, который образовался благодаря единению слушателей. Он создает себе имидж большого маленького человека с оттенком инкогнито того, который идет неузнанным по тому же пути, что и другие, но который в конце должен проявиться как спаситель. Он требует интимной идентификации и поддержания раболепной дистанции; поэтому его образ намеренно противоречив. Он рассчитывает на слабую память людей и полагается больше на неосознанные потребности, к которым он взывает в различное время как к консистентным рациональным убеждениям.

О трюке «большой маленький человек» есть двоякое суждение. Во-первых, это отношение Томаса к деньгам, или способ, каким он объясняет свои финансовые проблемы. Насколько известно, он не имел существенной финансовой поддержки, хотя его роль в кампании Мерриам-Синклер (предвыборная кампания республиканца Франка Ф. Мерриама против демократа Аптона Синклера в 1935 г. в Калифорнии), как и некоторые другие факторы, позволяют предположить наличие такой поддержки. Однако, если он действительно зависел от небольших взносов своей радиобщины, то его поведение довольно необычно. Никакое уважение собственного достоинства не мешает ему снова и снова кланяться деньгам, никакие благочестивые угрызения совести не запрещают ему смешивать религиозные и финансовые дела в такой форме, которая должна возмущать верующего человека. Все речи наполнены слезливыми, нарочито бесстыдными, умоляющими просьбами о пожертвовании. Нет ни одной речи, в которой он не выступал бы как нищий. В период развития национал-социализма, особенно в 1930-1933 гг., когда партия иногда расходилась во мнении со своими спонсорами, один сбор денег на улице сменял другой. У других американских антисемитских агитаторов такое попрошайничество также стояло на повестке дня. Было бы близоруко недооценивать его психологическое значение. В общем, люди готовы придавать более высокое значение делам, на которые они жертвуют деньги. Деньги действуют, как замазка. Однако это в недостаточной степени объясняет, почему сам будущий фюрер, поразительно противореча идее своего величия, выступает как нищий. Честолюбивые люди, как Томас или Фелпс, наверняка более заинтересованные в своей политической карьере, чем в непосредственной скромной финансовой

прибыли, очевидно, знают, почему они все время крикливо повторяют свои просьбы о долларах и центах. Одной из причин этого могло бы быть универсальное чувство неуверенности масс в современной экономической ситуации. Никто, кроме очень богатых, не чувствует себя господином своей экономической судьбы, а наоборот, большинство людей являются объектом гигантских слепых экономических сил. Каждый чувствует себя в определенной степени во власти общества, за психологическим образом каждого индивида таится призрак нищего. Фашистский агитатор учитывает эту ситуацию. В позе нищего-попрошайки он становится на одну ступень со своими слушателями, он не колеблется сам начать попрошайничать, подвергаться тому же унижению, которого они боятся, он символически освобождает их от стыда быть попрошайкой, он в качестве заместителя исполняет эту функцию и, так сказать, ее благословляет.

Нередко у Томаса техника попрошайничества, похожая на метод индульгенции римско-католической церкви в начале буржуазной эпохи, принимает черты метафизического шантажа. Во всяком случае он дает понять, что тот кто помогает оплатить его счета, может купить царство небесное. «Мы записываем очень точно каждый доллар, который нам дают для движения, мои друзья, так что мы знаем каждый пенни, который нам поступает, и знаем, откуда он пришел и куда пойдет. Я призываю Святой дух, чтобы он говорил вашим сердцам, чтобы вы приняли посильное участие в этом большом движении, которое распространяется по Америке. Подумайте о том, что мы должны оплачивать наши счета, маленькие счета, почтовые сборы, счета за радио и счета из канцелярии». При попытке направить «Божью десятину» в свой собственный карман, Томас явно спекулирует на сложных отношениях большинства людей к деньгам, на чувстве нечистой совести перед лицом того, что они имеют. Кроме того, он апеллирует к американскому чувству хорошей сделки, к пониманию того, что все имеет свою цену и все должно быть выражено в финансовом эквиваленте, причем он следует директиве рекламы, которая надеется, что домохозяйки купят их мыло в качестве платы за их «мыльные оперы». Томас комбинирует это представление с трюком неутомимости: «Я жертвую этому великому делу каждую искру моего разума. Я спрашиваю себя, могу ли я попросить некоторых из вас прислать 10 долларов». Мало того что Томас попрошайничает у своих слушателей, он даже не боится постоянно жаловаться на свои финансовое трудности, упоминать об обязательствах, которые он взял на себя, хотя они слишком большие, чтобы он когда-либо мог их выполнить. Он срочно нуждается в помощи своих последователей, которым маячит огромное вознаграждение, и которые могут считать себя в финансовом плане даже богаче его, если они поддержат великого маленького человека, имеющего такие же заботы, что и у них. Одновременно, признание в такой некорректности может разбудить у слушателей инстинкт хищника.

Для пропаганды Томаса, характеризующейся смесью кичливости

человека, который руководит важным делом, и криком отчаявшегося, показательна следующая цитата: «Я очутился в кризисе относительно моей будущей работы. Мой администратор представил мне от моей типографии счет за май, который составляет 800 долларов. Я заявляю открыто, что я не знал, до какой суммы вырос этот счет. Я установил, что в мае мы разослали сотни тысяч экземпляров всех наших печатных трудов. Только за май наши расходы на печать и почтовые сборы составили 1200 долларов. Я должен теперь решать. Или я должен буду обратиться к вам с решительным призывом помочь мне оплатить этот счет, или я должен немедленно приостановить рассылку. Без сомнения, мне придется полностью прекратить рассылку, пока этот счет не будет оплачен. Я не могу допустить, чтобы он стал еще выше, и я не думаю, что это воля Божья. Я не знал, и я не заметил, что счет из типографии за май самый высокий за всю историю движения, что он так вьфос. Конечно, я благодарю Бога за это. Это же показывает только размер нашего движения, но это также и показывает, мои дорогие, что Вы и я сегодня утром упадем на колени и должны поставить этот вопрос на повестку дня». «Я имею больше власти, чем денег», — хочет сказать Томас, когда он, с одной стороны, как менеджер намекает на своего коммерческого директора, а с другой стороны, клянчит 800 долларов.

Не только финансовыми делами ограничивается комбинация мелочности и возвышенности. Вообще поведение Томаса колеблется между незначительными, прозаическими, каждодневными делами и высокопарными рассуждениями, которые объединяются без каких-либо логических переходов и идентифицируются друг с другом, так что даже самый жалкий слушатель может сразу же почувствовать себя «поднятым» из своего низкого положения в царство идей. Ни Томас, ни его слушатели не думают о пути, который ведет из их собственного частного существования в сферу социальных и религиозных абстракций. Чтобы извлечь выгоду из узколобости и лишенной иллюзий трезвости бедных, из старых теологических традиций извлекаются высокопарные идеи и карикатуры, ими манипулируют и переносят в мир их представлений. Речи Томаса изобилуют ничтожными техническими подробностями, которые связываются с «этим великим движением» или с распространением христианской веры в Америке. Так, он однажды описывает, как можно добраться до его церкви, даже упоминает, что «помощники сопровождают посетителей через бульвар» и продолжает: «Неприменно приходите сегодня вечером. Если Вы истинные христиане и настоящие американцы, а я знаю, тысячи среди вас являются таковыми. Вы будете здесь, так что мы сегодня вечером что-то с Божьего благословения сможем предпринять». Эта техника еще применяется к понятию вечной жизни. Переведенная на язык маленького человека, который боится всех земных болезней, она делает вечность, так сказать, страховкой жизни. «Вы знаете теперь, что означает вечная жизнь? Это означает навсегда и вечно. Это означает жизнь без

жизнь, где нет смерти. Это означает жизнь, где нет болезней. Это означает жизнь, где нет забот».

Если обещания полностью неосуществимы внутри существующего общества, и не поддаются никакому рациональному контролю, они становятся безудержными, как дневной сон детей, в которых он хотел бы превратить своих слушателей. «Вечная жизнь означает, что ты и я, и каждый мужчина, и каждая женщина, которые принимают сына Живого Бога, 10 000 лет, десять миллионов лет, десять миллиардов лет, десять триллионов лет будут жить дальше, и каждую эту цифру вы можете умножить на 10. Это означает всю вечность. Разве это не стоит того?» Гиммлер предсказывал в известной речи, что Третий рейх будет продолжаться от 20 до 30 тысяч лет. Самое совершенное выражение идеи большого маленького человека, в том виде, в каком Томас хотел бы ее высказать, это его хвастовство триллионами лет жизни и одновременно завершающий вопрос «Разве это не стоит того?». Он ассоциирует представление о триллионах лет с солидной инвестицией, располагает вечностью и является надежным маклером.

Трюк «великий маленький человек», в котором трезвость идет рука об руку с великолепием, комбинируется в предложении, которое показывает чрезвычайное пренебрежение пропорциями, опять с трюком неутомимости: «Молитесь, чтобы Бог был в душе и сердце этих больших живых слушателей, чтобы они день и ночь не находили покоя, пока они все не затребуют эту важную литературу, которую мы рассылаем бесплатно». Он устанавливает непосредственное отношение между требованиями незначительных брошюр и религиозным миром души. Спать может только тот, кто непрерывно требует «эту жизненно важную литературу».

Человеческий интерес

Мотивом другой предпочитаемой Томасом позы, трюка «человеческий интерес», является контингент его аудитории, которая большей частью состоит из пожилых, немного одиноких, разочарованных людей, и прежде всего слушательниц женского пола. По хорошо показавшему себя образцу, типа ключевых фигур в женских журналах с их чрезвычайной силой притяжения, он симулирует личное тепло, близость и доверие. Он выступает в некоторой степени как простой философ, по-народному добродушный, скромный человек с золотым сердцем, который, хотя сам и не живет в роскоши, думает прежде всего о своем близком, несет ему облегчение и помогает то в одном, то в другом. Этот трюк у Томаса предназначен для специфической публики, его также можно встретить у Фелпса и у многих других фашистских агитаторов в США, но в немецкой национал-социалистической пропаганде он отсутствовал. Очевидно, чрезмерно высокое давление технологии и высокоцентрализованной деловой культуры в этой стране заставляет тех, кто подвержен этому явлению, требовать

таблеток». Радиовещание с его фальшивой непосредственностью, которое приносит далекий голос в дом маленького человека, является, конечно, особенно подходящим медиумом для этого трюка.

Как кажется, Томас может совершенно без стеснения говорить постороннему о своих самых интимных вещах, о вещах, обычно умалчиваемых, если кто их действительно пережил. «Бог позвал меня. Он позвал меня только тогда, когда моя маленькая мама лежала на смертном одре, когда она послала за мной и сказала: "Прежде чем ты родился на свет, я обещала тебя Богу, я поклялась, что ты должен стать слугой Сына Божьего"». Это событие, как он сказал, изменило его жизнь до основания и означало Августинский поворот. «Моя жизнь фазу же переменилась. Вещи, которые я любил телесно, я теперь стал ненавидеть.» Его частную жизнь нельзя назвать счастливой: вся семья мобилизуется для целей пропаганды. Если его жена заболела, он просит все общество молиться за нее, но одновременно добавляет, что она чувствует себя не слишком плохо. Если он страдает от кашля, то использует его как средство установить личный контакт, казаться «человечным», в то же самое время старается подчеркнуть свой безграничный дух самопожертвования. «Когда мне сегодня приходится кашлять, я знаю, что вы извините меня за это, и вы увидите, как трудно мне работать, несмотря на тяжелое препятствие.» Соответственно он притворно проявляет «искреннее» участие в домашних делах своих слушателей. Всегда есть больные, страдающие люди и люди, живущие в унижительных условиях; всем им он выражает свою симпатию. «Я надеюсь, что все спокойно провели ночь, что вы свежи и готовы к завтрашнему великому дню, как и сегодня.» Он разделяет их радости не меньше, чем их заботы, и заигрывает с их гордостью по отношению к молодежи. «Мужчины и женщины, которые слушают меня в этот утренний час, и чувства которых в действительности не захватили их, пусть посмотрят в голубые глаза своего ребенка.» Здесь явно виден трюк. У бесчисленного количества детей голубые глаза, однако для большинства матерей они являются личным, специфическим признаком. Когда Томас на них ссылается, он симулирует связь с людьми, которых он никогда не видел, не рискуя быть разоблаченным.

«Доброе старое время»

Особой формой трюка «человеческий интерес» можно назвать трюк «доброе старое время». Он акцентирует старомодное и устаревшее в действиях и в окружении людей. Вероятно, американский культ нового вызывает скрытую враждебность у тех, кто не пользуется плодами технической цивилизации, хотя для других, использующих ее преимущества, жизнь в быстром темпе прогресса становится все холоднее. Томас с избытком компенсирует это чувство, подчеркивая старомодность и домашнее как настоящее, как связанное с традицией, как бы несущее налет

старинны, которого нет у нового, но которое, как и все новшества, само попадает под рекламную схему, под известные методы рекламы. В описании церкви недостаточность блеска в ней становится у Томаса ее достоинством. «У нас здесь мало что есть от церкви. У нас нет пестро разрисованных окон. нет много мрамора и камня. У нас только маленькая старомодная церковь на этой большой центральной улице. Все вместе стоило не больше 3600 долларов, но, друзья мои, здесь мы любим Христа, здесь мы пытаемся служить ему всеми нашими силами. Если ваши силы иссякли и вы устали от жизни, если думаете, что Бога нет, то почему вы не придете сегодня вечером?.. Может быть вы возьмете в руки свою старую Библию, которая была любима вами и сохранилась у вас от отца или матери. Идите и возьмите ее в руки.» Из враждебности и разочарования Томас извлекает пользу, выдавая простоту тех, кто не может позволить себе ничего из приятных вещей, за морально более высокий образ жизни. Кроме того, осуждение «пестро разукрашенных окон и мрамора», которые являются здесь религиозной заменой «макияжа» и губной помады, находится в гармонии с его в общем аскетическим, антигедонистическим образом действия, который он практически разделяет со всеми фашистскими агитаторами во всем мире.

Фантастическая картина, скрывающаяся за трюком «человеческий интерес» — это идеал традиционалистических, антилиберальных бедняков, которые, вопреки убогости своего существования, довольны и готовы пожертвовать собой для сохранения именно тех условий, из-за которых они страдают, испытывая в качестве вознаграждения сомнительное удовольствие от неопределенного внутреннего превосходства над богатыми и недовольными. Все сентиментальные призывы Томаса имеют целью поддержание этого отношения, которое он считает особенно многообещающим у специфического слоя своих слушателей. «Я сегодня вижу, что ко мне приходят большие толпы скромных женщин, с шершавыми руками от мытья полов, от работы у корыта. Я вижу большое количество тех, которые никогда в жизни не падали на колени перед коммунизмом. Я вижу это большое войско женщин, многие из них... экономя, молясь, работают, чтобы это прекрасное Евангелие сына Божьего дальше распространялось по земле.» По существу вся наигранная личная поза Томаса состоит в подчеркивании частного элемента, сходства между ним и его слушателями, в подчеркивании всей сферы интересов как своего рода эмоциональной компенсации за холодную, самоотчуждающую жизнь большинства людей и прежде всего бесчисленного количества изолированных индивидов нижнего уровня среднего сословия. Именно благодаря непосредственности и теплоте общения, теплоте его способа приблизиться к людям, усиленной посредством радио, он глубже и прочнее овладевает ими. Не солидарность, а послушание являются заменой их изоляции и одиночества. Устарелые, как бы докапиталистические формы человеческой эйфории он

противопоставляет современным условиям жизни, чтобы препарировать их для трансформации в нечто более прогрессивное, тоталитарное государство фюрера. Фальшивый индивидуализм, который он проповедует, лишь усиливает тенденцию отказаться от индивидуума, в то время как он вливается в коллектив, где может чувствовать себя «защищенным», но не имеет права вообще что-либо сказать.

2. Метод Томаса

Вводные замечания

Изучать методы Томаса необходимо не только потому, что они являются правилами для всех фашистских и антисемитских агитаторов, настоящие учения которых действительно существенно расходятся, но и по особой причине. Для Томаса, как и для большинства его товарищей по интересам, метод (т.е. «как») важнее, чем содержание, (т.е. «что»). Его настоящее дело — манипулировать людьми, сформировать их как сторонников своей организации, и для этой цели в конце концов служит все, что он делает. Идеи и постулаты — это лишь приманка, они имеют лишь незначительный объективный вес. С одной стороны, он слишком осторожен, чтобы раскрыть свои истинные цели, с другой стороны, он, возможно, с полным основанием предполагает, что его слушатели понимают намного лучше, за что он борется: шовинистическое насилие, если он менее эксплицитно занимается политическими целями. Он следует старому шовинистическому практическому правилу кулака: всегда об этом думать, никогда об этом не говорить. Частично сами цели расплывчаты, не выражены и должны быть приспособлены к изменяющейся политической ситуации, как только фашист почувствует себя вправе отдавать приказ; частично слушатели не должны абсолютно точно знать намерения и программу, ведь они могли бы обнаружить вопиющее противоречие между собственным, крайне примитивным интересом и интересами тех, бороться за которые они призваны. Поэтому подчеркивание «что» сдвигается на «как». Томас

Совершенно нелогичны по объективным понятиям речи Томаса по радио. Нет ясно отграниченных и прозрачных отношений между посылками и заключениями, причиной и следствием, фактами и понятиями. Между тем, Томас хитер, и было бы неправильно отмечать у него отсутствие дискурсивной и объективной логики, недостаточность умственных способностей. Его логика основывается на чрезвычайно логических рефлексиях о психологии его слушателей и лучшем способе дойти до них. Без сомнения, некоторые по виду весьма нелогичные приемы являются результатом интенсивного обдумывания и длительного опыта, однако нельзя не заметить некоторое сходство между определенно путанным мышлением слушателей и мышлением оратора. В общем, однако, речи Томаса по радио дают отличный пример одной из основополагающих характеристик фашистской и антисемитской пропаганды: до мельчайших подробностей рассчитан ее иррационализм, чрезвычайно рационалистичной природы, не только в отношении иррациональной философии, которую она имплицитно подразумевает, но и ее иррационального эффекта. «Эмоциональное планирование» — таково было бы адекватное название метода Томаса, как это доказывает в первую очередь генеральная таткгика его речей, которые делятся на две в корне различные группы: «эзотерические» и «экзотерические»¹⁰. Не распространяемые по радио, эзотерические речи прежде всего обращены к слушателям в Тринити, к ядру его последователей, которым он может сказать, что он думает, и которых мог возбудить до вершины эмоциональной ненависти. Только здесь он не сдерживал в узде свою антисемитскую пропаганду, и здесь находится ключ для определенных пассажей его речей по радио, в которых, из-за того, что они прошли контроль радиостанций и общественного мнения, звучат более мягкие тона и в которых чаще всего избегаются поношения и ругательства. Их функция состоит в том, чтобы привлечь новых членов для своей организации и, само собой разумеется, получить деньги. Экзотерические речи, изучением которых мы здесь ограничимся, должны быть поняты в основном как реклама для необщественных, внутренних происков; они тщательно взвешены. Всегда, когда Томас осмеливался на сильную политическую атаку, он в следующий раз вел себя мягко и безобидно. Очень часто, речи, которые затрагивали частично политические вопросы, сменялись речами на религиозные темы. Намеренно или автоматически он имитирует «волновую технику» Гитлера, как ее описывает Эдуард Тейлор." Часто он держал на всякий случай дверь открытой для отхода и мог бы даже компенсировать антисемитские высказывания, следуя манере Кафлина, путем призывов к не евреям как к евреям. Рассматриваемые в целом его речи, вследствие растущего размаха «его крестового похода», могут развивать определенное крещендо по силе и агрессивности, которое однако все время прерывается, если он сталкивается с трудностями из-за общественных организаций, и это нельзя точно измерить. Речи по радио в общем относятся к области косвенной,

полускрытой фашистской и антисемитской пропаганды, и большинство его трюков можно проследить вплоть до стремления разбудить ненависть и насилие, не компрометируя самого себя. В этом отношении он отличается от многих антисемитских агитаторов, таких, как например, Пеллей. Однако, даже тогда, когда он достаточно изощрен, чтобы ни с чем себя не связывать, он использует это как особый вид угрозы; без сомнения, на него оказывает влияние национал-социалистическая пропаганда, которая постоянно звучала самым угрожающим образом, когда она подчеркивала «строгую легальность» своих методов и намерений.

Трюк «движение»

На основе цитат невозможно доказать неопределенность заявлений Томаса о его политической цели, так как они являются отрицательным аспектом его высказываний. Он определяет цель как озабоченность святостью Бога и предстоящей «регенерацией» мира. (Идея регенерации, которая включает ненависть к «дегенерированным», встречается у всех антисемитов с времен Гобино и Чемберлена). Между тем Томас сам хитро использует неопределенность, заменяя намеренно неясно сформулированную цель движения на понятие движения. Пространно и без какой-либо точной связи он описывает приближающееся «пробуждение»: «Мой друг, есть только один путь обновления, и вся Америка должна прийти к этому обновлению... все церкви. История великого валийского пробуждения была просто такой: люди были в отчаянии по поводу святости Бога в мире, и они стали молиться и стали просить Бога послать пробуждение (!), и куда бы ни шли мужчины и женщины, они чувствовали это пробуждение. Оно не ограничивалось одной церковью, одним районом. Когда мужчины и женщины собирались на улице, их охватывало нечто великое, и они познавали Бога. Они начинали призывать Бога принять их души». Эти описания более ранних встреч с пробуждением, наверное, не являются совершенно неправильными. *Хотя* они в действительности были не

грозящей опасности, но никогда о позитивной идее. Здесь, возможно, имеется связь с некоторыми важными импликациями разработанных для его слушателей стимулов. Томасу важно скорее знать настроение «против», чем «за», и удовлетворение, которое обещает его акция, в конечном итоге едва ли может быть другой целью, кроме погрома. Движение ценно само по себе, ибо оно означает насилие, угнетение слабого и демонстрацию собственной власти. А так как оно стремится к порабощению собственных последователей, оно их отвлекает и концентрирует их честолюбие на приятных сторонах самого движения, а не на идеях, которые оно может быть однажды осуществит. Перемещение акцента с целей и средств — одна из аксиом фашистской логики манипулирования — кончается лозунгом:

«Что мы можем продемонстрировать миру, что есть патриоты, богобо-язные, христианские мужчины и женщины, которые готовы пожертвовать свою жизнь делу Бога, Родины и Отечества».

Эта идея звучит как лозунг ку-клукс-клана, нативизма и шовинизма, т.е. слова, подобные этим, несут определенное деструктивное содержание, но остаются, не считая такие ассоциации, расплывчатыми. Нельзя не заметить трансформацию средств — «Свою жизнь пожертвовать на дело Бога» — в цель: тому делу, которое никогда однозначно не называется. Томасу остается только отрицательное понятие жертвы, которую он может предложить в конце. Средствами для совершения этого якобы являются христианский американский крестовый поход, его произведения и памфлеты, а также деньги, которые он требует. Чтобы им содействовать, он использует весь арсенал своей пропаганды. Пропаганда — ее основное содержание.

Техника «бегства от мысли»

По логическому построению речей Томаса становится очевидным отсутствие программы или цели. Так как ему нечего доказывать, не надо стремиться делать настоящие

дегенерации и мирового большевизма. Проблем нет, противники не опровергаются, рациональная правильность тезисов не доказывается. Голая идентификация, просто классификация — это и есть логический процесс. Весь ассортимент ценностей, также самых сомнительных, рассматривается как определенный заранее. Оратор направляет все свои усилия на идентификацию группы лиц, рас, деноминации или, что еще может быть, с помощью застывших понятий своей системы отношений, и даже в этом процессе идентификации он ни разу не старается подтвердить правильность принадлежности какого-либо явления к этим псевдологическим классам. Он подпитывается предрассудками и усиливает их, подводя их под высокопарные категории, такие, как силы зла, фарисеи или битва под Армагеддоном. Аргументация заменяется трюком «name calling-device»*, как этот трюк называется в книге о Кафлине, изданной Институтом анализа пропаганды. Причина — не только слабость самой фашистской аргументации, которая с точки зрения ее потребителя достаточна разумна, но прежде всего циничное презрение к мыслительным способностям последователей, как ее открыто выразил Гитлер. Томас рассчитывает на слушателей, которые не могут думать, не способны обеспечивать длительный процесс дедукции, по-видимому, интеллектуально живут, так сказать, от момента к моменту и реагируют в меньшей степени на консистентные мыслительные структуры, чем на изолированные, логически несвязанные рассуждения. Они знают, что хотят и чего не хотят, но не могут освободиться от своих непосредственных и атомистических реакций. Поднять их атомистическое мышление до «разумного» процесса — это один из главных трюков Томаса. Репродуцируя в своих речах расплывчатый

* Name calling-device — (англ.) устройство вызова имени.

if употреблении слова «ближний», которое благодаря своему двойному 'У. значению способствует связи мыслей. С одной стороны, это слово играет | определенную роль в христианском теологическом языке: идея «по их А плодам, вы их узнаете» истолковывается обычно как добро, которое делают своему ближнему; с другой стороны, «ближний» — совершенно реальный человек, т.е. знакомый, которому сторонник Томаса должен передавать ! дальше эстафетную палочку пропаганды «от дома к дому». Он должен -> запросить эти «жизненно необходимые произведения», чтобы в соответствии с пресловутым трюком цепного письма, тоже имеющим свое собственное побочное значение, начать цепь, завязать контакт с вашими ближними, чтобы они привлекли еще пять человек и далее поддерживать цепочку в действии. Идею добрых дел Томас связывает с заказом его публикаций, он связывает теологическую и моральную истину со своими памфлетами. Связь, которой совершенно нет, устанавливается им с помощью понятия «ближний».

Еще более произвольна связь в следующем примере: «Сегодня утром я смотрю на пустынный берег Новой Англии и вижу там майские цветы и небольшую группу мужчин и женщин, которые провели три месяца на большом, ни на одной карте не обозначенном море, и вот что они говорили:

"Во имя Бога, прислушайтесь к историческому компасу, воплощенному в весеннем цветке". Вы призываете того же Бога, что и наши отцы, вы просите того же самого Бога, чтобы он повел вас сквозь бури, которые на нас обрушиваются. Подумайте о том, мои друзья, что христианский американский крестовый поход, может быть не будет длиться более 48 часов, если Вы не принесете настоящей жертвы силой святого Духа. Я, наверно, не смогу больше работать, если я не получу достаточно денег в течение ближайших 24-38 часов». Здесь переход осуществляется благодаря употреблению одинакового выражения для чего-то реального и чего-то метафорического. Майские цветы были преданы морским бурям. Компания Томаса находится в финансовом кризисе, он называет его бурей, чтобы иметь возможность сравнить свое движение с вознесением майских цветов. Он извлекает выгоду из ореола незабываемой американской легенды и набожности отцов-пилигримов. Набожными являются и его последователи. Быть набожным означает также приносить жертвы, поэтому во имя майских цветов их призывают к пожертвованию денег.

Совершенно формальной является связь идей в последнем примере: «В сознании Христа мы приходим и уходим и находим пастбища. Наш Бог заботится о пастбищах для своих овец. В этом причина, почему послание выходит сегодня — оно является пищей для духовной жизни».

Центральное бюро рассылает один и тот же материал одновременно большому количеству людей. В одном случае, это якобы Бог, питающий своих детей духовной пищей, в другом — это мистер Томас, который вещает по радио. Посредством ассоциативного перехода с помощью языка Библии

Томас, подающий свое послание как послание Бога, достигает глубинного смысла этого трюка. Он близок к так называемому трюку «перехода» (трансфера) в упомянутом исследовании Кафлина, но содержит больше, чем идею о заимствовании престижа у чего-то устоявшегося и переносе его на нечто апокрифическое и даже низменное. Его настоящая цель, наверное, не столько подсластить фальшивую аргументацию, сколько разрушить у слушателей понятие логики, и отнять у них в конце концов любое понятие правды, которое эти люди должны были бы иметь. С опорой на авторитет, включающий в себя поведение любого оратора перед толпой, что одновременно равнозначно команде, они тренируются для восприятия риторического словоизвержения. Они должны отказаться от элемента сопротивления, содержащегося в каждом акте ответственного мышления, и следовать за вождем сначала разумом, а затем лично сквозь огонь и воду. Сотни и сотни раз используемая во всех речах такая техника, как практически и все другие обсуждаемые в этом исследовании, становятся, так сказать, моделью и получают еще больший шанс быть принятыми. У Томаса — такой «стиль мышления», консистенция которого, благодаря постоянным повторениям, скрывает внутреннее противоречие в каждом конкретном случае.

«Слушайте своего вождя»

Азбучная истина, заключающаяся в том, что авторитарная пропаганда делает все, чтобы создавать авторитарные идеи, сама по себе не является признаком фашизма. Другие идеологии, особенно религиозные и феодально-консервативные во все времена превращали понятие авторитета в свою тему. Новым в пропаганде авторитета является то, что антидемократия не может больше ссылаться на авторитеты, которые, как церковь, считаются достоверными благодаря сверхъестественным откровениям, или обоснованными вездесущей традицией, вроде «легитимной» идеи феодального авторитета и до определенной степени даже монархизма. Современный авторитаризм стоит перед проблемой, появившейся впервые еще во времена французской реставрации в произведениях таких реакционеров, как Бональд и де Мейстр. Фашизм должен был бы попытаться оправдать авторитаризм, как одну из присущих современному обществу тенденций, и при этом он должен быть готов к суждению, противоположному идее авторитарности, и должен предстать как раз перед теми массами, которые он хочет подчинить себе посредством авторитета. Эта почти неразрешимая задача, если она вообще должна быть предпринята с какой-либо надеждой на успех, то потребует определенной уловки и искажения фактов.

Большинство видов техники по рациональной и «демократической» защите слепого авторитета, зачастую разоблаченные, избиты. Типичным является описанный в исследовании Кафлина (Институт анализа

пропаганды) трюк «трансфер», переносящий хорошо обоснованный, популярный авторитет веры в идеи или лица на тезис, который фашист хочет переодеть в одежды славы авторитета. В равной степени это относится и к известному трюку «грузовик с оркестром», который должен завлекать людей в движение, обманывая их, что якобы многие уже присоединилось. Мы не хотим снова описывать эти беспрерывно применяемые Томасом приемы¹² и ограничимся лишь описанием недостаточно изученных трюков и исследованием более широкого психологического заднего плана современного псевдоавторитета.

Самое характерное средство обосновать авторитет путем пропаганды квазирациональным путем, не прибегая к традиционно признанным институтам, это подхватить авторитарный термин и сделать его фетишем. А. Сандерс описывает этот трюк под заголовком «магические слова»¹³. Образцом представляется персонификация всех тоталитарных режимов через дуче, фюрера или через лидера, как у Мартина Лютера Томаса¹⁴. Термин «фюрер» действительно является характерным и выражает претензию на непререкаемый авторитет, требование «следовать» фюреру, не ссылаясь на традиционный титул династии. В этом отношении пропагандистский инстинкт Гитлера был настолько ярко выраженным, что он после смерти Гинденбурга даже не принял титул Рейхспрезидента, а назвал себя фюрером всего немецкого народа. Фюрер — это тот, кого нужно слепо слушаться и воле которого надо подчиняться из-за его собственных, всесторонне чтимых заслуг. Его психологический статус парадоксален: иррациональную преданность последователей он связывает с рациональной претензией, что он действительно особенно подходит для этой задачи и должен быть признан ими лучшим. Без сомнения, моделью послужил офицер, который для области политики был лишен всех признаков опыта и организованного контроля. Фюрер сам по себе является офицером, против решения которого не возможно что-то возразить. Его свободу слово «фюрер» выражает тем, что оно становится абсолютном.

Легализованные национал-социалистические конструкции, подобные типу харизмы фюрера, поддерживают распространенное мнение о фашизме, которое согласилось бы с объяснением, что понятие «фюрер», как абсолютное, является совершенно иррациональным и ни в коей мере не отличается от других магических обожествлений человеческих существ. Хотя его экстремальная иррациональность и произвол неоспоримы, этот вопрос был бы очень упрощен и его серьезность недооценена, если непосредственно указать на него, чтобы покончить со всей идеологией вождизма как с чистой бессмыслицей. Нужно принять во внимание два факта. Во-первых, в различных государствах концентрация экономического могущества достигла такой степени, что те, кто обладает этим могуществом, действительно осуществляют то, что в «рациональном» индустриальном обществе сводится к абсолютному авторитету. Тогда потенциальная сила

населения становится заметной, поскольку авторитарные фюреры вынуждены тем, над кем они властвуют, доказывать каким-либо образом свою полезность. Этот факт приводит к парадоксальному в представлении фюрера как абсолютного, но в то же время «ответственного» авторитета. Общественный конфликт, стоящий за этим толкованием, придает принципу фюрера внутреннюю силу, который из-за присущей ей логической непоследовательности является относительно не уязвимым. Хотя авторитет, без сомнения, включает в себя реакционные элементы, идолопоклонство в слове «фюрер» является не просто возвратом к варварским привычкам мышления, но оказывается результатом позднего индустриального общества, на что по крайней мере нужно указать.

Между индустриальной рациональностью и магическим идолопоклонством посредником выступает реклама. Техника конкуренции выработала тенденцию придавать магическую силу рекламным текстам, в сопровождении которых продаются товары, и усиливать эту магию слов благодаря беспрестанному и постоянному, рационально спланированному повторению, притупляющему, однако, осознанную силу суждения будущих клиентов. Важным моментом в этом процессе является то, что покупатели, чувствуя за постоянно повторяющимися словами сконцентрированную силу, проявляют определенную готовность к послушанию, которое приводит к тому, что разрывается связь между собственными интересами и действительной пользой товара. В конце концов, они придают продукту определенную ценность «самому по себе», волшебную силу фетиша. Этот механизм повсюду в современном процессе торговли настолько автоматизирован, что его можно перенести без труда с помощью простой техники рекламы в область политики. «Методы продажи идеи» не сильно отличаются от методов продажи мыла или какого-либо безалкогольного напитка. При социально-психологическом рассмотрении магический характер слова «фюрер» и вместе с ним харизма фюрера являются ничем иным как очарованием текстами рекламы продаж товаров, которые заимствовали слуги непосредственной политической власти.

захватом Северного Китая обратила внимание мира на то, что Восток близится к концу, имея в виду господство белого человека. «Почему мир не слушает этих людей? Если они уже не слушают Христа и Библию, почему они тогда не слушают своих фюреров?» В последнем предложении в речь Томаса вкралась многозначность. Он молча признает, что религиозный авторитет угас и переносит таким же образом молча авторитет на сегодняшних «вождей», которые рассматриваются, так как они «вожди» и обладают властью, как единственные правомочные наследники божественной и абсолютной авторитарности. В этом решающем пункте, который ярко демонстрирует чрезвычайную иррациональность идеи фюрера, нужно было бы подключить контрпропаганду и подробно изложить, что фашизм оправдывает вождизм ничем иным как вождизмом, что в фашистском обществе восхищение властью важнее всего другого, а именно его мнимого национализма (этот факт ясно выражен в последней цитате), и что в конце концов, можно заменить не только тех, кто выполняет божественные функции вождя, но соответственно также и противников: те же самые изоляционистские группы, за которых выступал Томас в 1935 году, и которые в то время заняли непререкаемо прояпонскую точку зрения, хотели бы сегодня направить все военные усилия против Японии, которая считается теперь заклятым врагом.

Имидж фюрера Томаса, который он иногда показывает более конкретно, очень напоминает нордический, национал-социалистический тип с «выправкой». Хотя имидж должен апеллировать к некоторому роду христианской элиты, используются картины архаической храбрости, дающие возможность сделать вывод об определенных мужских и одновременно героических качествах, прежде всего о недостатке сочувствия и противоречащие идее христианского сострадания. «Я ищу мужчин, которые имеют мужество стоять за свои убеждения. Я ищу женщин, которые

Экскурс в технику «Fait accompli»*

Как нам кажется, такие хорошо известные приемы, как прием снабжать собственную систему трюков идеями устоявшихся авторитетов, или призыв «грузовика с оркестром» («два миллиона покупателей не могут заблуждаться»), или такие определенные понятия, как «вождь», которые делаются фетишем, — это только специальные случаи широко распространенного метода, лежащего в основе любой фашистской пропаганды, по крайней мере, в этой стране. Его можно назвать техникой «fait accompli» и состоит он в том, чтобы рассматривать спорные вопросы как уже решенные. Это предшествующее решение подсовывается массам, защищающим точку зрения оратора или личного (официального) авторитета, от которого он получает свой престиж, или, по крайней мере, какого-то четко очерченного представителя верхов из области идей, что должно быть переведено в практические, технические термины. Некоторые причины для этой техники ясны. Во-первых, требуется меньше независимости и нравственной смелости, чтобы вступить в партию, которая находится на пути к победе; это преимущество весьма ценно в ситуации, когда агитатор должен считаться с огромным числом людей, которые, живя в условиях, делающих их полностью зависимыми от более сильных, не хотят идти ни на какой риск. С другой стороны, вера, что дело уже решено, заставляет считать любое сопротивление безнадежным предприятием. Терроризирующий эффект усиливается еще и из-за того факта, что фашизм постоянно включает Numerus clausus** и идею элиты, пришедшие позже должны опасаться серьезных потерь, если фашистский режим установится". Таким образом, они присоединяются к «грузовику с оркестром», так как они не хотят опоздать.

Само собой разумеется, техника «fait accompli», которая часто принимает бессмысленные и обманчивые формы, едва

* Fait accompli — (фр.) свершившийся факт.

** Numerus clausus — (лат.) ограниченная толпа.

положение быть просто объектами на членство в таком движении, ведь таким образом они могут поменять проклятую мысль о полной зависимости на активную позицию, на веру в то, что отказом от собственной воли они подключатся к организации, победа которой предрешена. Техника «fait accompli» затрагивает центральный механизм фашистской психологии масс:

трансформация чувства бессилия в чувство власти. Чувство бессилия воплощается в подозрении, что исход уже решен, причем ты сам в этом никак не участвовал, однако потом ощущаешь, что таинственным и иррациональным образом появляется чувство силы, когда «перебегаешь» к уже узаконенному победителю. Самой важной задачей контрпропаганды было бы, может быть, вмешаться в этот механизм и решительно объяснить массам, что признание в слабости, полный отказ от себя никогда не приведет к настоящей силе и социальному возрождению. Однако не только фашистская пропаганда манипулирует этим механизмом, он запускается в ход повсюду в современной массовой культуре, прежде всего в кино. Если его использует фашистский агитатор, он может положиться на процессы, которые в определенной степени уже автоматизированы. Даже по виду самый безвредный комик кино в состоянии с этой точки зрения, не осознавая того, содействовать этим пагубным целям господства произвола.

Между тем, этот механизм, как кажется, включает в себя элемент, связанный с еще более глубокими психологическими процессами, и, образующий, может быть, платформу осязаемых эффектов. Здесь мы можем намекнуть на это в довольно общем виде; наблюдается весьма распространенная тенденция в современном обществе принимать существующее, то что есть, и даже этим восхищаться. Во времена просвещения дух позитивизма в самом широком смысле разрушил магические и «сверхъестественные» идеи посредством конфронтации с эмпирической действительностью. Прежде всего в США превалирует мнение: истина есть естественно то, что может быть подтверждено фактом. Понятие фактического повсюду в современной истории духа оказалось сильнее, чем какая-либо метафизическая сущность. Однако историческое превосходство является лишь одним из многих других моментов: мы говорим здесь лишь о выживании магических психологических черт после отмены метафизических идей, о чудовищном насилии сегодняшней высокоорганизованной социальной жизни над индивидуумом и непрозрачности, даже иррациональности самого существующего порядка. Все это способствовало тому, что фактическое было окружено как раз тем ореолом, против которого первоначально создавали идею фактического. Даже религия широко и неосознанно была вытеснена очень абстрактным, но сверхмогучим культом существующего. Доказательством того, что что-то существует, считается, что оно сильнее и поэтому лучше чем то, что не существует. Что бы ни называли философским дарвинизмом, он пронизывает каждый уголок современной психологии в такой мере, которая

едва ли может быть переоценена. Техника «fait accompli» эксплуатирует это положение. Придавая всему, что реклама хвалит и что люди желают иметь, качество существующего, она имеет тенденцию делать это объектом восхищения парней-подростков, которые мечтают о машинах и самолетах. Чем упорнее существующее представляется в терминах техники рационального и применяемого, тем сильнее восхищение. Как мы потом увидим, Томас полностью использует понимание этой возможности. Мысль, что существующее широко оправдывает самое себя, ведет назад к исходному пункту наших рассуждений о трюке фюрера, к констатации, что понятие «фюрер», лишенное всякого оправдания, рационально или традиционно принимается и прославляется. Когда Томас задает удивительно общий вопрос, «почему люди не идут вслед за своим вождем?», то его культ фюрера основывается, как мы показали, не только на предпосылке, что власть уполномочивает фюрера, но и, наверно на том, что само существование фюреров, подтвержденное историей, является достаточным основанием для узаконивания их. Здесь фашистская пропаганда глубоко связана с основными чертами современной антропологии культуры. С ней можно более чем с эфемерным успехом бороться только тогда, когда в нашем сегодняшнем порядке окончательно преодолется очарование существующим в его основе. Иррациональность фашистского воодушевления идеей осуществленных фактов в общем и идеей устойчивого вождизма в частности — это только последнее следствие идеи здравого человеческого смысла, что ничего нет более успешного, чем сам успех. Только если опровергнуто кажущееся благоразумие таких идей, можно опровергнуть также и абсурдность фашизма.

У Томаса техника «fait accompli», не считая неуклюжего использования трюков «грузовик с оркестром», «трансфер» и подобных, больше проявляется в оформлении языка, чем в содержании аргументов. Его организация была слишком ограничена, чтобы расширить пропаганду «fait accompli» в большем объеме, в таком, в каком она велась национал-социалистами в 1930-1933 годах. С другой стороны, по всей видимости, идея «fait accompli» в большей степени выражается только языковыми средствами, а не спорными утверждениями об уже достигнутых успехах; она меньше подвержена национальному контролю и поэтому более эффективна. Мы приведем несколько типичных и все время повторяющихся формулировок «fait accompli» из речи Томаса. Как будто это хорошо известно слушателям, он в основном говорит о своем крестовом походе как «об этом движении», «великом движении», «об этом деле», как будто это является доказанным, прочно устоявшимся, и этим он избегает необходимости все время снова объяснять, чего он собственно хочет. Однако грозный и жуткий подтекст выражения «это движение» — такой устрашающий, что он не может быть даже точно обозначен, однако его нельзя не заметить. В такой же степени Томас ссылается постоянно на свои памфлеты как на «эти жизненно важные

произведения» и называет свою газету «Христианско-американский крестоносец», «Официальный листок» движения, что позволяет делать двусмысленные выводы. С одной стороны, он внушает, очевидное, учитывая коммерческую рекламу, что какие-то, не имеющие на то право лица, т.е. «темные силы», например, или другие конкретные группы, могли бы незаконно высказываться за «крестовый поход», в то время как только его газета является настоящей, а все другое — дешевой подделкой. С другой стороны, название «Официальный листок» придает газете и стоящей за ней организации окраску официальности в смысле законного, может быть, даже официального авторитета, другими словами, делается намек на то, что конечная цель — захват власти — почти достигнута. Все фашистские движения стремятся выступать как авторитет, который дополняет существующее правительство и одновременно стоит к нему в оппозиции в качестве полноправной вспомогательной организации еще господствующего общественного порядка, готовый в любое время заменить его. Для выполнения этой техники имеется длинная цепочка идей, начиная от «Официальной газеты», политического шантажа до огромных полувоенных организаций, как например, частных армий национал-социалистов до 1933 года. Метко ее характеризует американское выражение «self-styled»* или «self-appointed authority»**. Однако весьма характерно, что ее пришлось охарактеризовать стандартным выражением, так как трюк — придания партикулярным и частным предприятиям вида общественных и установившихся институтов, сам стал институтом, что является, вероятно, признаком глубоко укоренившегося перехода современного общества к бюрократии.

Трюк единства

Один из самых успешных лозунгов национал-социалистов был направлен против якобы бесчисленных партий в Германии. Отсутствие внутреннего единства они считали причиной кризисов в Веймарской республике, особенно ее неспособность в последние годы создать здоровое большинство в парламенте. Этот немецкий трюк оправдывал себя даже за границей, где часто утверждали, что демократия едва ли могла бы функционировать при наличии 20-30 партий. С самого начала эта идея основывалась на лжи, большинство якобы вредных партий никогда не играли решающей роли и никогда их не было больше 6-7, которые еще имели какое-то значение. Показательно то, что в США, несмотря на их старую и стабильную двухпартийную систему, применяется призыв к единству как прикрытие для тоталитарного репрессивного содержания. Томас применяет его очень часто, не скупясь. Еще больший вес, чем настоящий хаос, имеет предостерегающий призыв к единству. У понятия единства в том смысле, в

* Self-styled — (англ.) самозванный, мнимый.

** Self-appointed authority — (англ.) наделивший сам себя властью.

каком оно здесь применяется, отсутствует какое-либо специфическое содержание. Единство как таковое объявляется идеалом, так как благодаря его формализму оно может быть поставлено на службу самым худшим целям. По всей форме Томас проклинает отсутствие единства в американском обществе, особенно в политической и религиозной жизни, и восхваляет единство как единственную надежду на спасение от постоянно грозящей анархии. С другой стороны, собственная организация якобы олицетворяет такое единство или, по крайней мере, стремится к нему, несмотря на все свои характеристики как партии. Пропаганда Томаса проявляет одну из самых глубинных основных черт фашизма: нечто чрезвычайно ограниченное и частное выдавать за тотальное (всеобщее), за целостность, общность. Он извлекает выгоду из постоянно присутствующего чувства, что в современном обществе нет настоящей солидарности, направляет его в сферу очень специфических интересов, которые являются антагонистическими по отношению к такой солидарности, т.е. представляет интересы своего шантажа.

Томас специализируется на том, чтобы заклеить недоброжелательство и выступает за единство, но всегда так, что определенные основные формы неравенства, прежде всего существующее различие в собственности и в социальном статусе, оказываются оправданными. «Мои друзья, я хотел бы с помощью силы Святого духа еще раз подчеркнуть, что церковь Божия не является местом зависти и местом разобщения. Вы поставлены на свои места. Вы не можете их выбирать. И не каждый может командовать. Не каждый может, так сказать, возглавлять парад, но это так же почетно (да даже еще почетнее) для мужчины и женщины занимать маленькое место, как для генерала командовать боем. Также важно, мой друг, что Бог сказал, это также почетно, и одинаковое вознаграждение будет для тех, кто руководит делами, так и для тех, кто участвует в битве. Мы должны верно выстоять на нашем месте, на том месте, куда нас поставил Бог.»

Показательно, что клятва единства связывается с клеветой на теологические контroversы: «Ну, наш Господь ничего не хотел бы иметь общего с недоброжелательством. Он не хотел бы ничего иметь общего с посягательствами на место Иоанна. Вы помните, что фарисеи пытались вбить кол между апостолами, чтобы они поссорились. Ты знаешь, мой друг, это одно из самых любимых орудий, которое дьявол всегда применяет, когда Бог задумал большое дело. Очень часто это бывает между двумя священниками». Атака на американский сектантский дух, исследуемый ниже, должна быть вроде образного выражения для притягательной силы политической «интеграции», которая никогда ясно не выражена.

Иногда в трюке единства звучит также продемократический и более примиримый тон: «Что сегодня должен видеть мир, это — через Бога, Святого духа, вечно живой образ Иисуса Христа, здесь и сегодня, в тот час, который ведет каждого мужчину и каждую женщину вне зависимости от

их принадлежности к группам населения, их цвета кожи или от чего-то другого. Ты и я. мы одинаковые, и мы остаемся одинаковыми, и 6 футов земли делают нас одинаковыми. Ты беден или богат, еврей или христианин — это все равно. Во всем Бог, через все и над всеми». Значение имеет, однако, то, что этот идеал равенства действителен только для сверхъестественных понятий, а именно, для равенства перед лицом Бога или смерти. Вера в такие сущности должна, вероятно, действовать как интегрирующая сила, но мысль реализовать равенство на земле далека пропаганде Томаса. «Мой друг, ты знаешь, что делает христианство. Христианство порывает со всеми расовыми предрассудками. Христианство разрывает все классовые различия; христианство преодолевает все барьеры, создаваемые деньгами. Я говорю о духовных вещах, о духовном деле. Сегодня вечером (!) я не беспокоюсь о том, является ли ваша кожа черной или белой, коричневой или желтой. Если ты принимаешь моего отца через Иисуса Христа, моего господя, то ты — действительно мой брат. Однако это не значит, что я за то, чтобы люди разных рас вступали в брак друг с другом. Нет. Я верю, что для темнокожих лучше, если они женятся на себе подобных. Я считаю, что для белых лучше, если они женятся на людях, принадлежащих собственной расе. Я думаю, что желтая раса остается лучше среди самой себя, так как Бог нам воздвиг границы на нашей земле. Однако послушайте, если бы мы только когда-нибудь на этом нашем свете имели Христа, то весь вопрос о войне был бы решен; не было бы экономической войны, все проблемы коммунизма были бы в этой нации решены». Чем решительнее основывается идея последнего единства как идеология, тем проще сохранить неравенство любого вида в эмпирическом мире.

По своей эксклюзивное™ трюк единства легко распознается как обман. Когда Томас говорит высокими словами о единстве, он предполагает всегда существование определенных групп: «те злые силы», коммунисты, радикалы, скептики и, само собой разумеется, евреи, которые априори исключаются из такого единства, которые являются для него только угрозой и должны быть «изгнаны». Ни одно слово не намекает на самую слабую возможность принять их в духовное единство, посредством обращения в христианство или другим путем. Они осуждены и должны оставаться вне единства. Поэтому единство, которое представляет Томас, является ничем иным как фантазией, идеалом обширной организации тех «настоящих людей», которые разделяют его репрессивные интересы.

Демократическая маска

Как авторитаризм большинства фашистских агитаторов в Америке, так и авторитаризм Томаса в одном важном пункте отходит от национал-социалистической пропаганды. Даже если некоторые из национал-социалистов, как например Шахт, имеют обыкновение защищать национал-социализм

иногда как настоящую форму демократии. Гитлер и его сообщники могли все-таки открыто нападать на демократию. В Америке это невозможно вследствие сильной демократической традиции. Знаменитое высказывание Хуэй Лонга о том, что если когда-нибудь в Америке появится фашизм, то он будет называться антифашизмом, можно отнести ко всему ему подобному. В Америке бывают нападки на демократию обычно во имя демократии. Очень часто прогрессивное правительство Рузвельта обвиняется как раз в господстве насилия, к которому стремятся фашисты. Так же, как и Кафлин, Томас говорит, как будто он противник любой формы диктатуры, но если он ее критикует, то слышится по крайней мере нотка восхищения ее успехами. «В Европе народы действительно управляются диктатурой. Так как это сейчас организовано, в мире не организовывалось уже 2000 лет, со времен Цезаря, и делается это очень успешно (!). Сегодня едва ли есть такой народ на свете, за исключением Британского содружества и Америки, который не имел бы диктатуры, управляющей людьми посредством шпор и кнута. Народы мира сегодня дисциплинируются и удерживаются в узде. Они — закованные в кандалы слуги и рабы господ. Почему это так? Я вам скажу, почему это так. Потому, что нет свободы духа. Ни один мужчина и ни одна женщина сегодня вообще не связаны изнутри до тех пор, пока они не связаны внешне.» По виду это немного комичное описание оплакивает распространение господства насилия, но оно объясняет его достаточно туманной идеей потерянной «свободы духа» и превращает диктатуру из политического и экономического вопроса в одну из внутренних позиций человека. Диктатура, по Томасу, является следствием отрицательного, враждебного типу его религии духа, который национал-социалисты назвали бы «материалистическим». Якобы он является универсальным, и универсальной представляется также склонность к фашизму. Томас оставляет слушателей под общим впечатлением, что движение по направлению к диктатуре является неизбежным, и единственный выход — слушаться своего собственного авторитета. Авторитаризм подчиняется только авторитету.

Настоятельные намеки Томаса на демократию, на демократов, таких как Джексон и Линкольн, и на американскую конституцию чрезвычайно важны для контрпропаганды. Даже когда он утверждает, что его «великое движение»... пытается защитить и сохранить наши старые привилегии, то оказывается, что фашистский агитатор еще должен рассчитывать на демократические представления как живые силы и что он только тогда имеет перспективу на успех, если он их приспособливает для своих целей. Но если он их извращает, он ранит чувства, которые хочет эксплуатировать. Контрпропаганда должна поэтому вскрывать как можно гонокретнее каждый отдельный случай, где искажаются демократические идеи во имя демократии. Такие доказательства были бы действенным оружием ее защиты.

Для подобных манипуляций имеется определенный метод, специальная

уловка для превращения в психологическом аспекте образца демократической позиции в идеологическое оружие фашизма. Исследование Кафлина упоминает их под названием трюк «простых людей», однако без подчеркивания, так что они оказываются почти безвредными". Трюк «простых людей» близок вышеописанной идее «старые добрые времена», однако он вызывает не только иллюзию близости, теплоты и доверия, для чего Томас хорошо разработал некоторые соответствующие риторические навыки, как обращение «люди» для своих слушателей и их семей, или похвала домашних добродетелей, таких как бережливость. Под маской демократического равенства, за общительностью нескромностью скрывается антиинтеллектуальная позиция в пользу тщательно разработанного имиджа простого, неиспорченного образованием человека с неиспорченным здравым смыслом, о котором фанатически заботятся национал-социалисты, понося образованных людей. Американская традиция, связанная глубоко и нерасторжимо с демократическими идеями и учреждениями, привела к тенденции придать некоторым демократическим элементам почти магический ореол, собственную иррациональную ценность. Будучи полезной в некотором отношении, эта тенденция все же таит в себе определенные опасности, которые может использовать фашистская пропаганда, как она использовала в Германии определенно побочные течения идеи о непосредственной воле народа в противоположность его «чужеродному» выражению через демократическую форму правления. Такая опасность особенно относится к понятию большинства, которое не только выражает форму американской демократии, но и постоянно усиливается универсальным статистическим способом рассмотрения каждой социальной проблемы и практикой рекламы. Хотя и при демократии можно принимать решения на основе большинства, но большинство является не моральной ценностью, а формальным принципом управления. В Америке склонны рассматривать этот принцип скорее как самоцель, а не как средство. Некоторые особенности населения, которые можно приписать общественным недемократическим процессам и которые по своему духу антидемократичны, могут, таким образом, трактоваться и распространяться в демократии как последней аргумент только потому, что они являются характеристиками большинства. Это — одна из слабостей, которые иногда позволяют фашизму мобилизовать массы для репрессивных целей вопреки их действительным интересам.

При поверхностном рассмотрении трюк «простых людей» кажется весьма безвредным: льстить народу, каков он есть, не является признаком фашистских агитаторов. Следовало бы подумать о том, что психологическое обращение, подобное этому, вылечивает маленького человека, простую женщину от комплекса неполноценности и приукрашивает их скромную не по их воле жизнь, и они, как и Томас, делают вывод, что они возложили на себя скромность по христианскому смирению. Однако эта техника

пропаганды имеет злополучные импликации, так как она отражает факт, что большая часть населения — все те, кто исключен из привилегированного воспитания и несет груз цивилизации, занимаясь физическим трудом, — сохраняет некоторые черты грубости и даже варварства, которые могут активизироваться в любой критической ситуации. Если агитатор восхваляет их скромность и их народные особенности, то этим он косвенно восхваляет грубость, одновременно и подавляемую, и порождаемую современной культурой, и побуждает их свободно проявлять ее во имя здоровых, грубых и неиспорченных инстинктов. Когда бы какая-либо группа ни собиралась под лозунгом «быть только простым народом, который выступает против коварства и извращений культурной жизни», она готова напасть на тех, против которых направляют их агрессию.

«Если бы вы только знали»

Следующая группа из пяти трюков относится к «стратегии террора» Томаса. Здесь он охватывает сферу темного, мистического, всего того, что внушает страх и прибегает к методам, в основе которых лежит страх и его амбивалентность. Техника террора применяется в разной степени: от осторожного намека на скрытое зло до угроз грядущих катастроф, психологические импликации которых каждый раз немного варьируются.

В общем методе Томаса следует различать квазирациональные поверхностные стимулы и лежащие в их основе иррациональные психологические механизмы, которые он применяет, и, что особенно бросается в глаза, эти обе точки зрения отличаются друг от друга в технике террора. Четко отрицательными здесь являются сами рассуждения и эмоции, вызываемые ими; одновременно эта техника имеет целью создание в качестве дополнительного эффекта к отрицательным высказываниям определенного неосознанного удовлетворения, или, по крайней мере, обещание его. Так как конечным результатом, по-видимому, является смесь поверхностных реакций и лежащих в глубине психологических импликаций, то мы попытаемся рассмотреть и показать оба эти вида, как они соотносятся друг с другом.

Самая мягкая форма техники террора, которую использует Томас, а также другие фашисты, — это трюк «если бы вы только знали», т.е. внушение таинственных опасностей, о которых знает только оратор, простой же человек почти не может себе и представить их; они слишком неприличны, чтобы их обсуждать публично.

Намеки на будущее, на то время, когда станут известными факты, на которые теперь только намекают, или намеки на конечный день расплаты, вызывают любопытство и искушают толпу примкнуть к движению или, по крайней мере, читать публикации в надежде когда-нибудь быть «посвященными в тайну», если они просто делают то, о чем говорит и пишет агитатор.

Простой интерес к тому, что люди узнают о будущем, создает своего рода эмоциональную связь между агитатором и слушателем. Этот механизм повсюду применяется в рекламе и является невинным поверхностным аспектом техники намека.

Привлекательность намека растет вместе с его неясностью. Она позволяет безудержно разыгрываться фантазии и возбуждает различного рода спекуляции, которые постоянно усиливаются, потому что массы сегодня, так как они чувствуют себя объектом общественного развития, хотели бы охотно знать, что разыгрывается за кулисами. К тому же они склонны превращать анонимные процессы, в которые вовлечены, в личностные понятия заговоров и путчей злых сил, тайных международных организаций и т.п. Техника намека основывается на распространенном в современной массовой культуре невротическом любопытстве: каждый изолированный индивид мечтает о том, чтобы узнать больше, чем просто о скрытых силах, от которых зависит собственное существование, мрачную и жуткую сторону жизни других, в которой он не участвует. Это положение помогает превратить технику намека в нечто отнюдь не невинное. Ее опасный аспект состоит прежде всего в иррациональном возрастании престижа и авторитета оратора. Чтобы обращать внимание на намеки и с желанием доверять темным, неясным высказываниям, публика нуждается в определенной готовности «верить», так как обширному изложению фактов и дискурсивному обсуждению их взаимных отношений мешает неясность. Как раз этому состоянию слепой веры способствует техника намека Томаса. Конечно, он прибегает к протестантскому понятию веры, утверждающему ее примат, а в действительности Томас усиливает веру в свою персону. Религиозная вера и вера в движение постоянно перемешиваются: «Бог может только благословить мир, поскольку мир подчиняется Христу. Вы должны верить. Вы не думаете, что Бог благословляет нацию через это движение?». Намек представляет фюрера как наследника божественного всезнания. Он знает то, что другие не знают, и он подчеркивает эту разницу, не говоря никогда точно, что он знает и сколько еще он знает. Часто он оставляет для себя запасные знания, которые внушают почтение и к тому же вызывают у публики желание узнать больше. Это — решающий способ воздействия трюка «если бы вы только знали».

Утверждение, что фашистские организации, такие как крестовый поход Томаса, занимаются шантажом, нужно воспринимать серьезно. Оно не только обращает внимание на их жестокую практику террора и на преступников, которых всегда можно найти в подобных движениях, но и обнажает их социологическую структуру, репрессивный, исключительный характер их тайных групп. С полным правом можно предположить, что будущие последователи, если даже и неосознанно понимают этот аспект всех фашистских движений, полны желания относиться к организации, быть членом закрытой группы. Для пробуждения этого желания, делающего

очевидным фактом силу притяжения молодежных банд для подростков и, по-видимому, для взрослых, трюк «если бы вы только знали» является решающим. Намек служит средством внушить людям чувство, как будто они уже являются членами той закрытой группы, которая делает все, чтобы их завлечь к себе. Предположение о том, что ты что-то понимаешь, что не может быть свободно высказано, так сказать подмигивание, предполагает своего рода согласие посвященного, имеющее тенденцию к тому, чтобы сделать оратора и слушателя соучастниками¹⁷. Подтекст этого согласия остается всегда угрожающим. Намеренно невысказанное — это не только знание о чем-то слишком ужасном, чтобы быть высказанным открыто, но и ужасное, которое сам хотел бы совершить, но в этом не признаешься, а выражаешь лишь через намек. Трюк «если бы вы только знали» обещает открыть тайну тем, кто присоединится к шантажу и заплатит свою «десятину», но оратор намекает и на обещание, что вступившие станут однажды участниками ночи длинных ножей, утопии шантажа.

Кроме того, метод намека является угрозой для всех тех, кто исключен из этого «шепота», кто якобы не знает, «что я имею в виду». Ее часто выражают антисемитские листовки, приглашая своих читателей передавать материал «только не евреям».

Характерной для трюка «если бы вы только знали» является следующая цитата: «Бог обращался к этому народу. Он говорил долго, но народ не хотел слушать. Народ его не выслушал. Проповедники отвернулись от Бога. Конечно, я не имею в виду их всех, но я думаю. Вы знаете, кого я имею в виду; масса людей отвернулась от Бога, дельцы отвернулись от Бога. Бог печалился все эти годы об Америке, чтобы она возвратилась, чтобы слушалась. Теперь вот приговор вынесен. Он позволил коммунизму прорваться. Вы его повсюду найдете, мои друзья». Однако, хотя противник везде, он не выделяется, а остается скрытым, так же как и смысл обвинений Томаса скрыт за намеками. Как все фашисты, Томас подчеркивает дихотомию черного и белого между другом и врагом, но разрешает обеим категориям переходить друг в друга. По-видимому, путаница должна стимулировать амбивалентные чувства слушателей. «Дьявол — трус. Он действует скрытно, в темных местах и за закрытыми дверями и толстыми стенами. Но Иисус действует, слава Богу, при дневном свете. Итак, я хотел бы, чтобы Вы запомнили совершенно коварное послание. Бог всегда обнаруживает эти злые силы и заставляет их делать днем то, что они хотели бы делать в полуночные часы, когда все замирает.» Это божественное деяние — собственно то, что Томас все время обещает делать сам: рассказать общественности о злых силах. Но он предпочитает намеки, делает это, так сказать, за «закрытыми дверями и толстыми стенами». «Мой друг, повсюду в США, где бы мужчины и женщины ни проповедовали сегодня Евангелие сына Божьего, и где они всегда предупреждают о грозящей опасности коммунизма, мы находим священника, на которого нападают и вы находите силы,

которые для этого используются, чтобы опорочить фюрера. Как раз теперь Вы видите из вчерашней вечерней газеты, как на юге Калифорнии некоторые власти разрабатывают и финансируют ужасную программу, чтобы опорочить каждого видного священника в южной Калифорнии, и как они финансировали людей, чтобы нападать на выдающихся священников южной Калифорнии». Такое утверждение, которое, конечно, не менее неясное, чем скрытые углы «тех злых сил», дает возможность с уверенностью сделать вывод о том, что согласие между Томасом и его слушателями присутствует всегда там, где он делает намеки и ссылается на евреев, что они являются некоторой силой. Подчеркивается угроза против них уже тем, что он избегает в экзотерических речах слово «еврей», в то время как употребляет слова «коммунисты» и «радикалы», а называет их только «те силы». Он допускает, что каждый знает, что они собой представляют, поэтому о них даже не обязательно упоминать, они являются уже заранее осужденными. Таким образом, даже факт, что при демократии официальное общественное мнение не допускает незамаскированных антисемитских замечаний, превращается в собственно антисемитский инструмент.

Трюк «грязное белье»

Обязательным добавлением к намеку является настоящее или воображаемое разоблачение. Томас часто использовал обещание «если бы вы только знали» в своих речах по радио и объявлял эту историю потом в своей церкви. Здесь ясно проявляется связь трюка с коммерческой рекламой: публика, которой, так сказать, разрешается заглянуть тайно за кулисы и узнать секретные события, по-видимому, разделяет привилегию точно информированных. Эта идея напоминает об упомянутом выше тезисе «быть в группе».

Чтобы понять психологическое значение этой техники, нужно рассмотреть пропагандистские разоблачения в отношении их особого содержания. Оно исходит, в большинстве случаев, из среды болтунов и хулителей и касается обычно растрат, коррупции или секса.

Психологические реакции, вызываемые трюком «грязное белье» можно сравнить с определенным поведением, которое наблюдается у многих людей, когда они ощущают плохой запах. Очень часто они не отворачиваются, а жадно вдыхают испорченный воздух, обнюхивают вонь, и в то время как они жалуются на его спертость, делают вид, что они его идентифицируют. Не обязательно быть психоаналитиком, чтобы предположить, что эти люди неосознанно наслаждаются плохим запахом. Очень похоже обстоит дело с притягательной силой скандальных историй. Негодования по поводу возмутительного события являются в большинстве случаев необоснованными умствованиями. В действительности, слушатель забавляется их описанием, и по-видимому, таинственные и запрещенные деяния,

разоблачением которых он возмущенно наслаждается, как раз и являются тем, чем бы он сам с удовольствием занимался.

Этот механизм стал в такой степени автоматическим, что лишь из простого акта разоблачения (неважно, что разоблачается) уже возникает удовлетворение. Разоблачение само по себе воспринимается как выполнение обещания и приобретает почти торжественный характер, который может быть окрашен религиозными воспоминаниями.

В этом состоит объяснение одного из самых странных явлений трюка «грязное белье»: удивительное несоответствие между объективным весом сообщенных фактов и психологическим влиянием, которое они приобретают. По крайней мере профашистски настроенный слушатель с готовностью, без проверки принимает любую скандальную историю, даже самую глупейшую, как сказку об ритуальном убийстве. Кроме того, он обобщает случаи, которые могут иметь место при любой политической системе, в то время как рассматривает их как типичные для демократии, особенно из-за ее «плутократической» природы. Он возмущается фактами, при ближайшем рассмотрении оказывающиеся весьма невинными или однозначно относящимися к частной жизни, в которую никто не имеет морального права вмешиваться. Так, в последние годы Веймарской республики огромную роль в нацистской пропаганде сыграла шуба берлинского бургомистра, который получил ее якобы как взятку¹. Хотя владение шубой едва ли может считаться роскошью, но важным было само разоблачение, а не факт.

Обычно вскрытые скандалы являются совершенно не типичными и ни в коем случае не характеризуют только тех, на которых клеветают. Еще большую пользу извлекли нацисты из случаев коррупции, в которых были замешаны еврейские семьи Барматов, Кутицкер и семья Скларек. В то же самое время как следствие тех же экономических условий имела место еще более худшая коррупция — случаи с Лахузен и афера Нойдека, которая касалась подкупа самого рейхспрезидента Гинденбурга. Но эти факты замолчали, о них было мало известно. Это, возможно, отчасти объясняется тем, что в последние годы Веймарской республики реакция имела в своих руках больше общественных средств коммуникаций. В общем, кажется, любовь к проветриванию «грязного белья» больше характерна для реакционеров, чем для прогрессивных людей. Для этого, вероятно, имеются различные причины: тенденция сваливать социальные проблемы на частную ответственность, общее репрессивное настроение, которое склонно замарать любого, радующегося жизни, вместо того чтобы доказать свою деловитость, а также утонченная спекуляция на определенных инстинктах разочарованных масс. Те, кто не хочет изменения условий, всегда готовы свалить вину за любое зло на тех, кто не придерживается существующих моральных норм. Лицемерие — это привилегия конформизма.

Оно не отсутствует в арсенале Томаса. В его случае, между тем, простой мотив наслаждения, получаемого путем пикантных разоблачений затмевает

все другие. Хотя он особенно любит представить коммунистов как банду разнузданных преступников, его едва ли трогает, кому вредят скандальные истории, распространяемые им — другу или врагу. Иногда он описывает самого себя как жертву злых языков. «Я никогда не забуду мой первый случай, когда я выступал в качестве пастора в Сан Педро, и положение, в котором я оказался, когда прибыл и был вовлечен в ужасный спор о вопросах морали. Обо мне потом писали в бульварной газете, это был мой первый опыт, связанный с моральным положением. Они использовали преступника, который симулировал обращение в христианскую веру, но он был послан этими людьми, чтобы собрать сведения и очернить меня; они опубликовали все возможное обо мне, что только могли выдумать; но в течение года я узнал, что это было. Я установил, что один мужчина, который действительно принадлежал к криминальному миру того города, оплатил все это. Я благодарю Бога, моего господина и спасителя, что он помогал мне во всех битвах, которые я выдержал в моей жизни.» Любопытство, которое Томас вызывает ссылкой на газету, он компенсирует скандальными историями, рассказываемыми о других, среди которых выделяется прежде всего выдуманное распоряжение о всеобщей проституции женщин в России. В своей церкви Томас точно в стиле Штрейхера захлебывался пикантными деталями, в речах по радио он был сдержаннее и ограничивался намеками, которые, может быть, даже более эффективны, чем разоблачения: «Вот что содержит ужасное московское распоряжение об освобождении женщин в России. Разрешите мне, мои друзья, в этой связи только одну минутку зачитать слова выдающейся женщины, жены одного американского инженера, миссис Мак Маррей, которая возвратилась как раз несколько месяцев назад из этой страны. Вот что она говорит о России: "Я никогда туда не возвращусь... Забота, страх и ненависть, связанные с издевательским презрением по отношению к благородным вещам жизни, тяготеет над страной Советов". Потом она заявила: "Они не соблюдают никаких правил морали. Мужчины и женщины живут вместе, как звери. Они живут, как и где им прикажет правительство. Любая работа — принуж-

имена, как я это сделал в воскресенье вечером. Между прочим, в следующее воскресенье вечером я сообщу об этом еще кое-что.»

Трюк «содрогание от ужаса»

Трюк «грязное белье» связывается постоянно с тенденцией терроризировать слушателей, если им рассказывают, что женщин в России принуждают к проституции, слушатель должен бояться, что то же самое может случиться с их женами, сестрами, дочерьми; коммунистические ужасы, которые им сообщаются, становятся угрозами того, что с ними самими может произойти завтра. Здесь выступает двойной, почти противоречивый характер техники. Что люди реагируют на страх и объединяются, чтобы встретить опасность, это ее внешний эффект; ее неосознанный, грубо говоря, эффект заключается в том, что описание зверств доставляет им удовольствие, потому что они сами однажды захотят их совершить. Радость от жестокости и радость от грязи тесно связаны друг с другом.

К счастью, Томас был так «любезен», что он сформулировал предложение, которое ясно показывает амбивалентность в отношении истории о зверстве. Так что наша интерпретация едва ли может считаться произвольной спекуляцией. «Итак, заказывайте газету: *Imminent Peril of Communism for this Nation* (Коммунистическая опасность, угрожающая этой стране), и если вы это прочтете и не содрогнетесь, мои друзья, тогда с вами что-то не в порядке». Только тогда обещание может заставить читателя содрогнуться, если накопленное возбуждение чувств является для него в какой-то степени приятным. Томас даже и не старается скрыть этого.

Одна точка зрения пропаганды террора заслуживает особого внимания. Распространенное убеждение, что фашистские агитаторы обещают всем все, становится довольно сомнительным, по крайней мере, когда изучаешь речи Томаса. Именно он обещает очень мало, главным образом награды на том свете. Вместо этого он беспрерывно пугает своих слушателей, посылая на них различные угрозы. Томас непрерывно подчеркивает, что теперь уже нет никакой надежды на исполнение их желания счастья и в отношении их страха, что дела могут быть еще хуже. По логике это должно вызвать заботу маленьких людей о собственности и безопасности, однако этот рациональный или полурациональный стимул не является решающим. Обещание, которое имплицитно пропаганда террора, — это скорее обещание разрушения самого по себе, что ведет к некоторой модификации нашего тезиса об амбивалентности. Может, это было бы слишком логично предположить, что ужасы будут обязательно те же, которые ты хотел бы совершить по отношению к слабым, хотя этот импульс, конечно, играет большую роль. Однако не менее садистского развит и мазохистский компонент. Будущий фашист, вероятно, после своего собственного уничтожения будет желать не в меньшей степени и уничтожения противника, так как разрушение —

это эрзац его самых сокровенных и наиболее подавляемых желаний. Постоянные указания фашистов на жертву или некоторые высказывания Гитлера подтверждают это; Раушнинг ссылаясь на него, когда тот сказал, что если Гитлер потеряет Рагнарек, то наступит гибель Богов. Возможно, здесь неосознанно выражается пронизательность фашистов в отношении окончательной безнадежности предпринятых ими действий. Они видят, что их решение не является решением, что оно в конце концов обречено на гибель. Каждый трезвый наблюдатель мог ощутить это чувство в национал-социалистической Германии, до того как разразилась война. Безнадежность идет путем отчаяния; уничтожение — это психологический эрзац для тысячелетнего рейха в день, когда исчезнет разница между Я и другим, между бедным и богатым, сильным и слабым в большом нерасчленном единстве. Если массам не предложат настоящую надежду на солидарность, они могут хватиться в своем страхе за этот отрицательный суррогат¹⁸.

Террористическим является призыв Томаса следовать за ним как за вождем. Своим сторонникам он приказывает верить, не различая ясно, должны ли они верить в Бога или в Томаса. Но в любом случае наказаны будут те, кто не верит. «Итак, подумайте о том, что если вы верите, вы можете сделать. Разве это не стоит того? Я говорю вам, вы должны это сделать. Вы должны принять Иисуса Христа, сына живого Бога как вашего личного спасителя до наказания за врожденную власть греха. Если вы этого не сделаете, вы — погибший мужчина или погибшая женщина. Вы погибли не только в этой жизни, но ваша душа погибнет и в том, будущем мире. Я недавно молился, пусть мне Бог даст правильное представление о погибшей душе (!). И я не уверен, что у меня это представление сегодня утром есть. И я не уверен, что у вас оно сегодня утром есть, так как, если я верю в это слово, как я должен был бы в него верить, мне нужно было бы Вам сказать, что я буду молить Бога день и ночь.» Молитва о правильном понимании погибшей души является вынужденным указанием на удовлетворение, которое он получает от мрачной ситуации. Вместо того, чтобы молиться за спасение погибшей души, он хотел бы дать живую картину «погибшего». Ассоциативная последовательность его идей превращает это в средство устрашения слушателей.

День и ночь они должны взывать к Богу; из их страха и мазохистского удовольствия от представления потерянной души, как он надеется, возникнет готовность следовать за ним. Не случайно попытка терроризировать слушателей связана с понятием веры. Их запугивают, чтобы они верили, т.е. прекратили думать. Если они не способны на ясное рассуждение и сведены к непродуманным реакциям лозунга типа «Спасайся, кто может!», то будут особенно в благоприятном положении сдать на милость фюреру, который, если они ему только доверяют, обещает за них думать и действовать. Чтобы этого достичь, Томас смешивает обычно угрозу вечного наказания с угрозой земных трудностей и приравнивает метафизи-

ческое спасение к принадлежности к христиански-американскому крестовому походу. «Я призываю человека на улице подумать о том, что придет день, друзья мои, когда Бог вас заставит отчитаться за ваши поступки, которые вы совершили в вашей жизни. Ты, американец, мой друг? Ты христианин? Если таковым являешься, ты учтешь ситуацию, перед которой стоит Америка. Но если таковым не являешься, ты трус». Так как пресвитерианский священник не может угрожать концентрационным лагерем, он манипулирует вечностью, поэтому она выполняет точно такую же цель. В современном примере подавления с помощью террора используется самое старое средство господства насилия.

Трюк «последний час»

Очередной формой техники террора Томаса является прямое или косвенное утверждение, что предстоит близкая катастрофа, ситуация безнадежна и достигла критической отметки и что необходимо немедленное изменение. «Думающие мужчины и женщины во всей стране спешно поднялись, так как они знают, что дела не могут идти дальше так, как они шли до того.» В пропаганде Томаса каждый час является последним часом.

На первый взгляд, это напоминает обычные рекламные шаблоны: «Это предложение действует в течение нескольких дней». Публику побуждают действовать быстро, немедленно присоединиться к движению. За этим стоит простое соображение, что люди легко забывают то, что они не сделают тотчас же. Особенно быстро вытесняются террористические стимулы, которые всегда имеют весьма нерадостные побочные значения. Пропаганда террора действует только «немедленно».

Однако это затрагивает феномен только поверхностно. Намек на приближающуюся беду, прежде всего на мировую катастрофу, намного старше, чем индустриальное общество. Ее корни лежат в апокалиптическом аспекте христианской религии. Не без причины Томас часто ссылается, как все сектанты воскресения, на битву Армагеддона, которую он ловко смешивает с происками своей группы.

Кроме того, он часто описывает в кажущемся противоречии со всеми пропагандистскими трюками, которые относятся к технике «fait accompli», свою собственную организацию так, будто над ней разражается кризис, будто она переживает ужасное безденежье, и даже иногда привирает, что она не сможет продержаться более 48 часов. Постоянно в его речах каждая проблема представляется угрозой, что требует немедленных мер. Существенная пропасть существует между мощными призывами к спасению нации в последний час и сравнительно слабыми и случайными ссылками на предстоящий конец света — главным образом жалобы на ослабление христианской веры или распространение атеистических учений в университетах. Типична для смешения незначительных жалоб и апокалиптических

выпадов следующая цитата: «Неспособность и недостаток верности долгу в министерствах, светскость церквей, уменьшение числа членов и дух антихриста, который протягивает свои щупальцы в наши университеты, подрыв нашего государства, нашего правительства — все это указывает на некоторый серьезный кризис, который, в конце концов, над нами разразится». «Серьезный кризис» становится заклинанием: что он существует, подчеркивается любой ценой, даже такими смешными утверждениями, как уменьшающееся количество членов церкви. Томас предполагает, что его слушатели мыслят понятиями своего собственного узкого опыта, и что их интерес концентрируется вокруг церковных дел. Пустая церковь, по-видимому, уже достаточный аргумент, чтобы убедить слушателей в опасности гибели американской нации.

Следующее, вероятно, является попыткой объяснения иррационального привеска, который добавляется к идее кризиса: как все фашисты, Томас рассчитывает на последователей, которые до глубины души недовольны и даже испытывают нужду. Их объективная ситуация может превратить их даже в радикальных революционеров. Предотвратить это и направить революционные течения в собственное мыслительное русло — одна из главных задач фашистского агитатора. Чтобы достичь цели, он крадет, так сказать, понятие революции. Снова привлекается идея катастрофы, используется эрзац судьбоносного момента, предрекаются радикальные перемены. При этом никто не способен заглянуть, что будет после конца света; также и катастрофа — это скорее что-то такое, что случается с людьми и едва ли может быть реализовано посредством их собственной свободной воли. Лишенные своей спонтанности, люди превращаются в свидетелей больших всемирно-исторических событий, которые решаются над их головами, их собственная энергия абсорбируется посредством верности организации и любви к фюреру.

В психоанализе много раз отмечалось, что невротическое чувство слабости часто выражается в своеобразной позиции по отношению к элементу времени. Чем меньше человек способен к действиям по собственной воле, тем вероятнее, что он абстрактно ожидает все от времени. «Не может так долго продолжаться.» Трюк «последний час» основывается на этой диспозиции. Гарантом приближающейся перемены делается время, и «последователь» освобожден от собственной ответственности. Ему нужно только делать то, чего требует «час». Представление этого часа как последнего часа — «коммунизм не придет, он уже пришел» — связывает этот трюк с техникой «fait accompli».

Само собой разумеется, Томас описывает катастрофу в своих речах не как что-то желаемое, а как опасность. Однако это едва ли больше, чем умствование. Наряду с эмоциональным подчеркиванием, придаваемым идее катастрофы, он, по-видимому, считает, что такое представление для слушателей не совсем неприятно, и это дает возможность легко перейти от

предупреждения об опасности к ее объявлению. Когда положение критическое, необходимы отчаянные средства: ответом на «предстоящую коммунистическую опасность» является уничтожение коммунистов, радикалов и тех «злых сил», следовательно — погром. Мысль, что изменения необходимы, абстрактна, однако она связана с таким множеством ассоциаций насилия и варварства, что является неизбежным выводом трюка «последний час». Последний час, которым грозит фашист, это, собственно говоря, путч, им же и организуемый. Чисто негативная акция наказания приходит вместо рационального метода, который мог бы, может быть, улучшить положение. «Я верю, я знаю несколько вещей, которые вы будете делать, так как я знаю материал, из которого вы сделаны, я верю, что вы будете искать истину, я верю, я знаю точно, как вы будете действовать; я верю, что вы подниметесь в вашем гневе, в вашем возмущении, в вашей любви к старому знамени; Вы собираетесь сказать этим силам, которые действительно привели нашу нацию к бездне: так далеко вы пойдете и ни шагу дальше. Да, убежден, что вы это сделаете.»

Интересно, что призыв Томаса к «пробуждению»¹⁹ перед лицом приближающейся катастрофы означает больше «назад», чем «вперед»; он представляет пробуждение Америки как реставрацию чего-то давно прошедшего, и оно, кроме того, понимается не как акт сознательного самоопределения, а как склонение перед авторитетом отца. Оно в действительности является точной противоположностью того, что ожидалось бы от такого возрождения: «Проснись, Америка, назад на колени, назад к предкам твоих отцов, на место, которое тебе указал Бог». Томас здесь приближается, не зная того, к любимому понятию фашистских и антисемитских интеллектуалов, к фикции «консервативной революции».

Трюк «черная рука» (тайное судилище) Feme

Как уже упоминалось, техника намеков связана с идеей закрытой, насильственной, строго управляемой замкнутой группы, с шантажом. В пропаганде террора фашизм ярко проявляет эту связь. Террор применяется не меньше, а может быть даже и больше в отношении неполитических связей своих собственных последователей, чем противников. При национал-социализме этот метод играл значительную роль под названием «Feme». Опаснее всего являются якобы силы, которые действуют изнутри; фашист, который не может не чувствовать себя окруженным предателями, беспрестанно грозит их уничтожением.

Томас использует намеки для того, чтобы призывать крестоносцев к постоянной бдительности среди своих. «Мои друзья, я никогда не боюсь мира. У меня нет никогда страха перед нападением дьявола. Я знаю, каков мир. Я знаю, что ожидать от тех, кто по ту сторону баррикад. Но я говорю тебе, мой друг, ты должен быть начеку внутри движения. Кто-то, кто продался

дьяволу, проникнет в церковь и попытается уничтожить дело Господа посредством кого-то, кто принадлежит церкви. Если я во все годы подвергался нападению, то всегда из собственных рядов. Вы, мужчины и женщины, можете это подтвердить. Будьте начеку перед нападением изнутри, из своих рядов, кто рядом с вами, из-за зависти или из-за другого, что хочет навлечь на нас Сатана.»

Довольно часто вожди фашистов имели причину для таких предупреждений. Банды гангстеров привлекают гангстеров, преступники присоединяются к организациям хулиганов разного рода и выходят из них по разным причинам, чтобы перейти к другой партии, от которой они ожидают больше. Также фактор тайны порождает то, что присуще всем фашистским заговорам: разглашение тайны и предательство. Террор, направленный против собственных членов организации, усиливает авторитет, который только тогда является абсолютным, когда нетерпимы малейшие нарушения, когда достигается самая строжайшая дисциплина. Чтобы достичь этого, нужно заклеить как предательство даже малейшие отклонения и преследовать за это без всякого снисхождения.

Здесь опять вступают в действие определенные глубинные точки зрения. Как дополнение к трюку «единство» трюк «черная рука» является средством интегрировать различные элементы репрессивной и эксклюзивной организации. Ее исключительность может только сохраняться, когда члены, среди которых все время поддерживается состояние взаимного недоверия, следят и шпионят друг за другом. Угроза Геме, которую фашистский агитатор направляет против собственных сторонников, позволяет предугадать полную атомизацию всего населения, которая имеет место в тоталитарных государствах. Репрессивное единство имеет своим результатом подавление всех непрофессиональных видов деятельности, которые непосредственно контролируют правительство и партия. Если заговорщики стремятся образовать компактную группу, они должны, что касается их убеждений, быть полностью изолированными друг от друга. Фашистский шантаж является чистой пародией на то «народное сообщество», быть которым он так стремится на словах. Фашистские последователи завистливей и недоверчивей, чем другие, и готовы в большей степени даже, чем самые крутые, соперники «ликвидировать» друг друга. Разъяснение этого было бы правильным ответом на трюк «человеческий интерес».

Самая роковая импликация трюка «черная рука» касается между тем одной из глубоких внутренних характеристик бандитизма и фашизма. Оба можно определить как тип организаций, из которых нет пути назад. Жертва отдельного для сообщества, как это было *уже* рассмотрено и как проявляется в постулате невозможности отмены, в клятве, символике крови, ритуалах посвящения и так далее, означает полную отдачу душой и телом, без ограничений и оговорок. Желание выйти из принудительного сообщества — это начальный жест, который выражает стремление к свободе; нет ничего

более ужасного для фашиста, чем такое желание. Кто передумал, кто хочет опять «наружу», рассматривается как «заклятый враг», и неважно, насколько порядочен он и каковы были побудительные причины: перемена убеждения характеризуется как предательство и требует строгого наказания. Психологический эффект идеи Feme так же важен, как и организационный; характер окончательности, приданный этому решению, действует так же, как и эмоциональная привязанность к шантажу, и результатом ни в коем случае не является только страх. Люди имеют склонность любить то, от чего они не могут отказаться, идентифицировать себя еще и со своими тюремными застенками. Фашистская эмпфаза Feme постоянно это использует.

Поразительный пример трюка «черная рука» имел место 30 июня 1934 г., когда с учетом пропагандистского воздействия было расстреляно большое количество нацистов, некоторые из которых вовсе и не могли быть заговорщиками. Ментальность Томаса имеет, может быть, не зная того, следы поведения, превращающегося в конце концов в жесточайший террор против собственной организации.

Этот последний поворот террора как раз против сторонников должна использовать контрпропаганда.

«Давайте будем практичными!»

Гитлер часто говорил, следуя традициям Бисмарка, о реальной полигике, хотя в этом случае имеется в виду простое право сильного. Однако этот термин имеет более глубокие импликаци, чем простая рационализация цинизма Макиавелли. Несмотря на постоянные призывы к идеализму, героизму, жертвенному духу, фашист никогда не забывает втолковывать своим последователям, что зло не должно исчезнуть из мира по его воле. Его цель — не отменить подавление, а дать узду в руки собственной партии. Он издевается над всевозможными утопиями и наслаждается представлением, что мир не только плох, но и что он должен оставаться таким же плохим, и наказуемое преступление — думать, что он мог бы стать другим. Этот лозунг имел влияние на всех реакционных теоретиков со времен Гоббса. Он следует как тень за всеми высокопарными идеологиями современного века. В полностью выродившейся форме, бросающей свет на ее собственное содержание, этот лозунг вновь появляется у Томаса. Он проповедует высокие религиозные идеалы, большинство которых так сильно проявляет сохранившуюся ортодоксию, что он не может серьезно надеяться на то, что убедит своих последователей, но он проявляет также сильный интерес ко всевозможным практическим делам, к реальной политике в самом мелочном смысле слова. Рационализм, который он выставляет на всеобщий обзор в планах и в организации своей группы, в каждом пункте приходит в противоречие с застывшей иррациональностью

его религиозного учения. Существует бездна между его высказыванием о практическом здравом человеческом разуме и официальной идеологией, которая по крайней мере, показывает неосознанное бессилие его идеалов и их собственную лживость. Идеалы должны завуалировать прежде всего его желание власти и его административные манипуляции и заклеить противников как морально стоящих ниже его. Напротив, высказывания, в которых он говорит о практических и трезвых вещах, доказывают слушателям, что их вождь является человеком со здоровым человеческим умом, таким же как и они сами, но так же и то, что им важно: организация, власть конкуренции и светский успех. Трудно сказать, осознает ли полностью Томас сильное противоречие между высокопарными фразами и реальностью, или его следует отнести к нижнему слою среднего класса. Как бы то ни было, это противоречие едва ли является препятствием для его речей, помогает им обеспечить их воздействие. Чем слабее связь между идеалами, как часто он привык это называть, его «бизнесом», тем публика яснее видит, что идеалы остаются идеалами, но он имеет в виду коммерцию, сделку. Собрание явно непримиримых элементов в речах Томаса никто не может сформулировать яснее, чем он сам: «Мы пытаемся здесь быть практичными, мы пытаемся проповедовать Евангелие нашего Господа со всей страстью, любовью и силой, которые Бог дает нам посредством духа».

Намерение быть практичным относится прежде всего к деньгам; деньгам, которые он хочет получать, к деньгам своих последователей. «Бог всемогущ», и «счет из типографии», — произносится без различия на одном дыхании: «У нас могущественный Бог, если мы его чтим, он позаботится о всех наших нуждах. Мы сегодня должны оплатить несколько счетов — счет за радио и счет из типографии, канцелярский счет и счет за телефон».

Слушайте, будьте благоразумны и помогите нам. Я прошу вас не о чем-то, что я сам не сделаю, моя семья жертвует каждый лишний доллар, так как мы хотим, чтобы это движение распространилось по всей Америке. Есть много людей, которые слушают и молятся и восхваляют Бога».

Еще явственнее Томас интерпретирует мысль, что Бог заботится о каждой потребности, если он, так сказать, рассматривает его как консультанта по капиталовложениям: «Иди и не грехи больше. Очень много людей потеряли свое материальное имущество. Они лишились своего состояния, своих ценных бумаг и других вещей. Я сегодня хочу вам сказать, что еще никогда мужчина или женщина, которые обращались к Богу по поводу вложения денег и которые слушались только Бога, лишались чего-то при этом. Если ты идешь к Богу и полностью отдаешь себя в его руки, ты никогда не потеряешь ни доллара, но если вы это не делаете, вы сразу же потерпите крах». Опять импликация образует нечто вроде мягкого шантажа. Хранить верность Богу идентично «быть добросовестным с божьей десятиной», а десятина Бога интерпретируется Томасом всегда свободно, как пожертвования на «это движение».

Не лучше, чем с религиозным идеалом, обстоит дело и с патриотическим идеалом. Призыв к спасению Америки перемешивается с опасением, что могут упасть котировки акций. Томас настоятельно подчеркивает, что великая борьба против антихриста направлена на нечто практическое, что она служит тому, чтобы защищать частную собственность, так как те «злые силы» хотят отобрать у маленького человека его собственность. «О, мой друг, если ты не хочешь нам помочь искать маленьких детей Бога, пока не пришел антихрист, пока разбойники жизни не захватят их и не разорвут на куски. Ну, ты видишь, я вообще доволен. Почему я должен беспокоиться? Мой друг, слушай, если антихрист захватит власть над Америкой, а скоро она будет под его властью, если ты, я и миллионы нас не способны еще на какое-то время сдерживать те силы, ваши ценные бумаги буцут бесполезны, и вы не сможете больше пользоваться своим домом. Мой дорогой брат, моя дорогая сестра, момент гласит — сейчас или никогда. Ты не можешь себе позволить, мой друг, не участвовать в этой великой христианской американской программе. Ты не сможешь себе позволить пропасть этому посланию Бога по радио, так как отсутствует твоя помощь.»

Практический смысл, монетаристские категории применяются даже по отношению к библейским историям, и прежде всего, к жертвам Марии Магдалины и Иисуса. «Тогда были люди как и сегодня, которые делали на этом коммерцию, собирая то чистое масло, малейшая капля которого заставляла благоухать все помещение, так что благоухание держалось часами. Она видела, что приближалось и заранее позаботилась. Она сберегала деньги по крупицам. Но что вы думаете, даже в те времена, она должна была собрать около 300 шиллингов; один шиллинг — это сегодня приблизительно 17 центов. 300×0.17 и вы получите сумму в приблизительно 51 доллар. Сравните покупательную способность того времени с современной покупательной способностью (разница, может быть, в 100 раз) и вы получите приблизительное представление, что это стоило Марии. Может быть, Мария пожертвовала в действительности все свое состояние. Я верю, что она это сделала. Она пошла и продала, продала, может

религия, которая сначала должна быть переведена, чтобы получился какой-то смысл. С уверенностью можно предположить, что мало трюков из техники Томаса находит больший отклик у слушателей, чем этот жалкий трюк. Его речи в действительности нашпигованы намеренно плоскими, светскими и относящимися к обыденной жизни пассажирами, из которых вышеупомянутые являются лишь некоторыми примерами, выхваченными наугад.

Напрашивается возражение, что мы этот трюк раздули. Он может быть понят как простой призыв к уважающим традицию и практический смысл американцам, к которым невозможно достучаться посредством идеалов, если они не переведены непосредственно на «язык практики». Справедливы также указания на проповеднические традиции в американских сектах и институтах, таких как Армия спасения и Христианская наука, которые переиначивают религию в нечто весьма прагматическое, чтобы она была для американского народа вообще приемлемой. Но даже если это следует допускать, едва ли можно отрицать, что «прагматический» трюк получил новое значение в явно идеалистических вопросах. Раньше он, вероятно, был средством для целей религиозного обращения и более или менее истинного воскрешения. Сегодня обращение и воскрешение стали средствами фашистской пропаганды с целью сделать народ практичным, т.е. побудить его к отказу от любой собственной теоретической мысли, объединить его в команды и организации и заставить действовать в соответствии с его коллективными интересами вместо его рациональных убеждений. Существующая необходимость «иллюстрировать» каждое понятие его непосредственным практическим применением, которое часто ведет к выхолащиванию его истинного смысла, неспособность к абстракции, которая в современных условиях, наверное, скорее усилилась, чем ослабла, применяется как рычаг в пропагандистских целях. Идеал, который отождествляется

3. Религия как средство

Вводные замечания

Трюк Томаса — религия. Она придает ему колорит, типичный для его речей. Она — торговый знак, который отличает его от конкурентов. В качестве проповедника он может выступать как консультант, который хлопочет о специфических интересах определенной группы. Его система, сконструированная для сторонников ортодоксального, ханжеского, крайне религиозного мышления преимущественно протестантского направления, имеет целью в принципе преобразовать благочестивое стремление в политическую приверженность партии и политическую подчиненность. Подробного рассмотрения заслуживают процесс превращения и применяемые Томасом теологические манипуляции, в меньшей степени — теологическая доктрина Томаса, которая более или менее устарела. В Германии религия имеет в фашистской пропаганде подчиненное место. Как известно, фашизм (действительное значение которого, видимо, переоценено) занимал там весьма отрицательную позицию в отношении активных протестантов и католиков. Во всяком случае вся национал-социалистическая традиция тесно связана с определенной традицией монистического «свободомышлия», которая во многих отношениях враждебна христианству. В понимании природы как необузданной и слепой силы и одновременной экспансии немецкого империализма имеется существенная разница между американским и немецким фашизмом. Ярко выраженное родство американской фашистской пропаганды с некоторыми церковными движениями подтверждают священники различных конфессий важной функцией, которую они в ней выполняют²⁰.

Прагматическое значение исследования специфических характерных аспектов теологии Томаса состоит прежде всего в возможности осветить закулисные маневры его психологических опытов. Многие из уже обсужденных приемов являются использованием религиозных стимулов, которые, по его предположению, еще действуют в его «общине». О протестанском учении о предназначении напоминает техника «fait accompli»; об апокалиптическом настроении некоторых сект напоминает трюк «последнего часа»; догматическая дихотомия между «теми злыми силами» и «силой Бога» — о христианском дуализме; возвышение униженного народа — о Нагорной проповеди и т.д. Без такой ассоциативной базы и существенного авторитарного веса, который она с собой привносит, весь его пропагандистский аппарат не был бы таким действенным. Подробное рассмотрение религиозных элементов пропаганды Томаса кажется поэтому целесообразным.

Христианские мотивы, заимствованные фашистской пропагандой, большей частью превращаются в свою противоположность. Именно этот

процесс интересует нас здесь прежде всего. Мы хотим раскрыть противоречие между религиозными стимулами, применяемыми Томасом, и его окончательными целями. Что они антирелигиозны, мы это покажем. Томас

— хитрый психолог масс, хорошо их понимающий, он точно знает, почему он использует язык Библии: он рассчитывает на благочестивые чувства своих слушателей. Если бы он дал возможность группам, к которым апеллирует, разглядеть однозначное противоречие в отношении выдвинутых христианских идеалов, то религиозные чувства, вероятно, выразились бы в противоположном смысле, чем это имело место в Германии, когда нацисты раскрыли свои карты.

К этому можно добавить и другое положение. Использование религии для фашистских целей и превращение ее в инструмент пропаганды гонения

— это ни в коем случае не единственный в своем роде феномен, хотя религия у Томаса выполняет функцию главной притягательной силы и товарного знака. Многочисленные черты современного общества указывают на возникновение нечто вроде тоталитарного режима, и едва ли можно сомневаться, что любой оттенок профашистского мышления, будь то религиозной или атеистической, националистической или пацифистской природы, является ли он теорией элиты или идеологией народа, был бы проглочен, тоталитарным течением, которое мало озабочено внутренними противоречиями. Фашистская рациональность стремится к созданию всемогущей властной системы, а не к обоснованию философии. Значение догматического содержания религиозного медиума нельзя поэтому переоценить. Однако показательно изучение превращения такого конкретного медиума, совершенно далекого с виду от фашистской доктрины в средство для тоталитарных целей. Не внедряясь во всевозможные дивергентные формы жизни, фашизм ничего бы не достиг. В Германии он таким путем проверил свое влияние в молодежных организациях, среди пожилых домовладельцев, неплатежеспособных крестьян и в промышленных крупных компаниях, среди безработных, готовых идти на авантюры, среди армейских офицеров и педантичных государственных служащих. Чтобы полностью понять магнетическую силу тоталитаризма, необходима ясность в отношении всех этих аспектов в их собственной конкретной форме.

Религия как средство для достижения в пропаганде Томаса требует к себе внимания еще и по следующей причине. По нашему убеждению, специфический феномен современного антисемитизма имеет более глубокие корни в христианстве, чем это кажется. Хотя типичный антисемит наших дней— весьма рациональный, безжалостный и циничный, одержимый мышлением чиновника фашист, конечно, верит в Христа так же мало, как и во что-нибудь другое, кроме власти. Но также ясно, что антисемитские идеи, которые повсюду образуют острое нападения фашизма, не могли бы проявлять свою огромную силу притяжения, если бы у них не было сильных корней не только вовне, но и внутри христианской цивилизации. Убийцы

Иисуса, фарисеи, менялы денег в Храме, еврей, пренебрегший своим спасением, так как он отрекается от Господа и отказывается от крещения — их роль, которую они играют в представлении народа, едва ли может быть преувеличена. В другом исследовании мы постараемся изложить настоящие теологические причины антисемитизма и их место в обществе и в истории²¹; здесь мы попытаемся показать их в «действии». Критический анализ теологических уверток Томаса может выявить собственные, хотя и частично неосознанные исторические следы воспоминаний, которые возрождает к жизни антисемитский подстрекатель. Им и очевидной пропаганде необходимо противопоставить действенные меры. Перевоспитание должно внедрить в сознание унаследованные церковью и через церковь картины, показывающие антисемитизм. Лишь осознание и разоблачение его в состоянии уничтожить вошедшие в кровь предрассудки и их психологические механизмы, которым она обязана своей упорной живучестью.

Техника «языка»

Лишенный любого специфического теологического содержания религиозный медиум пронизывает всю психологическую атмосферу речей Томаса и, по-видимому, с точки зрения пропаганды является более эффективным, чем любой другой способ. Смесь чувствительной деленной сентиментальности и лицемерного благородства придает каждому его предложению собственную ауру. Простой атрибут позы проповедника может быть елейным, и сам Гитлер, который в последнее время весьма редко упоминал о религии и то общими фразами, выработал похожий елейный язык — способ говорения. Ореол «святого», лишенный всякого специфического религиозного содержания, заимствуется от произвольно выбранных понятий, обычно вызывающих оживление, как например, понятие о «предках» или «конец движения». Следствием является общее сентиментальничание. Перед лицом такой сентиментальности, ее бестыдно го ханжества и лживости, интеллектуалам становится трудно понять успех фашиствующего демагога. Можно было бы подумать, так звучит аргумент, что простой народ с его чувством правды должен был бы почувствовать отвращение к интонации волка в овечьей шкуре. То, что это предположение, однако, ошибочно поймет тот, кто знаком с народным искусством. Среди народных певцов и артистов особенно проявляется ярко выраженная тенденция к преувеличенной сентиментальности, к «фальшивь™ нотам», отчасти вызванная любовью масс к «густо нанесенным краскам», что требует преувеличения. Но скрытой причиной является стремление народа к видимости, и это ожидание заставляет артиста в первую очередь казаться человеком, который может ловко притворяться, переодеваться и «влезать в шкуру другого». Народ предпочитает представлению истинного — «театр».

Настоящее наслаждение дают ему, наверное, фальшивые ноты, так как они рассматриваются как признаки «представления», как имитация модели и неважно, известна она или нет. Этому дает объяснение комплекс «подавленный мимезис»²².

Особенно ясна техника «фальшивых нот» в записи речей Томаса на пленку. Но эта техника становится ясной также и из записанных текстов. Типичны пассажи в жаргоне проповеди капуцинов: «Когда я смотрю на нашу великую нацию, чем она была когда-то и чем она является сейчас и будет в будущем, на изменения, которые она претерпела, если я сравниваю ее прошедшее с настоящим, и если я потом сравниваю наших женщин, семью и церковь, то я не прекращаю плакать, так как я думаю о том, чем было мое отечество и чем оно могло бы стать».

Вероятно, сотни и сотни страниц речей Томаса полны чистой бессмыслицы, как нельзя об этом забывать и при чтении нередктированных речей Гитлера. По крайней мере частично это можно приписать тому, что публика восприимчива к «театру». Здесь опять рука об руку идет в полном согласии личная ущербность с потребностями масс. Оратор типа Томаса, истеричный и лишенный каких-либо интеллектуальных сдерживающих качеств, наверное, вообще не способен построить логическую и осмысленную последовательность предложений. Однако, может быть, как раз способность безудержно говорить, не думая, свойственная издревле определенному типу торговых комиссионеров и рыночных зазывал, и удовлетворяет желание слушателей. Здесь играет роль амбивалентное восхищение, которое испытывает человек, нагруженный комплексом «немоты» перед теми, кто может говорить. Евреи обвиняются в красноречии, но антисемитский подстрекатель хотел бы им обладать, так как его публика определенным образом от него требует, чтобы он умел говорить как «еврей». В его глазах умение болтать является свидетельством мистического таланта говорения. Бессмыслица, которую можно найти во всех фашистских речах, является поэтому не столько препятствием, сколько стимулом. Она служит скорее тому, чтобы выделить «динамику», чем выполнить специальные задачи по программе. Динамика безудержной риторики воспринимается как образ динамики реальных событий.

Слезливый экстаз и бессмысленная болтовня («говорить языком») отчетливо указывают в направлении обращения и вызывания веры (которую мы будем обсуждать позже и в другой связи) и, не важно истинны или подражаемы, именно в них Томас заимствует и копирует образец для своего чувствительного, благочестивого выступления: «О, братья, поищем святого Бога. Если мы это будем делать, наша нация будет спасена. Если мы это будем делать, наша церковь переживет мощное возрождение Бога. И каждый день народ будет видеть святость Бога». Он надеется, что под давлением его политического «крестового похода» наступят великие дни евангелизации: «Разве это не чудо, что коммунизм мог проникнуть к нам,

что он угнездился у нас дома? Где мужчины, которые поднимут наше знамя? Где старые вожди прошлого? Как так происходит, что мы не переживаем большого обновления Евангелия? вспомните дни Александра Муди, Билли Сандея, что стало из евангелийского огня в Америке?»

Подробное изучение литературы о движениях пробуждения (очень показательной является биография Билли Сандея) выявило бы большое количество психологических приемов современной фашистской пропаганды, прежде всего те, которые рассматривают «борьбу против зла» как своего рода публичный спектакль, и такие, которые нацелены на миметическое родство проповедника и общины.

Техника разложения

Модифицировать религиозное содержание для светских политических целей значит его «нейтрализовать». Как бы ни было родственно связано ханжество с реакционными общественными течениями, такими как антисемитизм, содержание религии должно подвергаться определенным изменениям чтобы быть «прочным». Современный фашистский демагог поступает с религиозными мотивами исключительно как с атомизированными остатками прошлых религий, он предполагает разрушение любой консистентной веры. Рассматривая обломки традиционной религии, он собирает то, что подходит для его целей и отбрасывает остаток, несмотря на все благочестивые фразы, он рассматривает религию под совершенно прагматическим углом зрения. Если он даже не занимает определенной теологической позиции, он все же пытается устранить этот недостаток, выдавая свою позицию как возвышающуюся над догматическим диспутом и выступает за религиозное единство. Его учение оказывается последовательным только с одной точки зрения: оно антилиберально. Религиозный антилиберализм служит прикрытием политическому антилиберализму, за который он не осмеливается выступать открыто, так же как и религиозный авторитет психологически выполняет функцию эрзаца будущей авторитарной системы.

боится заявлять, что время деноминации прошло, очевидно, бросая боковой взгляд на будущую религиозную «интеграцию», проведенную тоталитарным государством. От фундаментализма мало что остается, кроме авторитарных претензий самих по себе, от сектантства — ничего, кроме революционного жеста ненависти к существующим институтам, государству и церкви — одним словом, выбирается позиция, которая открывает путь фашистской системе. Нейтральность обозначает рамки, в которых Томас манипулирует протестантизмом.

В соответствии с его общим принципом — вызывать всегда скорее отношение «против», чем отношение «за», доминирует сектантский мотив. Но так как в Америке секты сами по себе являются уже традиционными силами, и вся религиозная сфера рассматривается в основном с позиций сектанта, сектантство Томаса также способно на традиционные и ортодоксальные претензии. Остатки религиозного авторитета и живых религиозных чувств, на которые рассчитывает Томас, объясняются, по-видимому, существенным сектантским характером религии в Америке в противоположность прочно обоснованным церквам в Германии, которые являются более или менее государственными учреждениями. Также по другому, чем в Германии, американские секты держат в руках каждого, более доверяя личной вере индивидуума, его эмоциям и привычным особенностям. Выбрать собственную религию, вместо того чтобы присоединиться к уже существующей, эта американская мысль создает более интимные отношения между индивидуумом и религиозным образцом поведения; то же наблюдается и сегодня, когда различия между сектами потеряли значение. В отличие от Германии, где по крайней мере протестантская церковь сведена уже несколько веков к своего рода общественной функции, американская секта имеет большую традиционно сохранившуюся силу притяжения и держит семью своей сильной организаторской хваткой. Фашистский агитатор должен считаться с имеющимся у индивидуума сектантским потенциалом, даже если он формально освобожден от церковного влияния. Агитатор не может просто выступать против него, а должен пытаться направить его в русло своего мышления, что на деле не очень трудно, ведь некоторые радикальные секты имеют опыт подавления в своем собственном сообществе и под покровом апокалиптических тенденций даже деструктивные свойства. Этим они обнаруживают большее родство с фашизмом, чем его имели когда-либо крупные европейские деноминации. Культивируя черты нетерпимости, исключительности и партикуляризма, все фашистские движения имели постоянно в своей основе нечто от секты, и именно этим крепко укоренившимся сходством между политической и религиозной сектой живет фашистская пропаганда в Америке.

Парадоксальным образом сила определенных «ортодоксальных» стимулов имеет корни в этой общей «сектантской» питательной среде. Для «безнадежной» ситуации, которую все время конструирует фашистская

пропаганда, имеется, например, церковная модель. Томас подражает ей в своих жалобах о грозящей дезинтеграции христианства из-за духа рационализма. В этом негативном аспекте мнимой опасности раскола проявляется его родство с фундаментализмом. Церковь, интерпретируемая как микро-космос нации, в ужасной опасности; предстоящая победа дьявола в коммунизме, «прогрессивный» дух установленных деноминации и заговор «тех злых сил» — все они действуют в направлении разложения, и ситуация требует «интеграции» в фашистском смысле. «По официальным коммунистическим сообщениям, они завербовали в свои ряды только в течение прошедших трех лет 4 или 5 миллионов наших молодых людей в возрасте от 16 до 30 лет. Они настраивают подрастающее поколение этой страны против христианских институтов, против церкви этой нации, против конституции... Сегодня повсюду господствует свобода совести, так что и не пройдет еще несколько лет, как христианство распадется.» Хотя атака Томаса на «свободу» в церкви звучит также, без всякого сомнения, по-антисексгантски, однако она ясно проявляет все-таки то, что стоит за его фразами, когда он в другом месте лживо утверждает, что защищает права, предоставляемые конституцией.

Его поход против мнимого разложения традиционной веры религиозным модернизмом имеет специфический аспект: он нацелен на прогресс и биологический материализм. Хотя за свою пропаганду Томас получил выговор от официального фундаментализма, однако он желал, по-видимому, подружиться с фундаменталистскими баптистами: «Вот письмо от пастора одной баптистской общины в Калифорнии. От человека, который выполняет особую работу: "На меня большое впечатление произвели две вещи: опасность, перед которой мы стоим, и ваша христианская позиция. Я буду стоять с Вами плечо к плечу, чтобы разбить модернизм и коммунизм". Я благодарю Бога за слова этого выдающегося христианского проповедника, который поддерживает нас в нашей программе». Томас симпатизирует фундаментализму, так как он борется против теории эволюции, которая является для него вершиной подрывного модернизма. «Послушайте, что я вам скажу: был день, когда мы верили, что Библия является словом Бога, а сегодня мы учим прогрессу и органическому развитию. Вы знаете, что некоторые воспитатели смеются над Уильямом Дженингс Брайаном. Но я вам скажу, что Брайан был пророком. У. Дж. Брайан был христианином... Брайан боролся против дарвинизма, он боролся против Ницше. Он боролся против этого, потому что видел, что они подрывали нашу нацию... Уильям Дж. Брайан видел, что через одно или два поколения, если учение о прогрессе, что мы произошли от обезьяны и что мы только результат развития человекообразной обезьяны, мои друзья, если это будет продолжаться, наша нация погибнет со всеми своими учреждениями.» Не оттого, что дарвинизм ошибается, Томас нападает на него, а потому, что дарвинизм якобы оказывает плохое моральное воздействие, т.е. по чисто прагматичес-

ким причинам. Религиозная правоверность, за которую он выступает, он понимает только как средство сохранения дисциплины, что ведет его к странным противоречиям. Как мы позже увидим, он впадает неосознанно в анимизм, придавая явлениям природы, таким как землетрясения, теологическое значение; если он ведет себя осознанно возмущенно, ему указывают на родство между человеком и природой. Ничто не развращает новоязыческих варваров больше, чем представление, что их предки могли быть обезьянами. Контрпропаганда, анализируя идеологию фашистов, должна тщательно изложить ее амбивалентное отношение к природе. Поскольку природа выражает господство и насилие (например, при землетрясении), фашисты восторгаются ею, поскольку она означает разнузданность и наивность, то они ее ненавидят, чувствуют к ней отвращение, другими словами, не любят в ней все, что не является практичным «в указанном выше» смысле. Они любят хищников и презирают испорченное безобидное домашнее животное; они верят в то, что выживают самые приспособленные, верят в естественный отбор природы, но они ненавидят мысль, что их предки могли напоминать обезьян. Противоречия такого рода типичны для всей позиции фашизма.

Трюк «овцы» и «козлица»

Следующий заимствованный Томасом у авторитарной ортодоксии трюк — это сильное проклятие грешника и идея, что границы между грешником и праведником установлены на все времена. Сектант, не говоря уже об еретике, всегда склонен верить в спасение грешника или через обращение, или через мистическое понятие греха как предварительное условие к спасению. Наоборот, ортодоксальная устоявшаяся религия мало занимается грешником, т.е. каждым, кто не отдался полностью институту веры; грешник рассматривается как заклеенный на все времена. Эту тенденцию, когда-то ассоциировавшуюся с организаторской властью церкви, Томас втайне имитирует своей собственной системой. Не столько природа его теологических концепций, которые он вообще и в особенности заимствовал из Нового Завета, сколько их выбор дает возможность увидеть его любовь к роли непогрешимого судьи. Почти все примиряющие признаки христианского учения, включая идею любви к ближнему, он оставил в стороне, но находится подчеркнуто на стороне отрицательных элементов, как, например, понятия зла и вечного наказания, поношения интеллекта и исключительности христианства по сравнению с другими направлениями веры, особенно иудаизма. Библейские цитаты он заимствует ради создания апокалиптической, мистической атмосферы предпочтительно из Евангелия Иоанна, которое лучше подходит, чем синоптики, для антисемитских маневров.

Эта техника выбора усиливает трюк «овцы» и «козлица» — трюк, который многие анализы фашистской пропаганды, как например, упомя-

нудое выше исследование Кафлина под названием «Name calling» и «Card sticking»*, выдвигают на первый план. Как говорит Гитлер в своей книге «Майн кампф», пропаганда, чтобы иметь успех, должна постоянно изображать противника как заклятого врага, а собственную группу как благородную во всех отношениях и достойную восхищения. Связанная с революционным дуализмом, эта техника получает у Томаса особый оттенок. Он предполагает трансцендентную борьбу между царством Бога и царством зла среди политических властей нашего времени и не признает никакого промежуточного процесса и никакой критики, чтобы иметь возможность осудить противника априори как проклятого и отсечь все аргументы. «Во что я должен верить? Что Иисус победил дьявола?» Эта дихотомия переносится на политическую сцену. Исход, говорит Томас, уже был предрешен в Новом Завете. «Ну, братья, битва в разгаре. Силы господина и американизма, с одной стороны, и силы мрака и коммунизма, с другой стороны. Дьявол приходит сюда и начинает действовать среди людей и учреждений, как никогда прежде в мировой истории. Куда бы вы сегодня ни посмотрели, вы видите приближение темных туч. Куда бы вы сегодня ни посмотрели, вы видите антихриста из пророчеств. Сейчас имеются миллионы и миллионы мужчин и женщин там, внизу в темной России, которыми владеет сущность антихриста, мои друзья. Бог говорит очень ясно.»

Чтобы придать политической борьбе возвышенность конфликта, происходящего внутри абсолютного, Томас привлекает теологический дуализм. То, что коммунисты — дьяволы или что он является партизаном Бога, для этого он не приводит никаких доказательств, кроме того, что у него на устах все время имя Бога. Он полагается просто на различие своей и чужой групп. Хорошими являются те, кого он относит к своей собственной группе, а другие являются детьми дьявола. Аргументация только бы ослабила этот механизм. Вся пренебрежительная теология Томаса, его намеки на «те злые силы» взяты из языка теологического дуализма. Каждый

* Card sticking — (англ.) приклеивание ярлыка.

Не обязательно привлекать психологию Адлера, чтобы найти в таких выражениях четкие симптомы комплекса неполноценности органов, вызванных физической слабостью. В то время как Томас сам является здоровым человеком, он, однако, достаточно хорошо знает своих последователей, чтобы включить в расчет эту сторону их психологии.

Трюк «личный опыт»

Расплывчатая идея «консервативной революции», о которой говорилось в разделе о методе Томаса, довольно конкретно выражается в его теологических спекуляциях. Манипулировавшая ортодоксия соответствует, как мы видели выше, консервативно-авторитарному элементу. Псевдореволюционный элемент проявляется в его опоре на пробуждение веры и сектантство.

То, что американские секты через нонконформизм, от которого они произошли, попали в оппозицию к централизованным организациям, таким как «церковь» и «государство», превосходно подходит к фашистской идеологии. Бунтарство и радикализм, очевидный дух сект, связанный с авторитарными аскетическими и репрессивными тенденциями, находят известную параллель в структуре фашистского менталитета. Именно национал-социализм занял «антигосударственную позицию» и предпочитает такие понятия, как «нация», «народ» или «партия». Если государство рассматривается как простой инструмент, чтобы присвоить некоторые властные позиции, оно теряет всякую «объективность», которая могла защищать тех, которые должны быть подавлены²³. Подхваченная американским фашизмом, из позиции, враждебной государству, возникает позиция, враждебная правительству, позиция, усиливающаяся сопротивлением реакционеров против Нового курса, и здесь возникает старый сектантский антицентралистский дух как прекрасное средство борьбы. Однако, если бы фашисты достигли своей цели, то фактическим последствием этого было бы сильное усиление авторитета государства, что следовало бы разъяснить всем американским партикуляристам.

Такую общую генеральную точку зрения отражает антагонизм нацистов в отношении крупных государственных церквей. В речах Томаса он принимает форму нападок на крупные институциональные деноминации, такие как например, пресвитерианцев, методистов, епископальную церковь, которым он противопоставляет свои «субъективистские», «динамические» понятия пробуждения веры. Он уверяет, что стоит против институциональной религии, за живую веру, точно так, как в противоположность государству восхваляли свое движение нацисты, которые этими стимулами затрагивают глубоко укоренившееся недовольство всеми якобы «объективными» безличными учреждениями нашего общества²⁴. Их объективность кажется тем не менее массам довольно проблематичной; современное возмущение институтами иллюстрирует борьбу против

«бюрократизма». Целью является не столько восстановить справедливость, которая кажется в опасности благодаря институционализму, сколько мобилизовать те пылкие инстинкты, которые, сдерживаемые порядком закона и институтов, становятся, будучи освобожденными, инструментом удовлетворения жажды власти диктатурой клики. Монастырский порядок и секты, как часто утверждают, выражали первоначально еретические устремления и только позже были включены в христианство. Поэтому можно с полным правом предположить, что глубинные течения язычества, нехристианизированной, «естественной» религии составляют существенный элемент всякого сектантства, независимо оттого, насколько аскетическим и христианским является его поведение внешне. Во всяком случае, Томас перенял традицию движения пробуждения и так ее преобразовал, что на первый план выдвинулись деструктивные и натуралистические моменты антиинституционализма. Скрывая христианские инстинкты, он посредством своей оппозиции по отношению к институциональной религии обращается в действительности к нехристианским инстинктам. Его религиозные иллюзионистские уловки можно поэтому считать шагом по пути к разложению религии, как неизбежный курс в направлении к тоталитарному режиму и поэтому является не более, чем устарелым способом ловить отсталых людей. За его самодельной теологией таится химера имеющей успех доктрины, в которой во имя «Бога, Родины и Отечества» неуклюже объединены политика и идеология.

Основополагающим для фашистской манипуляции религиозным субъективизмом в политических, а в конце концов, антирелигиозных целях является подчеркивание личного опыта по сравнению с объективированной доктриной, поддерживаемой, вероятно, эмфатическим усилением апокалиптического настроения. Следующие цитаты могут проиллюстрировать способы применения этих фактов Томасом: «Заметьте себе, что Иисус Христос выбирает слова... не в языке Ветхого завета, и не в языке писателей, а свои слова... Ну, теперь я знаю, мой друг, что это правда. Я знаю это по нескольким причинам. Я это знаю из моего личного опыта переживания, который я имел около 20 лет назад с живым человеком, которого мы называем Иисусом Христом. Я знаю это, и я это говорю из личного опыта. Я верю в то, что сказал здесь Иисус Христос, т.е. я верю его словам, когда я жду его слова, которые я имею здесь и теперь в качестве современного достояния, как вечную жизнь. Я это знаю. Потому что моя жизнь сразу же изменилась. Вдруг я возненавидел вещи, которые я любил физически. Другими словами, вся моя жизнь и все мое сердце переменялись до основания». Знаменательно, что подчеркивание личности Христа и последующего изменения индивидуума ясно противопоставляется священному писанию, и Ветхий завет молчаливо осуждается как институциональная застывшая религия. Со времен гностиков через всю христианскую традицию сохранилось это воззрение. Ссылка на непосредственное, личное,

религиозное переживание означает, кроме того, ослабление логического размышления, как его и представляют когерентные теологические учения. Томас упорно указывает на непосредственность своего личного отношения к Богу, чтобы исключить вмешательство извне. «Бог говорит очень ясно, что ни один человек не должен вас учить, так как у вас есть святой дух, чтобы вас учить. Я в своей жизни настаивал на том, чтобы меня вел непосредственно сам Бог.» Здесь ясно показано, как легко религиозная мечтательность сект может превратиться в нападки на церковь и, в конце концов, на каждую организованную объективную религию. Желание быть ведомым «непосредственно самим Богом» можно удобно использовать как оправдание весьма произвольных решений индивида. Так например, Гитлер указывал на свое «озарение», когда он совершил роковую ошибку в военном походе на Россию. Когда Томас приводит пример личного опыта веры, он с этим связывает антисемитские намеки: «Как я вчера утром вам говорил, членство в синагоге было равнозначно определенным общественным правам. Если ты не состоял в синагоге, то ты был никто. Ты был исключен из всего общества. Ты не имел никаких церковных прав, никаких прав веры, никаких гражданских прав и очень мало моральных прав. Вы не видите, что они хотели исключить всех других и что они имели единоличную власть над жизнью и душой человека того времени. Это дьявольщина в мире, если люди, принимая некоторых и исключая других, пытаются намеренно монополизировать власть и слово Бога».

Понятие личного обращения, противопоставленное институциональной религии, усиленное верой индивидуума в предстоящий конец света, в последние дни для церкви становится теологической базой пробуждения «последний час». Перед лицом страшного суда человек должен думать скорее о Боге и о собственном непосредственном отношении к нему, а не о церкви, к которой он относится. То, что Томас не боится цитировать самые примитивные суеверия, является ясным симптомом регрессии его движения пробуждения в сторону мифической естественной религии. «Пророчества исполнились... Я не хочу, чтобы вы беспокоились из-за землетрясения, которое было у нас недавно в Калифорнии (дает объяснения о землетрясениях, которые обычно бывают осенью). Мы всегда думали, что землетрясения ограничиваются югом Калифорнии, но мы видим сегодня землетрясения страшной силы и масштабов повсюду в мире... С 1901 г. погибло только в землетрясениях больше чем миллион людей.» Соединение техники террора и религиозного движения пробуждения у Томаса здесь проявляется весьма ясно. Субъективизм и хилиазм (вера в приход тысячелетнего царства) — обе главные составные части пробуждения веры, имеют тенденцию «ослаблять» сопротивление индивида. Ссылка на «личное переживание», отрицающее доктрину церкви, практически сводится к поощрению предаваться собственным эмоциям²⁵. Запуганный представлением приближающегося конца света индивид, чтобы спасти свою душу,

должен делать послушно, не критикуя, все что ему прикажут. Таким образом, дух пробуждения веры, понимаемый первоначально как выражение религиозной свободы, можно без труда поставить на службу фашистскому идеалу слепого послушания.

Антиинституционный трюк

Превращение религиозного субъективизма в приверженность к фашизму происходит не в языке политики. Слишком осторожный, чтобы затрагивать нечто такое, прочное как американские конституционные права, Томас ограничивается своей собственной ограниченной псевдопрофессиональной сферой — церковными вопросами. Его отношение к проблемам церкви, хотя никогда полностью не выраженное и в некоторой степени сбивчивое, является, так сказать, косвенной моделью того, что он хотел бы втайне видеть осуществленным в американском народе. Он сообщает своим слушателям тоталитарные догмы веры, дискутирует с ними о делах церкви и оставляет на их усмотрение их перевод в резкие политические выражения. Его антагонизм по отношению к этаблированным устоявшимся деноминациям является теологическим средством, которое позволяет ему воздвигнуть свою модель якобы чисто религиозного характера.

Когда Томас атакует «приверженность к партии» и «отсутствие единства» во имя духа деноминации, тогда превалирует трюк «единство»:

«Я верю, что дни деноминации прошли, что не будет никакого дальнейшего прогресса в смысле деноминации, и я напоминаю о баптистах, о конгрегационалистах, пресвитерианцах, но послушайте, сегодня можно наблюдать, как распространяется живое христианство главным образом благодаря радио». Контраст между «жизненностью» и «духом деноминации» не менее характерен, чем утверждение, что оживление приписывается радио, централизованному техническому средству, которое неразрывно связано с современной монополизацией общественных средств коммуникации. Болтовня об «оживлении» соответствует идее, что существующие деноминации якобы перестали быть живыми силами благодаря простой институционализации. Другими словами, массы потеряли свою веру в те фундаментальные и рациональные религиозные учения, без которых протестанство не может быть понято. «Ты знаешь, мой друг, организованная религия, которая отрицает сверхъестественную волю, будет постоянно преследовать сверхъестественное, и у тебя там по ту сторону мертвая вера, которая отвергла сверхъестественное в Боге, и так как они это сделали, они преследуют твоего Бога и моего Бога до смерти.» Истолковывать подобное религиозное высказывание в смысле двухпартийной системы и высочайшей идеи о нации, по-видимому, для слушателей Томаса не трудно.

После таких запутанных словоизвержений Томас должен был, если бы он действовал логично, требовать усиленных законных принудительных мер

против анархических измышлений, которые он беспрестанно заклинает. То, что происходит абсолютно противоположное, является характерным для фашистской пропаганды извращением. Если он жалуется на беззаконие, коррупцию и анархию, то он ополчается не только против любого «легализма», но и нападает на закон вообще и поступает точно как фашисты с трюком «воющего волка», который всегда применяется, когда централизованное демократическое правительство проявляет признаки силы. Их болтовня о диктатуре правительства является лишь поводом для подготовки своей собственной диктатуры. Позиция Томаса по отношению к закону весьма амбивалентна: он протестует против существующего беззакония и против существующих законов, чтобы подготовить психологическую почву для различных «незаконных» предписаний. «Дела идут неправильно в этой стране, потому что мы забыли Бога и его справедливый закон. Мы топтали ногами его заветы и его божью волю и вместо этого мы издали бесчисленное множество человеческих постановлений. Сегодня нет недостатка в законах, мои друзья. Это — величайшая эпоха законодательных постановлений, которая когда-либо была в истории нашей страны, чтобы регулировать поведение людей. Законов, изданных светскими правительствами, насчитывается 32 миллиона. В 1924 году было принято 10 тысяч новых законов в законодательстве отдельных штатов и правительстве США; в 1928 г. их было 13000, а в 1930 г. — 14000, а в последние два года эти цифры увеличились во много раз в результате Нового курса, который властвует над правом. Однако величайшая эпоха законов является также эпохой величайшего беззакония. Статистика преступности показывает, что преступления увеличиваются в размерах, что не может не беспокоить. Непосредственные расходы, вызванные в этой стране преступностью, достигли суммы 15 миллиардов долларов в год.» Эти цифры, конечно, взяты с полочки. Нет ни документов, подтверждающих 32 миллиона законов, изданных «светским правительством» (что бы под этим ни подразумевалось), ни малейшего подтверждения астрономической «суммы расходов на преступность» в Америке. Спекуляция с фантастическими цифрами — распространенная привычка национал-социалистов: якобы научно подтвержденная точность приведенных цифр успокоит недовольство против скрытой за ними лжи. «Точностью заблуждения» можно было бы назвать эту тактику, свойственную всем фашистам. Фелпс, например, оперирует похожими абсурдными числами о притоке беженцев в Америку. Так как они внушают общее чувство грандиозности, которое легко перенести на говорящего, они годятся, кроме того, в качестве психологического стимулятора.

Подчеркивание инстинкта в противоположность разуму у Томаса идет параллельно с подчеркиванием спонтанной реакции на законы и постановления, чем он способствует духу «дела» против защиты, которой пользуется меньшинство благодаря любому законному порядку. Косвенно его

антилегалистическая и антиинституциональная позиция ясно проявляет себя в экзальтированном восхищении женщинами. Выберем один пример среди многих: он хвалит неконвенциональный дух Марфы, этой святой с практической жилкой, чем молча осуждает сферу конвенции и одобряет позицию, которая в контексте его речей звучит деструктивно, хотя она в своем высшем смысле может быть действительно превосходит конвенционализм. Неконвенциональное поведение, в конце концов, значит у Томаса быть готовым нарушить закон. «Когда она услышала, что пришел Иисус, Марфа пошла, чтобы его увидеть. Не было принято, чтобы женщина шла встречать мужчину, но Марфа, благослови Бог ее дух и ее душу, была неконвенциональной. Она отказалась поддерживать глупый обычай, который подавлял проявление ее любви и преданности.» Официально Томас защищает дом и семью и рьяно преследует тех, которые якобы желают «легализовать аборт». Но эти высказывания весьма близки кодексу половой морали, который ввели нацисты. Внешне выступавшие за освященные старые институты этой морали, они тем не менее, поддерживали половые связи с несколькими партнерами, поскольку это вело к увеличению числа «фольксгеноссен». Когда Томас нападает на закон и конвенцию, у него на уме не свобода, а подчинение индивида не независимым законным и моральным постулатам, а прямому приказу тех, кто имеет власть, кто может обойтись без объективных директивных идей. Томас хвалит любовь Марфы, чтобы замаскировать идею следования приказу, который в действительности не привел бы ни к чему другому, кроме как к ненависти.

Антифарисейский трюк

Прославление «духа» посредством пробуждения, между прочим, не следует принимать слишком серьезно. Благодаря повороту, который тесно связан с временно прекращающейся атакой Томаса на устойчивые церкви, благодаря клевете на фарисеев как персонификацию религиозного институционализма и веры в «букву», она значительно затухает. С клеветой на фарисеев Томас переносит ненависть к закону и институтам на интеллект, интеллигенцию и евреев, с которыми он непосредственно отождествляет фарисеев. Чрезвычайно осторожно он избегает конкретного объяснения, что он имеет в виду под духом, однако подразумевает совершенно определенно общий энтузиазм и волю действовать, как специфическую способность духа. Библейское преимущество нищих духом, как оно выражено в выступлении Христа против высокомерных фарисеев, он использует в своих собственных целях, как доказывают бесконечные хулительные речи такого типа: «Мой друг. эта эпоха отвергла учение Иисуса. Церковь, организованная Церковь отвергла учение Иисуса. Церковь, которая приняла учение израильских священников со стороны, возвратилась к интеллекту. Вы знаете теперь и должны все знать, что люди не могут найти Бога, ища его. Ваш

крохотный рассудок не способен найти царство Божье». Или: «Я напоминаю вам, что Иисус никогда не открывал свою подлинную сущность и свою истину мужчинам и женщинам, у которых не было правильного духа. Подумайте об этом вместе со мной одну минутку: "Кому он открыл всемогущую истину?.." Иисус открылся той женщине, потому что она была достаточно проста, чтобы верить, что он мог сказать миру».

Согласно христианской идее, истина является всеобъемлющей, она должна дойти даже до человека, на которого ступают ногами. У Томаса она извращена, обращена лишь к тем, кто «достаточно прост, чтобы верить его рассказам», так как они меньше всего способны на сопротивление против неправды. Только сегодня, когда фашизм приспособливает христианство для своих практических целей, такое извращение выражается так откровенно и цинично, как это не наблюдалось во всей истории христианства.

Родство с Мартином Лютером, существующее в этом пункте, Томас понял очень хорошо; он хвалит своего тезку, потому что он был, как святой Августин, «только известный человек», которого «интеллигентные вожди» никогда не избрали бы. Действительно, очернительство интеллекта идет начиная от Августина и Лютера и отвергается кальвинизмом. То, что Томас склонен принимать сторону Лютера, а не Кальвина, едва ли является случайным. Их интеллектуальная ученость и определенное положение как представителей государственной религии, делает фарисеев особенно подходящим объектом для травли интеллигенции. Их враждебность по отношению к Христу облегчает ему задачу объявить их авангардом антихриста. Стимулятором здесь является враждебность к интеллигенции. Кому приходится страдать и у кого нет ни силы ни воли изменить ситуацию по собственному почину, тот скорее готов ненавидеть тех, кто вскрывает отрицательные стороны ситуации, а именно, интеллигенцию, как тех, кто ответствен за страдания. То, что интеллигенция отключена от физического труда, не обладает правом приказа, что она поэтому вызывает зависть, не требуя одновременно подчинения, еще более усиливает враждебность. В глазах слушателей Томаса антиинтеллектуализм может рассчитывать на особый успех. Нагорная проповедь подгоняется в качестве идеологии для тех, которые хотя и чувствуют, что их собственное мышление затуманено, однако ожесточенно и восторженно придерживаются этого.

Этот гнев обращается против тех, кто стоит в стороне, и таким образом, подготавливает антисемитизм, ведь евреи в теологическом отношении близки к христианству, не принимая его. «Ну, мои друзья, вы видите, что Иисус Христос был хорошим человеком, что он был высоким раввином евреев своего времени, что он был великим вождем, но вы отказываетесь признать, что он является Богом в человеческом образе. Подумайте о том, что чистота Священного писания устоит или упадет с приведенным доказательством, что все должны чтить Сына, как они чтят Отца. Мой друг,

ты можешь прийти к Богу только через Иисуса Христа, Сына божьего. Я знаю, что это довольно трудно для некоторых из вас, которые учили это по-другому. Нет никакого другого пути спасения для мужчины или женщины, чем посредством Иисуса Христа. Если Вы не чтите Сына, то вы не можете чтить Отца.» Так как призвание Сына является важнейшим различительным признаком между христианством и иудаизмом, эти слова косвенно имеют в виду евреев. В остальном применяемый здесь теологический принцип усиливает значимость трюка «посланника». Конечно, подчеркивание различительного признака было бы само по себе уже антисемитским, оно становится в конце концов таким из-за того, что Томас говорит о связи между Ветхим и Новым заветами редко в позитивном смысле. Идею, что Христос пришел не отменить Завет, а исполнить его, т.е. Ветхий завет, Томас оставляет без внимания. Для него, более того. Новый завет является отрицанием старого, и поэтому Томас, конечно, не относится к фундамен-талистам: «После Нового завета, после слова живого Бога, бессмертие человеческой души может осуществляться только через откровение и дело Иисуса Христа из Назарета, совершенное на кресте, на Голгофе и у могилы Иосифа Аримафейского».

Когда Томас взваливает ответственность на тех, кто «близок» к Христу, в действительности не признавая этого, он компрометирует Ветхий завет, вместо того, чтобы его принять, в конце концов, он клеймит евреев. «Сатана постоянно пытается приблизиться к детям Бога через посредника. Он знает, что бесполезно напрямую нападать на дело живого Бога, но он всегда пытается дойти до каждого отдельного индивидуума через кого-нибудь, близкого к нему. Так было в случае с Иудой. Вспомним четвертую главу Евангелия от Матфея, где говорится, что Иисус победил дьявола. Если вы теперь откроете Евангелие от Луки, вы в описании Тайной вечери найдете, что пришел Сатана и был в образе Иуды Искарота. Он сказал: "Я не могу прямо к нему подступить, и должен потребовать смерти Иисуса Христа через кого-нибудь, кто близок к нему"». Отождествление евреев с убийцей Христа и особенно через ассоциации слов «Иудея», «Иуда», «еврей», весь этот пассаж изменяется в направлении трюка антифарисеев.

Религиозные отвлекающие маневры в действии

Согласно нашему основному тезису, религия, являясь сетью для ловли определенной группы населения, трансформируется в средство для политических манипуляций. Томас однажды утверждал: «Сатана сегодня не имеет власти над христианином, так как на Голгофе он пережил свое Ватерлоо». Такие языковые образы, подчиняющие спасение души земным событиям, являются символом отношения Томаса к религии. Голгофу он превращает, так сказать, в вечное Ватерлоо, так что его религия низведется до системы метафор для выражения «светских» битв и политической власти. Его ловкое

толкование Библии ради идей, которые в основном не совместимы с духом христианства, доходят часто до карикатуры. Его, в конце концов интересуют только результаты религиозного престижа и религиозного авторитета, что показывает доведенный до совершенства цинизм в обращении с библейскими рассказами. У него нет ни малейшего интереса к конкретной субстанции религии и, само собой разумеется, подчинение религиозных идей и языка религии политическим целям сильно принижает сами религиозные идеи. Голгофа, названная Ватерлоо, теряет свою уникальную значимость, которую вера в распятие толкует как акт спасения. Простая метафора, лишенная каких-либо догматических выводов, звучит для каждого христианина как богохульство. Тем, к кому обращается фашистская пропаганда, нужно было разъяснить, что фашистская манипуляция с догмой весьма кощунственна.

Еще заметнее становится элемент богохульства, когда это касается содержания библейских историй, которые привлекает Томас. Сверхъестественное значение библейского понятия о «насыщении десяти тысяч», например, толкуется в смысле беспощадности и бесчувственности на земле. «Наш господь, Иисус Христос, не является кормильцем, он кормит народ не ради насыщения. Чтобы вы не делали на словах и на деле, делайте это в честь Бога, ты знаешь, мой друг, что ты и я совершаем ужасную ошибку и что мы тому человеку больше вредим, чем приносим пользы, если мы ему что-нибудь даем, что ему не нужно. Не важно, что это, является ли это милостыней или тем, что мы для этих людей делаем, что он сам может для себя сделать. Ты отнимаешь у человека благодеяние жизни, ты лишаешь его радости труда. Мы должны покончить с современной ситуацией... как-нибудь, когда-нибудь. Если мы это не сделаем, то мы и дальше приучим миллионы людей в этой стране принимать милостыню.» Похожим образом он извращает идею Иисуса о хлебе жизни, чтобы использовать ее для клеветы на другие виды происхождения духа, а именно, автономную мысль вообще и идеи реформы в частности. Однако для Томаса характерно, что он, атакуя просвещение, не отваживается в то же самое время нападать и на технику, так как она, в конце концов, является предпосылкой и жизненным элементом его собственного метода пропаганды. «Я желал бы, чтобы мы могли вспомнить о сегодняшней Америке. Многие люди бегают за теми или иными вещами, к тому или другому обманщику, и они ничего не достигают. Здесь настоящий хлеб жизни, я уверен, что наша душа это знает. Сколько людей имеется на свете, которые пытаются найти истину, действительные цели жизни, без Иисуса Христа. Слушайте Бога, кроме, как через него, вы не можете найти никакой великой истины. У меня есть желание к Богу, чтобы мы узнали эту великую истину. Не желайте себе, чтобы мы вернули воспитание. Я благодарю Бога, что мы имеем могущественного Бога, благодарите Бога за печатный станок, поблагодарите Бога за газеты, благодарите Бога сегодня и наберитесь мужества, так как наш Бог еще на своем

троне. И я верю, что мы дадим залп, который услышат во всем мире.» Запутанные предложения, подобные этим, верно отражают запутанные идеи ханжеского фанатика, сторонника двух вещей, «доброе старого времени» и «радио», которое дает ему возможность говорить.

Вера для Томаса не только суррогат, чтобы изменить мир, но она и предупредительное средство, чтобы действовать против любого изменения, любых времен, которые и без того автоматически классифицируются как коммунизм. «Вы не видите, что если мы не восхваляем святость Бога, если мы не провозглашаем справедливость Бога в этом мире, если мы не провозглашаем факт неба и ада, если мы не провозглашаем факт, что без спасения и кровопролития нет и прощения греха. Вы не видите, что только Христос и Бог господствуют, и что в конце концов, над нашей нацией разразится революция.» Хуже, чем в этих фразах, не могло произойти превращение христианского учения в лозунги политической власти. Идея таинства, что течет «кровь Христа», истолковывается с задней мыслью о политическом перевороте как раз в смысле общего «кровопролития». Так как кровь Христа якобы спасла мир, Томас и говорит о необходимости кровопролития. Убийство получает ореол таинства, так что в основном от жертвы Христа только и остается, что «кровь евреев должна течь». И распятие низводится до символа погрома. Важные причины говорят о том, что эта абсурдная трансформация играет большую роль в традиционных христианских представлениях, чем это может показаться с виду.

Трюк «вера наших отцов»

Самым действенным связующим звеном между теологией Томаса и его политикой является идея «веры наших отцов». Ее можно назвать в основном антихристианской, так как христианство претендует на истину, и не на принятие ее через традиции: кто верит только потому, что это делали его предки, тот ни в коем случае не является верующим. Идея о предках имеет, кроме того, оттенок культа предков мистической природной религии, которой противоречит собственная сущность христианства. Однако, этот натуралистический элемент христианской веры, где он замещает католическое понятие о живой церкви, присутствует повсюду в христианстве. Даже субъективистские, лютеранские мыслители, как например, Кьеркегор, использовали это. Патерналистский авторитет выполняет всегда свою функцию — не давать уклониться тем, вера которых в истину самой христианской догмы поколеблена. В конце концов, христианская вера насильно достигается светскими внешними средствами, контролем патриархальной семьи, и, в то же время, воспринимается весьма респектабельно, смиренно и благочестиво. Томас, этим призывом, основой его ортодоксии, открывает путь для интерпретации, которая может быть легко понята в смысле агрессивного нативизма. «Книга, которая объединила

сердца миллионов людей, мужчин и женщин повсюду, та старая книга, которую любили наши отцы и матери, та древняя книга, которую они берегли и чтити, и которую также и мы, настоящее поколение, читаем, — старая книга, святые страницы которой мы листаем сегодня после обеда, напоминает нам о прошлом и дает надежду на будущее и готовит нас к раю на небе, куда отошли наши отцы и матери за все эти долгие годы.» Двусмысленное определение Америки, как «христианской нации», является следующей ступенью. Томас ссылается этим на якобы решение нашего суда и постоянно дает понять, что он при этом думает об исключении евреев из американской общности. «Послушайте, вначале Америка была христианской страной. Что бы ни развивалось в нашей стране во время ее прогресса, является результатом американизма. Когда Вы говорите об Америке, вы должны говорить о христианстве, так как Америка и христианство измеряются одними и теми же мерками.» И здесь раздается его призыв «к настоящему сорту людей», под которым Томас, по-видимому, имеет в виду те же самые типы, которые в Германии проложили дорогу национал-социализму. «Вас, учителей, призываю я сегодня после обеда, чтобы напомнить Вам, чтобы Вы и в будущем держали Америку в своих руках. Как клонится сук, так и растет дерево, и как дерево падает, так оно будет лежать. Нам нужны учителя, чтобы учить великим принципам жизни. Мы должны провозгласить великую истину Бога, нам нужны судьи в наших судах, которые помнят символы наших отцов, которые до сих пор существуют.» Что от этих учителей, судей ожидается строгость, едва ли стоит упоминать. Так силен традиционалистский стимулятор у Томаса, что он, несмотря на свое якобы отвращение к деноминации и конвенции утверждает, что «единственный путь молиться Богу это — идти на то место, которое посвящено молитве». Такие высказывания, которые больше согласуются с римско-католическим учением, чем с протестантской доктриной об общем священнослужительстве, показывают еще раз, что

Где парни старой бригады, и где страна, которую мы знали?
Стойко, плечо к плечу и клинок к клинку
Готовые к бою с песней маршируют по нашему пути,
парни старой

бригады.

Слава их памяти, где бы они ни были, Они были
незабываемыми товарищами.

В то время как при поверхностном рассмотрении милитаристский символизм должен проявить религиозные идеалы, сама религия Томаса служит символом фашизма. Американский христианский крестовый поход обобщает обе вещи; пробуждение веры и ортодоксальное христианство, но их общим знаменателем в пропаганде является фашистская организация.

4. Идеологическая травля

Вводные замечания

По сравнению с методом Томаса, конкретное содержание его речей играет только побочную роль. Психологическое «размягчение» слушателей в смысле фашизма не дает ни единой политической программы, ни единой критики существующего общественно-политического порядка. То, что его выступление насквозь лишено настоящих теоретических положений, объясняется, во-первых, намерением быть «практичным», и, во-вторых, вероятнее всего фактом, что у него нет никакой точной программы. Как большинство фашистских агитаторов, он, разумеется, руководствуется в меньшей степени политическими и социологическими рефлексиями, чем свойственным ему ярко выраженным чувством подражания пресловутым имеющим успех образцам авторитарных систем. Такой псевдотеоретичный подход наблюдается со времен начала режима Муссолини; он, по-видимому, имеет прочное основание в структуре самих авторитарных систем и может объясняться не просто циничным релятивистским презрением стоящего у власти разнузданного политика к истине и ее манифестации в теории. Скорее это можно приписать теории самой по себе, независимо от ее содержания. Даже если она исходит из произвольных домыслов, сам факт последовательного когерентного и консистентного мышления получает определенную собственную значимость, определенную «объективность». Она делает в глазах фашиста из теории проблематичное оружие, так как мышление само по себе отказывается быть только инструментом. Теория как таковая, рассмотрение автономных логических процессов, дает тем, на которых хочет оказать влияние фашист, некое чувство безопасности, разрешает им, так сказать, быть услышанными. Поэтому она, в основном, для фашистов является «табу». Его царство — это область бессвязных, неясных изолированных фактов, или, более того, форма их проявления.

Чем изолированнее они приводятся, чем больше выбранные излюбленные темы привлекают внимание обоих — агитатора и слушателя, тем лучше для фашиста. С полной перспективой на успех он может одновременно, но псевдотеоретично ударить по обоим: по еврейскому банкиру и по еврейскому радикалу. Если бы он попытался объяснить взаимную связь понятий теоретически, то он наткнулся бы на величайшие трудности, был бы вынужден прибегать к несостоятельным, изношенным конструкциям, как это довольно часто происходит в фашистской пропаганде. Между тем Томас, чтобы по-возможности избежать этой опасности, придерживается нескольких опробованных популярных мелодий. Этим, по-видимому, объясняется частично малая сменяемость мотивов не только у него, но и у большинства ему подобных. Специальные контрмеры должны были бы, например, «связать» изолированные темы, чтобы снять их остроту, сконцентрировать спор на опасных пунктах или, может быть, наоборот, поставить на первый план те факты и структуры, которые обычно выпускаются в фашистских аргументах. Что бы Томас ни делал, он преследует цель найти деликатные невралгические пункты политических противоречий, от манипуляции которыми он надеется получить немедленное эмоциональное эхо. Свои политические темы он выбирает с точки зрения их психологической значимости. И, таким образом, он предпочитает темы в большей степени нагруженные аффектом: коммунизм, администрация, особенно обсуждение вопросов безработицы, евреев, определенные аспекты внешней политики.

Имидж коммунизма

Все время подчеркивалось, что кампания против коммунистической опасности и радикализма является одним из краеугольных камней фашистской пропаганды и была на примере Гитлера весьма успешной. Она возвращается со всеми атрибутами травли красных, само собой разумеется, в речах Томаса. Например, техника доносить на каждого, как

реальные условия в России. Он никогда не затрагивает такие фундаментальные вопросы, как например, возможно ли бесклассовое общество в современных условиях, или улучшилось ли положение масс в России. Он никогда не исследует конкретизированные марксистской теорией идеалы. Вместо этого, он создает о коммунизме картину, как о призраке дьявола, который существует только для того, чтобы пугать людей видением их предстоящего уничтожения. Кроме как в самых туманных обобщениях, например материализма, он не нападает на марксистскую систему. Однако он оглашает «сказки» ужаса весьма фантастического содержания, которые похожи на записки сионских мудрецов. Он борется против «ветряных мельниц», строит параноидную систему, которую сам потом и атакует. Этот механизм имеет особое значение, так как он показывает глубоко укоренившуюся тенденцию в фашизме, скорее выступать против воображаемых картин, чем против действительности, которую они изображают. По двум причинам преследуемые фашизмом большей частью являются фикциями по своей природе. С одной стороны, реальность таких групп, как коммунисты или евреи, не давали бы ему в достаточной степени объекта ненависти, так как Томас должен был бы обсуждать коммунистическую теорию, он бы подвергался опасности заинтересовать ею своих сторонников. С другой стороны, он рассчитывает, сознательно или неосознанно, на «параноидальную склонность» среди них, на нечто вроде мании преследования, которая стремится к подтверждению своих дьявольских признаков. Он знает, что может подчинить своему влиянию слушателей, только удовлетворяя это желание и приспособлявая свои измышления соответственно их психологическим желаниям. Основная схема — это коммунизм, характеризующийся как заговор, концепция, которая отражает конспиративный характер его собственного шантажа.

Этот аспект является не только образцом травли против красных, но и еще в большей мере образцом антисемитизма. Отвратительные и малопонятные карикатуры в «Штюрмере» характерны для всех действий фашистов. Психологическая атака относится в меньшей степени к евреям как настоящим людям, а в большей степени к их мифическому образу, который представляет собой смесь из восприятий, остатков архаического представления и проекций психологических инстинктов. В давние времена уничтожали магический образ, чтобы убить изображенного человека;

сейчас можно говорить почти о противоположном: евреи уничтожаются, чтобы разрушить их образ. Часто поэтому может быть менее уместно защищать их от критики, которая, в конце концов, нацелена на фетиш, чем излагать фетишистскую природу фашистского понятия «евреи». Важно вскрыть элементы фетиша и их относительную независимость от действительности и проверить его психологическую функцию. Только так может быть эффективно уничтожен имидж. Ожидая защиты евреев, какими они являются по-настоящему, имидж их останется довольно непроницаемым,

антисемитизм ведь базируется меньше на еврейских особенностях, чем на менталитете антисемитов.²⁶

Превращение коммунизма в мрачный заговор совершается с помощью пассажей, как этот: «Я спрашивал себя, знаете ли Вы, что Сталин, Иосиф Сталин, в последний год, заметьте это себе, опубликовал план уничтожения США, это известие было разослано всем коммунистическим диверсионным организациям и секретарям.²⁷ Вот обдумайте это и поразмышляйте, как обстоят дела и что происходит во все увеличивающемся размере во всей нашей нации. Посмотрите, как поступают некоторые конгрессмены, как поступают некоторые сенаторы, что делают некоторые вожди в нашей стране. Тогда вы сможете сами судить о серьезности момента. Таковы нашептывания дьявола. Я их вам назову, насколько я это могу сделать в течение ближайших минут». (Очевидно, он хочет возбудить аппетит тем, что теперь будет разглашать. Он надеется при этом доставить своим слушателям массу острых ощущений.) «Он (Сталин) говорит о религии:

"Философией и мистицизмом, развитием либеральных культов, поддержкой атеизма мы должны истребить все христианские вероисповедания"». Эта бессмысленная цитата точно подходит к приведенным выше гротескным утверждениям. Что касается марксистской теории, то Томас прибегает к простому методу — помериться с ней силой. «Послушайте, друзья, что мы можем ожидать, если расскажем нашим детям, что человек не имеет души, если мы им сообщаем такие учения, как манифест Карла Маркса. Он окончательно подготовил мир для коммунизма, мои друзья; мы в этой стране идем навстречу аду. мы позволили этому учению, этому частному учению проникнуть в нашу страну, оно пронизало весь наш дом и семью (!). Оно проникло в школу. Мы допустили, что наш учебный план был построен на этих гипотезах, что человек не имеет души, что человек и вся жизнь появились на земле посредством органического развития или как-то по-другому. Мы должны немедленно отвернуться от этих воззрений, или мы погибли... Это воззрение, которое закладывает основы коммунизма.» Характерно, что при описании коммунистических учений не упоминаются понятия ни классовой борьбы, ни капиталистической экономической системы вообще и подчеркиваются только биологические теории, которые никогда не играли у Маркса решающей роли, или утверждения, которые ему приписывались по ошибке.

Трюк «коммунист и банкир»

Тема важнейших историй ужаса Томаса — это якобы заговор с целью создания финансовых кризисов и банкротств. Когда он обсуждает коммунистическое понимание собственности, он привлекает не понятие социализации, а только понятие манипуляции, которая

заговора» с «заговором банкиров» извлекает выгоду в первую очередь антисемитизм. «Несколько лет назад встретились мужчины. Дайте мне рассказать вам их план и их программу и слушайте, что они сказали: "Мы открыли боевые организации в различных государствах, где имеются восстания и скоро будут беспорядки и банкротства повсюду". Это было незадолго до 1929 г., когда мы увидели, что к этому идет дело в США. Мои друзья, разваливается одна нация за другой, мы видели столицы мира в смуте, мои друзья. Теперь мы это видели в наших США. Мятеж и банкротство скоро будут повсюду. Слушайте, что они говорят. Мы будем выдавать себя за спасителей рабочих от эксплуатации. Когда мы их будем уговаривать вступить в нашу армию социалистов, анархистов и коммунистов, мы протягиваем им руку всегда под прикрытием господства братства.» Хотя Томас маскирует эти высказывания как цитаты, он никогда не приводит точные источники. Очень вероятно, что он вычитал их из фашистских газет или памфлетов, так как нет ничего смешнее, чем изображение якобы официального коммунистического соединения социалистов, коммунистов и анархистов. Он продолжает: «Разве это не то, что они сделали с нашей нацией? Разве это не то, что заставляет лопаться один банк за другим, пока, мои друзья, не будут разорены тысячи банков в США». По марксистской теории, законы капиталистического производства вызвали кризис. Фашизм наносит ответный удар, приписывая кризис манипуляции коммунистов, однако он не старается вскрыть, как функционируют эти сатанинские махинации или как коммунисты вообще, пока существует капиталистическая система, могли повлиять на экономику Америки. То, что определенная группа капиталистов, а именно, финансистов, в заговоре с коммунистами, остается для слушателей Томаса единственно возможным объяснением, хотя оно и не выражается четким образом. Посредством такой техники, которая имеет различные преимущества, можно дискредитировать в первую очередь коммунизм; он не выступает больше как всеохватывающая общественная система, а как хитрый обман жадных до прибыли рэкетиров. Более того, посредством этой техники можно обвинять специально подобранную капиталистическую группу «непродуктивного капитала» в подрыве основ частной собственности, которую банкиры должны как дельцы представлять. Кто подвергается такой пропаганде, должен был бы, собственно говоря, возразить, что никакая капиталистическая группа не будет интриговать против системы, которой она обязана собственной прибылью. Однако, как абсурдна ни была бы эта техника, фашистская пропаганда все время к ней прибегает. В доверительной речи Томас подогревает, например, старую историю о международных еврейских банкирах, которые финансировали большевистскую революцию. Очевидно, эта формула имеет мощную иррациональную психологическую опору. Комбинировать ненависть к евреям как к капиталистам с проклятиями в их адрес, как к подрывным радикалам — это самый простой

путь. Многие люди, которым довольно непонятны операции на бирже, например, термины, Hausse и Baisse*, не доверяют банкирам. Последствия, которые они часто испытывают на собственной шкуре, заставляют их персонифицировать анонимные причины финансовых потерь и обвинять жадные группы заговорщиков. Хотя свойственный биржевым сделкам этикет далеко идущего «иррационального», непредвиденного, побледнел в эру экономической концентрации, позиция по отношению к финансистам в эпоху, когда «финансовый капитал», кажется, потерял многое от своей власти XIX века, стала привычной. Эта позиция принимает даже угрожающий характер. Причиной для сегодняшней вражды является, по-видимому, как раз чувство, что банкир не имеет больше прежней власти, что его легко устранить. Представление о его всемогуществе только рационализирует проснувшееся чувство его бессилия. Наоборот, представление, что коммунисты являются заговорщиками и преступниками, основывается на их отрицании капиталистической системы, которое навязывает им определенные ограничения при формулировании их целей и тактик и придает им в глазах многих мистический оттенок.

В отношении борьбы против «непродуктивного» капитала, одного из самых действенных стимуляторов антисемитизма, мы ограничиваемся здесь двумя наблюдениями: во-первых, финансист вызывает ненависть, потому что он, по-видимому, наслаждается жизнью и роскошью, не располагая, как промышленник, действительной властью приказа, во-вторых, «могущественный банкир» является только увеличенным символом посредника (дилера из сферы обращения), который несет ответственность за то, чтобы независимое население платило за экономический прогресс, происходящий в области производства. Посредник выполняет функцию психологического и экономического «козла отпущения», и эта функция страстно оберегается благодаря определенным экономическим интересам. Само собой разумеется, что

* Hausse и Baisse — (.фр.) повышение, понижение курса

вательно, она должна быть представлена попыткой лишить их в некоторой степени имущества, которое они называют своим собственным, а не стремлением существенно поднять жизненный уровень всего населения. Коммунист приравнивается к разбойнику и вору, к тем грабителям, которые обычно плывут в кильватере фашистских переворотов. «Второе, что коммунисты намереваются: они хотят, по Томасу, общего введения атеизма, отменить всякую частную собственность и право наследства. Они коварно и хитро овладели нашей собственностью. Они говорят, всякая частная собственность и всякое наследство должны быть отменены. Это значит обобществление любого, даже незначительного владения. Это означает конфискацию всего того, что дорого мне и Вам.» По-видимому, этот аргумент — самый убедительный для вербовки маленького человека в ряды фашистов.

Из фашистского арсенала берется последняя стоящая упоминания техника Томаса — «травля красных». «Товарищи, ротфронт и реакция расстреляны», говорится в песне Хорса Весседа; Томас украшает свои тирады против коммунизма враждебными ссылками на «реакцию», хотя она ни в коей мере не имеет такой силы, как подстрекательство против красных. Если бы, однако, только коммунизм был предметом поношений, то неимущие, на которых направлена пропаганда, могли бы почувствовать недоверие. Поэтому он маскирует свою цель, внушая своим слушателям, что нужно считать противниками также старомодных реакционеров, группы, которые недостаточно заботятся о массах. С другой стороны, в фашизме есть слабая реальная основа для атак на реакционеров:

антагонизм по отношению к некоторым соперничающим консервативным группам, с которыми ему часто приходится объединяться, но которые он в конце ликвидировал как это

агитатор, скептически относятся к господствующему классу, который они привыкли рассматривать как господ и эксплуататоров, последние (при этом не важно, являются ли интересы фашистского движения родственными их собственным) все же кажутся неподходящими для грубого ремесла непосредственного угнетения, которое и означает фашистское управление. Культурная традиция, социальный страх, даже снобизм, запрещают высшим классам, по крайней мере до определенной степени, те виды поведения, которыми авторитарная система осуществляет свою власть. Поэтому фашисты временами порочат их как высокомерных и «далеких от народа». Очевидно, что между старыми и новыми «элитами», между элитой, обладающей крупной собственностью, и теми, кто ее охраняет и в значительной степени контролирует с помощью своего аппарата террора, существует соперничество. «Реакция», старый господствующий класс, выполняют, таким образом, пропагандистскую цель — привлечь к себе радикальные массы, не подвергая опасности авторитарный аппарат. Так как фашистская пропаганда против «реакции» в противоположность пропаганде против «еврейского» банкира, остается довольно общей, и приводит, кроме как в экстремально критических ситуациях, очень редко к действительному конфликту, Томас достаточно осторожен, чтобы говорить о старых «реакционных» группах и оставляет открытой дверь для их включения в свою собственную, более актуальную версию.

Нападки на правительство и президента

Богатый материал имеется у фашистов под рукой для нападок на правительство. Демократический режим всегда можно описать как «косвенно» отчужденный от народа» холодный и институциональный. Его нейтралистская природа постоянно дает возможность обвинить его в игнорировании интересов народа и особенно тех, кто живет в отдаленных частях страны. Всегда можно вытащить «пугало» бюрократизма, где централизованный демократический режим должен состязаться с изощренностями закона разума и конституционного права. Его постоянно можно обвинять в дороговизне и коррупции. Маленькому человеку, который платит налоги и не видит, кому непосредственно на пользу идут деньги, каждый расход кажется «расточительством». Психологическими средствами фашистской рекламы являются ментальность налогоплательщика, к которому действительно или якобы предъявляют слишком большие требования, и присущее ему сопротивление против централизованного правительства, так как в анонимном государстве, которое не способно гарантировать жизнь тем, от которых оно берет, сбор налогов имплицитно вызывает чувство несправедливости. В своем желании подражать экономически превосходящим, даже группы, которые, являясь, по-видимому, сторонниками Томаса, платят только незначительные прямые налоги, часто

впадают в ментальность «перегруженного» налогоплательщика. Эта тенденция имеет склонность к тому, чтобы стать собственным «вероисповеданием». В итоге скрытая обида обращается, однако, против правительства, которое только «берет», а не против социальной системы, которая делает налоги неизбежными. Где фашизм приходит в власти, он увеличивает налоги, однако они, по крайней мере вначале, ловче замаскированы чем, например, пожертвования на благо отечества и собратьев по нации. Ссылки на народную идею, сопровождаемые террором, временно прекращают всякую дискуссию по поводу налогов. То же самое относится к коррупции. В странах, где господствуют разнузданные, деспотические группы, без сомнения, имеется больше случаев расточительства и коррупции, чем в демократических государствах, но они держатся в тайне и очень редко эта тема обсуждается, в то время как демократия допускает ее свободное обсуждение, и таким образом создает иллюзию, что она является рассадником коррупции. «Прогрессивное», подчеркнуто демократическое правление при Рузвельте является особенно подходящей целью для враждебного в отношении правительства поведения фашистов, хотя ее оппозиция ни в коем случае не определяется существенно Новым курсом. Однако фашистская пропаганда против Нового курса жива либеральной традицией США, которая рассматривает любое государственное вмешательство в экономические дела как средство для критики существующего.

Томас ненавидит президента и хочет, чтобы его слушатели также его ненавидели. Однако, он всегда называет его «наш президент», молится за него и делает вид, что он хранит традицию терпимости в американской демократии. Но он хочет только одного: «Президент должен покаяться». Христианскую идею покаяния он коварно превращает в средство очернить первого человека исполнительной власти: «Мой друг, я говорю тебе очень серьезно, так серьезно, как только можно говорить человеческому существу; если ты не будешь раскаиваться, если федеральный судья не раскаивается, если члены Сената не раскаиваются, если каждый мужчина или каждая женщина в нашей стране не будут раскаиваться, они не увидят царства Божьего». По-видимому, здесь «каждый мужчина или каждая женщина» являются дополнением, а главной фигурой является президент, который никогда не давал повода сомневаться в своих принципиально либеральных воззрениях.

Намеки связывают президента, его аппарат управления или, по крайней мере, некоторые «вышестоящие органы» с коммунизмом. Этот трюк применяют однако не только фашистские агитаторы, а почти все противники демократического режима. «Почему Америка хочет поддерживать нечто подобное (искусственно организованный экономический кризис)? Разве это возможно, мой друг, чтобы поощрение в высших инстанциях приводило к таким вещам?» Название одной из его речей накладывает на демократическое правительство четкое клеймо коммунизма. «Это правда, что предпо-

лагает Торговая палата, что коммунизм является действительной целью некоторых людей в окружении президента?» В доверительной речи он доходит до утверждения, что хотя писания сионских мудрецов являются, как доказано, фальсификацией, однако их глубинная правда была подтверждена Новым курсом. По-видимому, правительство выполняло шаг за шагом все изложенные в них планы. Точно так же аргументировал нацист Розенберг, после того как швейцарский суд вынес свой приговор. Разумные опровержения остаются бессильными против таких легенд или напештываний, которые позволяет себе Томас в отношении правительства. Как только их нельзя сохранить на объективном уровне, они переделываются с помощью вспомогательных гипотез или путем сдвига с уровня фактов на уровень «глубинной правды».

Нападки на президента ни в коем случае не являются чем-то новым в США. Они всегда были со времен Эндрю Джонсона. Исторический анализ, наверное, раскрыл бы перманентную готовность некоторых политических групп обвинять президента. Это ирония, что мятежники, выступающие против Эндрю Джонсона, называли себя «радикалами». Нехарактерным и слишком простым кажется нам тезис, что позиция населения в отношении президента является амбивалентной, так как он имеет имидж отца. Современные монархии, как например Великобритания, имеют мало аналогичного по сравнению с нападками на президентов в республиках. Скорее эта привычка объясняется проявлением демократии вообще и американской конституции в частности. «Что правительство народа посредством народа и для народа» наделяет отдельного индивидуума значительной властью президенства, масса народа воспринимает, очевидно, как парадокс; это вызывает по крайней мере неосознанно сильное сопротивление. *Prima facie** — высшая исполнительная власть, вызывает возмущение, как монархическая и «недемократическая», и создает, таким образом, постоянную готовность призывать на борьбу против нее систему контроля и равновесия и обвинять ее, высшую власть, в нарушении своих границ и в стремлении к диктатуре. Сегодня старое сопротивление прежней, или «народной демократии», идет вразрез с идеей демократии посредством заместительства, и институт президента служит в первую очередь для того, чтобы поддерживать совершенно другую идеологию. Президента упрекают меньше в «антидемократической власти», чем в том, что она «незаконна», что его авторитет не является естественным выражением современных коренных отношений власти. Поэтому фашист желает их разрушить. Старые реминисценции абсолютистской легитимности были превращены в идею, однажды интерпретированную Геббельсом, что только тот, кто использует власть, ее заслуживает, т.е. кто ее использует в целях беспощадной эксплуатации. Президента, заклеенного как человека, который хотел бы быть

* *Prima facie* — (*nam.*) с первого взгляда: по первому впечатлению: на первый взгляд.

диктатором, по существу презирают, так как он не может и не хочет действовать как диктатор, так как представляет систему и группы, не являющиеся диктаторскими. По существу, хулителю президента чувствуют, что легальная власть, которую он воплощает, не полностью покрывается его реальной общественной властью, что решающие экономические силы находятся вне его сферы, в другом лагере. Поэтому его конституционные права воспринимаются как «нелигитимные» по сравнению с крупной промышленностью, которая является выражением сущности деловой культуры. Современные нападки на президента означают конфликт между формальной демократией и экономической концентрацией, который имеет тенденцию расширяться вместе с последней. В высшей степени аналогична ей прежде всего история Третьей Французской Республики; в ней не только аристократия упорно смотрела на официальный демократический режим сверху вниз, но также и самые влиятельные экономические силы. Ненависть к президенту едва ли отличается от ненависти к высшим финансовым кругам, с которыми фашисты любят его связывать.

Трюк «возьми свою постель и ходи»*

Наряду с нападками на президента и общим клеветническим утверждением, что режим Рузвельта якобы поощряет атеизм, коммунизм и модернизм, имеется еще один специфический аспект, на который нападает Томас — это тактика Нового курса по вопросу безработных. В этом вопросе у него исключительно отсталые взгляды, он апеллирует к группе мелких собственников. Он недооценивает значение проблемы безработных и влияние давления, которые они могли бы оказать, в то время как более продвинутые фашисты, как например, Фелпс, пытаются привлечь безработных на сторону «движения». Возможно, этот аспект в большей степени является причиной неудачи пропаганды Томаса, хотя, с другой стороны, он привлек также группы, которые по

* Марк II, 9

и если потом, милостью Бога, не захочешь работать, то и не будешь также и есть. Почти невозможно заставить мужчину или женщину работать. Мы должны покончить с этим состоянием.» Та же самая техника выполнила в Германии свою цель. Само собой разумеется, безработные там тоже должны были быть накормлены, однако их привлекали на короткое время к «работе»; их заставляли делать ненужные и незначительные вещи, а потом вооружаться к захватнической войне. Идея, что никто не должен есть, не работая, если даже его деятельность сама по себе чрезвычайно излишняя, оказалась с точки зрения психологии очень эффективной. Один из парадоксов сегодняшней ситуации состоит в том, что вокруг самой жалкой группы безработных концентрируется зависть, так как они освобождены от тягостного труда. Эта зависть является инструментом, чтобы подчинить их как «солдат армии труда» контролю господствующей группы, в то время как она (зависть) доставляет некоторое удовлетворение тем, кто имеет рабочее место. Отвращение Томаса к правительству возникает в общем и целом из этой интенции. Мысль, что безработных нужно принуждать к работе, Томас иногда выражает в форме вымышленного призыва к аграрной реформе, и этим он проявляет свое родство с идеологией крови и земли. «Правительство должно бы предоставить средства производства и каждому дать десять морген земли, или столько, сколько он вообще может обрабатывать, и его послать и заставить зарабатывать хлеб насущный в поте лица своего.²⁸ Сейчас имеются миллионы людей в этой стране, которые не хотят работать и которые отказались бы от предоставленного места, если бы они имели такую возможность.» Чтобы провозгласить необходимость сильной руки, безработных подозревают в лени и в качестве единственного шанса научить их работать, «интегрировать» их и одновременно наказывать за лень, предполагает исподтишка фашистский режим. На первый взгляд, ожидаешь, что такой цинизм оттолкнет массы и настроит их против Томаса, хотя в отношении некоторых слушателей это имеет место, и было бы слишком рациональным предположить, что это сыграло бы еще большую роль. Томас ловко использует парадоксальное желание сильной руки у тех, которые должны были бы ее испытать на себе. Авторитет им по вкусу не только потому, что он обещает уверенность, но также и потому, что они отождествляют себя в такой сильной степени с системой власти, что они хотят подчиниться любой трудности, как свидетельству власти и силы, посредством которой их собственное унижение, как кажется, их соединяет. В империалистической Германии многие бывшие солдаты, которые при прусском милитаризме терпели самое грубое обращение, позже восхваляли военную службу, как самое прекрасное время их жизни. Это позиция, из которой исходит Томас в своей кампании в отношении безработных. Нет никакого средства, чтобы исследовать этот феномен, но не стоит удивляться, что он завербовал значительное число сторонников из рядов тех, которых он бичевал за их мнимое нежелание работать. Возможно,

это как раз те, которые оказываются быстрее всего готовыми к эксцессам против слабых.

«Евреи идут»

Только замаскированно и побочными путями антисемитизм выступает в речах Томаса по радио. Не только правила радиовещания мешают ему, но прежде всего религиозная среда. Хотя она окружает его нападки ореолом теологического авторитета и служит ему для того, чтобы скрыть свою ненависть под маской христианской любви, она требует все же в некоторой степени уважения к народу Ветхого завета и несовместима со слишком открытой атакой на группы меньшинств. Что Томас является ярким антисемитом или, по крайней мере, был им, доказывают доверительные речи, намеки на это встречаются и в речах по радио. Модуляция речи и ораторская поза указывают на то, что имеются в виду евреи, когда он говорит о «этих силах», и что его слушатели это знают. Вес антисемитской пропаганды в речах Томаса несравнимо больший, чем сумма его неприкрытых враждебных высказываний против евреев.

Мостом между теологическим антииудаизмом и фашистским антисемитизмом является Палестина. И если тема, на первый взгляд кажется взятой довольно издали, сообщения о новых поселениях и экспансии евреев, по-видимому, имеют определенное значение для антисемитов. К их самым главным движущим силам относится жалоба, что евреи «идут». Они должны «уйти, они здесь нежелательны». Они рассматривают их как захватчиков, нарушителей законов и ощущают их существование как угрозу возможности чувствовать себя «дома». В действительности же они не хотят их терпеть на земле ни в каком месте. Они обвиняют их, что они стремятся к мировому господству, а на деле сами желают этого. Евреи для них символ того, что они еще не владеют всем миром. Временами запутанные ссылки Томаса на поселение евреев в Палестине в качестве знака приближающихся дней страшного суда (эти ссылки не дают возможности узнать, принимает ли он их или отвергает), отражают амбивалентность нацистов в отношении сионизма. Они его приветствовали как средство отделаться от евреев и считали его опасным, или по крайней мере об этом заявляли, так как они опасались распространения еврейского национализма за границы страны. За этой амбивалентностью вырисовывается тень смертельной ненависти. В соответствии с фашистским мышлением, евреи не должны ни оставаться там, где они сейчас живут, ни иметь возможности образовывать собственную нацию. Альтернатива — истребление. Их поселения описываются как сообщение о фактах, но простой характер выражения имеет оттенок угрозы. Публика должна ужаснуться при представлении о якобы чрезмерно выросшей власти евреев в Палестине, перед этой вызывающей ужас опасной картиной. И если в сообщениях не называются имена, то это может

распалить даже общество — мы сопровождаем следующую цитату постоянно соответствующими комментариями: «Итак, евреи возвращаются. По последнему сообщению Еврейского телеграфного агентства, недавно в Палестине поселилось больше еврейских фермеров, чем их было 2000 лет назад. Она является сегодня с экономической точки зрения самым многообещающим местом во всем мире. В Палестине нет депрессий. [Имеется в виду то, что евреи энергичны и дела у них идут хорошо.] Естественные источники той нации [говорить о евреях как «той нации» — это одна из стандартных уловок; два по виду, с точки зрения языка, оправданные слова дают картину народа, который каждый знает, но не хочет называть по имени] теперь эксплуатируются и развиваются. Я недавно читал сообщение о химикатах, которые осели на дно Мертвого моря [трюк заговорщика]. Тот химик сказал, что где-то в Мертвом море находятся жизненно важные химикаты стоимостью около 15-25 тысяч миллиардов долларов. [Томас говорит о потенциальной химической ценности источников Мертвого моря, или, он хочет сказать, что евреи спрятали на его дне ядовитый газ; это он хитро оставляет толковать в двусмысленном смысле в надежде, что его наивные слушатели поверят в последнее, хотя это является выдумкой.] На берегу Иордана сегодня строится больше гидроэлектростанций [кошунственная комбинация святого библейского имени с ультрасовременным термином должна внушить слушателям отвращение]. Университеты растут как грибы из под земли. Друзья, это верный признак, что время христианских народов подходит к концу. Почему? Потому что христианские народы делают точно то же, что делали евреи тысячи лет назад, что вызвало изгнание их из стран и побудило Бога отвергнуть еврейский народ. [На евреев сваливают грехи христиан; ударение в этом непонятном предложении падает на слова: «отвергнуть еврейский народ», возможно, это единственное, что может понять мозг его слушателей.] Итак, они были рассеяны и не имеют родины уже 2000 лет, скитальческий народ, блуждающий по свету. Между тем Бог сказал и дал власть христианским народам. С окончанием христианской веры одновременно возвращаются евреи, многие из них возвращаются к нашему Господу и спасителю Иисусу Христу. [Позитивно звучащее предложение усиливает общее смятение и удивление и намекает, кроме того, на то, что крещенные в Палестине евреи могут быть спасены, но кто останется и придерживается иудаизма — под последними понимаются американские евреи — являются самыми недостойными.] Однако, многие возвращаются в Палестину в неверии, но, друзья мои, недалек тот час, когда армии христианства в великой битве у Армагеддона, которая, так я думаю, придет с окончанием следующей большой войны, евреи соберутся в той стране. Они будут окружены со всех сторон и упадут ниц и в час величайшей нужды будут звать Бога, и Бог ответит им с неба; и Иисус Христос, которого они отвергли, их старший брат, придет с мощной силой спасения». Другими словами, в соответствии с большой программой, на

которую надеется Томас фашист, как проповедник же он им предлагает перспективу для спасения. Идея расплаты с евреями после второй мировой войны — является одним из главных антисемитских лозунгов (1943 г.), появилась в речах Томаса восемь лет назад. Без сомнения, ею сознательно манипулируют фашистские агитаторы. Хотя в угрожающем масштабе распространенная среди солдат, она совершенно не зависит от войны и от поведения евреев во время войны. Раздута она искусственно.

Важнейшим шахматным ходом в косвенной антисемитской пропаганде Томаса является намек на библейскую вину евреев. Он полагается на то, что его слушатели перенесут старое осуждение на современность. «Бог предупреждал народ устами его пророков, что, если он не возвратится к нему, и не восстановит в стране справедливость и сострадание. Бог обязательно сделает так, что народ погибнет как нация, попадет в плен и будет побежден соседними народами.» Чтобы внушить слушателям непосредственную связь между Иудеей и Америкой, а именно, виновность сынов Иудеи в «американском кризисе», Томас сравнивает современную Америку с Иудеей времен пророков. Хотя он не высказывает этой мысли, звуковое построение всего пассажа и постоянное повторение имен «еврей» и «иудеи», создает это впечатление. Совершенно очевидной становится его техника манипулирования голосом в следующей цитате: «Коммунизм является ничем иным, как синагогой сатаны, о которой говорил нам наш Господь». Интерпретация коммунизма, как синагоги сатаны, при поверхностном рассмотрении является только библейской метафорой; применяя греческое слово «синагога» в отношении еврейского храма, он связывает, однако, коммунизм с евреями, другими словами, предложение говорит о том, что евреи и коммунисты — одно и то же.

Трюк «проблемы»

Когда Томас отваживается иногда неприкрыто делать антисемитские замечания, он первично делает упор на наличие «еврейской» проблемы в Америке. Но пока в демократии фарса разрешается продолжаться таким «проблемам», антисемитизм завоевал первую, особенно легкую и опасную победу, ибо выражение «проблема», которое кажется нейтральным и научным, ведет в действительности к понятийному обособлению евреев и характеризует их как будущих жертв специальных административных мер.

Трюк «проблема» требует особый техники псевдообъективности. Где Томас становится незамаскированным антисемитом, там он представляется одновременно другом евреев. Эта весьма значимая констелляция звучит следующим образом: «В каждой стране мира имеется сегодня этот огромный конфликт между евреями и правительством, а также людьми, которые воплощают ту нацию. Сегодня нет страны, которая не имела бы еврейской проблемы, ни одной. Я говорю сегодня (!), как друг евреев. Я говорю

сегодня как один из людей, который принесет им Евангелие Иисуса Христа. Я говорю вам без какой-либо боязни противоречия: в настоящий момент имеется еврейская проблема, которая не умрет во всем мире. Это предвестник, предшественник того дня, того часа, когда те люди будут собраны там в большой стране, куда они возвратятся в неверии. Но в один из этих дней они обратятся к Иисусу Христу, чтобы он их освободил, и он придет и потребует назад свой древний народ... Разве это не проступок христиан этого мира, что мы упустили принести тому народу Евангелие Иисуса Христа? Мы собираем плоды того, что сами посеяли». За ханжескими обвинениями христиан, что они не смогли обратить евреев в христианство, за жестом раскаяния и намека на наказание со стороны евреев громоздятся в действительности еврейский призрак и коммунистический мировой заговор, и такая цитата из Библии подстрекает к «акции защиты», так как евреи якобы господствуют в мире, пока христиане не объединятся против них: «Они погибнут от меча, и Иерусалим будет раздавлен, пока не придет время христиан». Следующая цитата порождает настроение паники и еще более усиливает нападки на евреев: «Иерусалим опять в руках евреев, он родина евреев, он опять был для них восстановлен... Евреи в Палестине в соответствии с осуществлением пророчеств Бога, там сейчас больше евреев, чем в какое-либо время в течение двух тысяч лет истории [угроза для христиан]. 1917 год был критическим временем в нашей истории. И как бы это ни казалось странным, вы знаете, что когда генерал Алленби захватил город Иерусалим, он сделал это от имени короля Георга... с этого самого момента Бог отдал его в руки сионистов, с этого часа произошли еще и другие события: коммунисты проникли в Москву как раз в то время, когда была освобождена Палестина. Начался упадок церкви, она ослабла и потеряла жизненность. Что еще случилось? Вы видите, как распространяется по всему миру план антихриста закрепить свою власть на земле во всех христианских домах». Сионисты, коммунисты, британцы замешаны в огромном заговоре. Подобно Фелпсу и другим фашистским агитаторам, Томас тоже включает англичан в свои нападки на евреев и коммунистов;

национал-социалистическим правительством британцы даже были названы «белыми евреями».

Обычно Томас начинает с отождествления евреев и дьявола (как убийц Христа), дает их описание в виде дьявольских заговорщиков в течение всей мировой истории, и этот вид нападок он предпочитает описанию их как подражателей и бесхарактерных захватчиков, как нелюдей, он проявляет этим специфическое различие между немецким и американским антисемитизмом, который должна учитывать контрпропаганда. Немецкие евреи, в противоположность американским, укоренившиеся в Германии в большом количестве много веков назад, большей частью ассимилировались;

антисемиты должны были нападать как раз как на ассимилированных, и обвиняли их, что евреи хотят слиться с христианами, отравить их «изнутри».

В Америке, где еврейская эмиграция в массовом масштабе началась только в XIX веке, и ассимиляция евреев незначительна, они выделяются яснее как национальное меньшинство; антисемит может их поэтому просто обвинить, что они другие, не как все, и может заподозрить их как закрытую национальную группу в конспирации и в стремлении к захвату политической власти. Антисемитский аргумент представления евреев как более слабых, однако, полностью отсутствует в арсенале Томаса. Возможно, он оказался в Германии самым рискованным. Библейский блеск, который Томас приписывает евреям, является своего рода защитой от презрения и осуждения и делает его специфическую кампанию против евреев относительно безвредной. Однако, может быть, те трюки, которые не направлены косвенно на евреев, являются более сильным психологическим оружием против них, чем его собственные антисемитские выпады.

Позиция Томаса в отношении внешней политики

Обращение Томаса к американизму нельзя сравнивать с нацистской эмфазой идеи об отечестве и германской расе, а является, может быть, учетом чувств его слушателей, только более слабым эхом. Он использует пацифизм в отношении иностранных дел так же, как и антикапиталистические тенденции во внутренних американских делах. В такой стране, которую не затронули войны с другими народами и превосходство которой всегда оставалось неоспоримым, не мог развиться сильный военный патриотизм. Вследствие этого, несколько отрицательный американизм Томаса ограничивается большей частью обсуждением грозящей стране опасности, ее мнимой изнеженности и декаденства. Он игнорирует ее силу и право на господствующее положение в мире. Его внешняя политика состоит в патриотической экзальтации и одновременно в отказе от стремления к власти других народов. Он содействует национализму как таковому, однако симпатизирует, точнее говоря, больше немецкому национализму, модели его фашистских идеалов, чем внешнеполитическим целям американского народа.

Некую амбивалентность в отношении проблемы войны отражает предпочтение Томасом национал-социалистов, в игре которых он также участвует. Несмотря на свой американизм, или, скорее из-за своей фашистской концепции для Америки, он, кажется, действует успокаивающе. Он использует американскую волю к миру в качестве давления направить страну в когти агрессивных наций. Он приводит длинные и запутанные аргументы, которые заканчиваются оправданием германской подготовки к войне. «Нет никакого, абсолютно никакого сравнения с тем, что происходило в мире, и тем, что происходит сейчас. Все государственные деятели в мире дрожат на своих постах от страха перед завтрашним днем. Британские государственные деятели, каждый в отдельности, говорит, что

войну в Европе долго сдержать не удастся. Франция и Германия, Италия и Англия, Россия и Япония — каждая нация готова. Они вооружены до зубов, они готовы к началу ада на земле. Не из-за того, что одна из этих стран этого желает. Мое мнение таково, что каждый государственный деятель в Европе ненавидит войну, если они знают, что это такое, она им омерзительна. Когда вам что-нибудь рассказывают о том, что кто-то потрясает оружием в мире, о людях, которые хотят войны... Я не верю, что какой-нибудь сумасшедший желает войны, несмотря на факт, что они не хотят никакой войны, их толкают неизбежно, шаг за шагом, дюйм за дюймом к бездне, в следующий большой, убийственный для людей конфликт.

Почему так? Почему мы не можем сдержать войн? Как так получается, что коммунисты в этой стране проповедуют, что

Америка должна разоружаться, а России разрешается вооружаться? Нет, я вообще не придаю большого значения этому виду пацифизма, и я не верю, что какой-то человек, к примеру американец, у которого есть голова на плечах и есть глаза, чтобы смотреть, и который имеет достаточно разума, чтобы думать, был бы заинтересован в войне. Но послушайте, как так получается, что мы не можем предотвратить войну?

По очень простой причине, что этот мир отверг сына живого

Бога. Система мира не основана на христианской вере, мировая система — это система сатаны, которая хочет проглотить, умертвить и погубить человеческую расу. И теперь народы земли к этому готовят. Но будьте внимательны, что я вам скажу. Я знаю, когда придет война, а она придет. Вы знаете, что каждые 20 лет всегда была война... Те мужчины и женщины, которые говорят, что последняя война была только детской игрой по сравнению с будущей, вы можете себе представить сотню самолетов в стратосфере, которыми управляют роботы, с большими бомбами на высоте, где защита посредством других самолетов невозможна, и с точной системой наблюдения, чтобы сбрасывать крупные бомбы с высоты от 2-х до 3-х миль в центр большого города где-то на земле? Ну, мои друзья, вы знаете, что это значит. Это значит уничтожение. Это значит смерть. Это значит разрушение. Вы можете себе представить, какой будет следующая война?

Будут пулеметы, которые стреляют со скоростью 600 выстрелов в минуту. Вы можете себе это представить? Итак, слушайте меня. Никто, кто имеет разум, не желает войны. Но что-то есть внутри человеческого рода, что вызывает страх.

Германия боится. Это причина, почему Германия вооружается.»

Решительно прогерманским является внешнеполитический курс Томаса:

«Вы, по-видимому, заметили, что между Италией, Францией и Англией, с одной стороны, и Германией, с другой стороны, что-то происходит. Я рад, что, по всей видимости, постепенно среди них, или Великобританией, разрабатывается новая программа политики в отношении немецкого народа. Я думаю, что в высших дипломатических кругах признается, что германские и англо-саксонские и скандинавские расы должны теперь

выступать бок о бок против величайшей угрозы, которой когда-либо противостояла западная цивилизация, с тех пор как Чингис Хан послал свои азиатские орды и напал на западный мир. Англия, кажется, стала по отношению к Германии уступчивей. Она точно знает, что Германия, как единственный оплот западной цивилизации, противостоит огромным ордам коммунистов под предводительством оступившихся народов, и что, если немецкая и англосаксонские нации не будут держаться друг друга, нет надежды сохранить христианскую религию для христианской цивилизации. И если наши собственные чиновники в Вашингтоне имеют ум, то они пойдут националистическим курсом, который объединяет при братском взаимопонимании Великобританию, Германию и скандинавские страны.» Оступившиеся народы, кто бы они ни были, называются безбожными, нацисты, наоборот, верующими, чтобы они ни делали. «Бог должен признать, что Германия истекала кровью, пока народ не признал, что есть Бог на небе, и что народ, который забывает Бога, погибает. Мои друзья. Германия выучила свой урок, возвратилась и признала то, что провозглашает вера и что Бог должен прославляться, Англия и Америка погибнут.» Авторитарное послушание по виду рассматривается как религиозность *per se*. Проповедование благочестивого покаяния проникает в доктрины пятой колонны и готовит почву для провозглашения «заповеди часа».

Особо следует сказать о технике Томаса, когда он имеет дело с внешней политикой. Он обращается с нациями, как будто они индивиды, и применяет непосредственно в отношении них моральные понятия и использует моральные дихотомии для разъяснения национальных политических вопросов. Эта уловка, уступка способности его последователей думать в безличных терминах, имеет несмотря на пророческое звучание, зловещий оттенок. Чем упорнее рассматриваются нации как индивиды вместо групп народов, тем основательнее превращаются люди в послушных членов своего государства, тем беспощаднее они перед лицом грозящей катастрофы, которую неустанно расписывает Томас.

призывает американский народ возвратиться к нему. Он говорит, у меня с вами борьба, потому что вы отвернулись от меня, от союза со мной. Вы нарушили мой закон. Вы и я, мои друзья, являетесь частью великого народа. Наши отцы воздвигли в этой стране великую стройку, они посеяли слово живого Бога в качестве краеугольного камня своей личной жизни, их жизни внутри государства, их национальной жизни, и теперь наступили трудные дни, мои друзья, когда мы пренебрегли старыми символами наших отцов. Мы стали такими разумными, мы стали такими умными. Мы знаем все, но ах, мои друзья, есть вещи, которые мы не знаем, и это то, что мы потеряли знание о живом Боге в этой нашей стране. Америка сегодня — несчастная страна. От Атлантического океана до Тихого, от Канады до Мексиканского залива наш народ находится в хаотическом состоянии беды. Мои друзья, причина проста, вот она: мы затоптали ногами знание о нашем Боге и вытеснили его из наших сердец, наших душ. Мы сегодня приносим много жертв, мы жертвуем фальшивыми вещами, мы жертвуем Богу серебро и золото, мы поклоняемся сене и соломе. Бог тела является сегодня богом многих в нашем народе. Бог имущества занял место послушания; нашего господина Иисуса Христа мы изгнали из наших церквей... Наши отцы хотели поехать туда, где они и их дети могли жить по заветам Бога, и так они переехали через океан, который не был отмечен ни на одной карте, через эти равнины и прерии, и через горы. Они жили в бревенчатых избах, они жили в землянках.» Примечательно, что призыв Томаса к американскому обновлению заканчивается едва прикрыть™ желанием возвращения к всеобщему стандарту жизни. Изменения, которые он ожидает от тоталитарной регламентации, рассматриваются как божье лекарство против изнеженности и дегенерации.

Заключительные замечания

Конечная цель пропаганды Томаса — власть посредством жестокого, садистского подавления — является центром, объединяющим принципом, который определяет его теологию, политическую тактику, психологию и его моральные принципы. Среди его стимуляторов — понятие строгого наказания на вечные времена, имеет решающее значение. Мучения описываются до мельчайших подробностей, наверняка для особого наслаждения слушателей: «Однажды они развели огонь для него и сказали, Поликарп, если ты не отречешься, если ты не откажешься от Иисуса Христа, тогда ты будешь гореть. Говорится, что он держал свою правую руку в огне и дал эту историческую клятву перед миром. "70 лет я служил Христу, и он мне не сделал ничего плохого, наоборот, только хорошее. Почему я теперь на старости лет должен от него отказаться?" Он отказался отречься от того, что Иисус является сыном Божьим. После того, как Поликарп произнес эти слова, он шагнул в огонь и сгорел, так что от него осталась только кучка

пепла. Это было время, когда десятки тысяч христиан были брошены в тюрьмы, и нам сообщают, что десятки тысяч из этих мужчин и женщин и детей были брошены на растерзание львам, что они с лицами, обращенными к Богу, гордо шли на кровавую арену, там вставали на колени и вручали свою душу Богу, что львы нападали на них прыжками, ломали им кости и ели их мясо. Нам сообщают, что использовались и огонь и вода, и любая, которую только можно себе вообразить, форма преследования, чтобы истребить христианство, но вместо того, чтобы их число уменьшалось, оно росло. Их загоняли в земляные ямы, и еще сегодня мы находим их останки в катакомбах... спрятавшись от солдат, от тайной полиции, от глаз шпионов, эти мужчины и женщины жили и умирали в триумфе верности. Я напоминаю вам о том, что наш Господь Иисус Христос сказал, что придут дни печали. И если ты в своей вере стоишь до смерти, я дам тебе корону жизни». Будущее Америки, о котором предупреждает Томас, описывается похожими красками: «В одно прекрасное утро вы, мужчины и женщины, проснетесь без денег и имущества, без дома и без двора, и вы буцете стоять лицом к стене с пулеметной пулей в вашем сердце и в вашей голове». Можно себе представить, с каким наслаждением публика относит эту сцену к своим врагам. Почти откровенно Томас показывает свою амбивалентность по отношению к мерзостям в одной из своих антисоветских пасквильных речей: «Я хотел бы сказать, что вы, мужчины и женщины, вы и я, живем в ужасное время мировой истории, но также в милостивое и прекрасное время». Это — мечта агитатора объединить в одно и ужасное и прекрасное, опьянение уничтожением, которое выдается за спасение.

Примечания

¹ Все цитаты Мартина Лютера Томаса, если они не отмечены специально, взяты из его речей по радио, произнесенных в апреле-июле 1935 г.

² Гитлер часто говорил о «фанатичной любви к Германии».

¹ Североамериканская секта, богослужение которой часто приводит к телесному экстазу.

* Некоторые примеры: «Отец наш, мы благодарим тебя сегодня за чудесный день. Мы благодарим тебя за эту великолепную южную страну», «Доброе утро всем вам, где бы вы ни были. Мы счастливы быть с вами в этот чудесный день, когда солнце сияет над нашими дворами и садами».

¹ Восхваление неутомимости, которое, как известно, возникло в обществе среднего сословия, играло решающую роль, особенно в кальвинизме и в янсенизме. Паскаль толковал христианство даже в смысле неутомимости: предсмертные муки Христа продолжают до конца света, и никто не должен больше спать. Более радикальные, аскетические христианские направления постоянно подчеркивали это понимание, возможно, оно получило в пропаганде Томаса особый вес благодаря базе «повторного пробуждения». Само выражение «повторное пробуждение» включает враждебность по отношению ко всему, что предается покою. Новым в фашистском трюке «неутомимости» является то, что он независим и стал подобен фетишу. Раньше бюргер должен был быть неутомимым, чтобы снискать милость невидимого Бога и чтобы достичь материального благосостояния для семьи, фашист должен был быть

неутомимым ради самой неутомимости. Самоотречение в этом и другом отношении интерпретируется как цель, а не как средство, а именно оно рассматривается как награда, которая самоотречением запрещается. В этой трансформации проявляется одно из самых глубоких психологических изменений нашего времени. Контрпропаганда, которая хочет дойти до корня проблемы, должна обнажить иррациональные, фетишистские и абсурдные признаки всех «жертв», которые требует фашистская пропаганда.

' Нужно, по крайней мере, попытаться ответить на вопрос, как взаимодействуют «гипнотические» и «рациональные» элементы в фашистской пропаганде. Прежде всего по объективным причинам, фашистская пропаганда не может быть полностью рациональной. Фашизм имеет целью репрессивное сохранение антагонистического общества, имеет, следовательно, в глубине иррациональную цель. Рационален он только когда речь идет об интересах отдельных групп или индивидов. Несоответствие между такими интересами и иррациональностью целого становится весьма ощутимым. По-видимому, тайное сознание иррациональности конечных целей «движения» создает что-то вроде нечистой совести у отдельных фашистов, что помогает преодолеть гипнотический элемент. Он перестает думать не потому, что он глуп и не видит собственных интересов, а потому что не хочет признать наличие расхождения между собственными интересами и интересами целого. Он перестает думать, так как это для него «рационально» неудобно. И чтобы не потерять свое псевдодоверие, он должен постоянно включать ненависть, составную часть своей «веры». Фашистский гипноз — это в большей степени самогипноз.

" Эта мысль, разработанная Институтом социологии много лет назад, развита независимо от этого и с отклонениями в исследовании Эрика Гомбюргера Эриксона:

Hitler's Imagery and German Youth (Образ Гитлера и немецкая молодежь). «Психологи преувеличивают отцовские качества Гитлера. Гитлер — подрастающий молодой человек, который никогда не стремился стать отцом, даже в побочном смысле, кайзером или президентом. Он не повторяет ошибки Наполеона. Он фюрер: прославленный старший брат, который замещает отца, перенимая все его привилегии, но не отождествляя себя с ним слишком отчетливо: он называет своего отца старым и одновременно еще ребенком, и оставляет для себя позицию того, кто молод и продолжает обладать высшей властью. Он несломленный юноша, избравший карьеру по ту сторону счастья и мира, главарь банды, который объединяет своих парней, требуя от них восхищения собой, распространяя террор и хитро вовлекая их в преступления, из которых нет выхода назад. Но он безжалостный эксплуататор родительской несостоятельности». Эриксон, стр.480 и далее.

' Этот мотив, как ни странно, находим в конце Парсифаля Вагнера, который, рассмотренный в целом, представляет собой нечто вроде антисемитской криптограммы. Последние слова оперы звучат так: «Спасение спасителю». Отцовский авторитет, представляемый Титурелем, изображается во всей опере весьма бессильным:

Титурель отрекся от престола в пользу своего сына Амфортаса и умирает из-за его грехов.

' И спели немецких фашистских вождей было нечто вроде

¹² Следует назвать только несколько примеров.

«Трансфер».

По всем признакам в этой стране поднимается великий крестовый поход американских христианских крестоносцев, и это означает, что мы в следующие 12 месяцев можем продолжать действовать через эту радиостанцию, также когда замкнется кольцо на национальном уровне, и что только это движение спасет Соединенные Штаты. Экс-президент Гувер вчера сказал: «Америка несет ответственность перед миром, далеко за пределами нашей собственной страны, поскольку речь идет о демократии и демократической форме правления и сохранения свободы религии индивида». Мои друзья, наш экс-президент прав, если наш народ не сохранит свободу, которую дали нам наши предки...» Цитата из Гувера об интернациональной ответственности Америки — это общее место, это всегда мог бы высказать любой государственный деятель. Томас, однако, добавляя уверение, что его организация спасет США, создает впечатление, как будто Гувер одобряет «американский христианский крестовый поход». В действительности согласие относится к такому абстрактному утверждению, что практически каждый мог бы его разделить. Авторитет Гербера Гувера, который не случайно цитируется как экс-президент, Томас переносит на свою группу, замалчивая что согласие касается некоторых туманных банальностей. Нет никакого обоснованного доказательства того, что Гувер симпатизирует пропаганде Томаса.

«Грузовик с оркестром»

Томас представляет каждое поступившее письмо как знак лавинообразного характера своего движения : «Здесь одно из Огайо, которое показывает размеры движения, выходящее за рамки этой станции, другое из Кентукки, в котором заказывается много брошюр, одно из Небраски, одно из Оклахомы, другое из Орегона. Я это вам рассказываю, чтобы вы знали, какие размеры принимают эти дела». В одном характерном примере идея «грузовика с оркестром» комбинируется с картиной разрушительной силы. «Я держу в руке 8-10 писем. Одно от сестры из Комптона. Она говорит: "Я рада, что Вы произвели выстрел, который слышен повсюду в Америке"».

" Sanders, A., Social Ideas in the McGuffey Readers, in: Public Opinion Quarterly, Vol. V, Herbst 1941, S. 579 f.

¹⁴ Все три выражения имеют абсолютно одно значение; у всех, кроме того, имеется некоторый мещанский оттенок и нет никаких ассоциации с дворянством. Латинское слово «dux» стало относительно рано употребляться в отношении феодальных полководцев (герцогов) и потеряло поэтому свое первоначальное функциональное отношение к кому-либо, кто тянет за собой других. Это феодальное определение некоего dux qua Herzog в итальянском языке выражается словом duca. Муссолини, называя себя не duca, а Duce, сознательно обращается к первоначально функциональному значению. У фюрера харизма становится профессией, нечто вроде работы, которую нужно сделать.

Черты антифеодального мы находим, между прочим, у Рихарда Вагнера. Его Ринци присваивает себе чрезвычайно значительный титул «трибун», который относится к римскому представителю плебса, а Лоэнгрин называется защитником Брананта. Защитником, или протектором, стали титуловаться нацисты, и этот титул был присвоен пресловутому Хейдриху. Следует отметить родство таких трюков с трюком « посланец».

потому, что он посредственность. Изд-во Альфред Макланг Ли и Элизабет Брайент, *The Fine Art of Propaganda*, New York 1939.

¹⁷ Это особенно относится ко всем видам антисемитских замечаний. Льюис Браун возвел в символ этот трюк, назвав свою книгу «See what I mean?» («Понимаешь, что я имею в виду?»). New York 1943.

" В Германии тенденция к всеобщему упадку особенно заметна. Чувство безнадежности при режиме Гитлера никогда не ослабевало. Однако такая всеобщая сила разрушения на американской сцене ни в коем случае не отсутствует. Мы напомним только об афере вокруг фильма о Сан-Франциско, который смакует детали катастрофы слепых природных сил. Жажда разрушения направляется сначала против цивилизации и только потом против определенных групп как черных, так и евреев. Ср. Н. Cantril, *The Invasion from Mars*, Princeton 1940.

" Сравните трюк «неутомимость», стр. 320 и след. ^м Как например, Уинрод, Кафлин, Джефферс и Хаббард.

" Сравните Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно, *Элементы антисемитизма. Диалектика просвещения*. Амстердам, 1947 г., стр. 199 и след.

²² См. об этом Хоркхаймер и Адорно, вышеназванное произведение, стр. 212 и послед.

" Ср.: Ф. Нюманн, Бихимоуз, Нью-Йорк 1942, например: «По новой (национал-социалистической) теории, государство не обладает монополией на принятие политических решений. Шмидт делает вывод, что государство больше уже не определяет политический элемент, а определяется **им**, т.е. партией. Нюманн даже оспаривает, что немецкая политическая система вообще является «государством» (ср. стр. 467 и след). ²¹ Сравни трюк «движение». " Сравни трюк «освобождение чувств».

²⁰ Немецкий анекдот, который пользовался большой популярностью до Гитлера, адекватно выражает эту мысль: «Евреи несут вину». — «Нет, велосипедисты.» — «Как так, велосипедисты?» — «А как ~~407~~ еврей?» За мотивом этого анекдота, который ни в коем случае не является «смешным», но который попадает в суть, должна тщательно проследить контрпропаганда.

²⁷ Упоминание «всех организаторов и секретарей», вероятно, является проекцией желания Томаса о бюрократии. Он — это тот, кто постоянно хочет что-то организовывать, и мечтает о том, чтобы иметь бесчисленное количество секретарей. ^а Лютер использует для этого то же самое выражение в своей книге против евреев, где он выступает за то, чтобы отдать их на принудительные работы. Ср. Институт социальных исследований. Труды по психологии и социальным наукам. исследовательский проект об антисемитизме. Том IX, вышеназванной книги, стр. 128.

А. Проблема

Исследования, о которых здесь пойдет речь, были ориентированы на гипотезу, согласно которой политические, экономические и общественные убеждения индивида нередко образуют своего рода всеобъемлющий и когерентный образ мышления, стержнем которого является «склад ума» или «дух», а сам образ мышления является выражением скрытых черт индивидуальной структуры характера.

В центре интересов исследователей был *потенциально фашистский индивид* — индивид, чья структура делает его особо восприимчивым к антидемократической пропаганде. Мы употребили слово «потенциальный», поскольку мы занимались не теми лицами, которые объявляли себя фашистами или принадлежали к известным фашистским организациям. Во времена, когда мы собирали основную часть нашего материала, фашизм только что потерпел поражение в войне, и, поэтому, мы не могли рассчитывать на то, чтобы наши испытуемые открыто идентифицировали себя с фашизмом. Однако было нетрудно обнаружить лиц, воззрения которых позволяли предположить, что они охотно приняли бы фашизм, если бы ему удалось превратиться в достаточно сильное и уважаемое движение.

Концентрируясь на потенциальных фашистах, мы ни в коей мере не считаем, что другие структуры характеров и идеологии менее интересны или поучительны как объекты изучения. Однако мы полагаем, что ни одно социально-политическое течение не представляет собой столь серьезной угрозы нашим традиционным ценностям и институтам, как фашизм, и, наконец, что с фашизмом легче бороться, познав психологические силы, способствующие ему. Если же нас спросят, почему мы, коль скоро мы хотим исследовать новые средства борьбы с фашизмом, не уделяем в равной мере внимание также и «потенциальному антифашисту», мы ответим, что безусловно изучаем главные черты, свойственные антифашистской оппозиции, однако, последние не укладываются в один определенный образ мышления. Центральное место среди результатов этого исследования принадлежит выводу, согласно которому лица, наиболее восприимчивые к фашистской пропаганде, имеют очень много общего. (Они проявляют многие характерные особенности, складывающиеся в единый синдром. При том что в рамках этой основной структуры наблюдаются типичные отклонения.) Лица, решительно отвергающие фашизм, в большей мере отличаются друг от друга. Задача диагностировать потенциальный фашизм и выявить его детерминанты потребовала специально разработанных для этой цели приемов, от которых нельзя было ожидать, чтобы они в той же степени годились для исследования иных образов мышления. Несмотря на

это выявлено несколько типов структур характера, особо резистентных по отношению к антидемократическим идеям. О них будет сказано в дальнейших разделах.

Коль скоро существует потенциальный фашистский индивид, то что он представляет собой при ближайшем рассмотрении? Как возникает у него антидемократический образ мышления? Какие личностные факторы структурируют его мышление? Насколько широко такого рода индивиды распространены в нашем обществе? Каковы их детерминанты, каков процесс их развития?

Данное исследование должно помочь ответить на эти вопросы. Даже ее.TM наш постулат, согласно которому потенциальный антидемократический индивид представляет собой нечто цельное, выглядит достаточно приемлемой гипотезой, он должен впредь подвергаться проверке. В исследованиях, посвященных проблеме политических типов людей, следует различать две основные концепции: концепцию идеологии и концепцию человеческих потребностей, лежащих в основе идеологии. Хотя и то, и другое в индивиде следует рассматривать как единое целое, они могут быть исследованы в отдельности. Одни и те же идеологические тенденции у разных индивидов могут иметь различные причины, а одни и те же личные потребности могут находить выражение в различных идеологических тенденциях.

Термин «идеология» в этой книге употребляется в том значении, в котором он употребляется в современной литературе: он обозначает систему мнений, поведений и представлений о ценностях — образ мыслей о человеке и обществе. Мы можем говорить об идеологии индивида в целом или о его идеологии в различных областях социальной жизни: политике, экономике, религии, в вопросе о различных меньшинствах и др. Идеологии существуют независимо от отдельного человека (независимые идеологии определенных

Солидаризируясь с большинством обществоведов, авторы разделяют точку зрения, согласно которой антисемитизм в значительно большей степени базируется на субъективных факторах и общей ситуации, в которой находится антисемит, чем на подлинных свойствах евреев, и что детерминацию антисемитской установки следует искать прежде всего в личности ее носителя. Поскольку этот акцент на структуру характера с необходимостью выдвигает на первый план не социологические или исторические, а психологические подходы (хотя в конечном счете все эти три аспекта можно отграничить друг от друга только условно), мы не стремились объяснить существование антисемитских представлений причинами общественного характера. Более того, вопрос ставился следующим образом: «Каким образом получается так, что определенные люди принимают такого рода идеи, в то время как другие — нет?» И поскольку исследование с самого начала ориентировано на вышеупомянутую гипотезу, мы исходили из предположения, (1) что антисемитизм не есть особое или изолированное явление, а часть объемной идеологической системы, и (2) что восприимчивость индивида к такого рода идеологиям в первую очередь зависит от психологических потребностей.

Что касается предварительных выводов и гипотез относительно антидемократических индивидов, то прежде чем их можно будет признать окончательными, они должны быть подвергнуты многочисленным и тщательным наблюдениям — во многих случаях с помощью количественного анализа. Чтобы с уверенностью можно было сказать что множество мнений, линий поведения и представлений о ценностях, демонстрируемых тем или иным индивидом действительно представляют собой консистентную структуру или организованное целое необходимо самым

читься существенным, а что является существенным, можно определить лишь с позиций теории.

Теории, определяющие ход этого исследования, будут изложены позднее в соответствующем контексте. Теоретические размышления сопровождают нашу работу на всех ее стадиях, однако в ее начале должно быть изучение наиболее легко наблюдаемых и относительно специфических мнений, поведений и представлений о ценностях.

Мнения, поведения и представления о ценностях, как мы их понимаем, с большей или меньшей точностью поддаются описанию в словах. Но с психологической точки зрения они остаются «на поверхности». Однако степень откровенности каждого отдельного человека при ответах на аффективно заряженные вопросы (к примеру, относительно меньшинств или текущих политических событий) зависит от ситуации в каждом случае. В определенных случаях может возникнуть несоответствие между тем, что говорит и что «на самом деле думает» испытуемый. То, что он думает на самом деле, он, по-видимому, выскажет в доверительном разговоре с близкими друзьями. Все это, с психологической точки зрения лежащее относительно неглубоко от поверхности, психолог может непосредственно наблюдать, если он при этом использует адекватные методы. Именно это мы и пытались сделать.

Между тем у индивида могут быть и «тайные» мысли, которые он, если это возможно, ни при каких обстоятельствах не выдаст. Это могут быть и мысли, в которых он не желает признаться самому себе. Это могут быть мысли, о которых он не говорит вслух, поскольку они настолько смутные и неупорядоченные, что он не способен их выразить в словах. Найти доступ к этим скрытым тенденциям особенно важно, потому что, по-видимому, именно здесь находится потенциал для демократических или антидемократических идей и действий в решающих ситуациях.

видимое и изучено то, что под этим видимым скрывается. Что касается соотношения идеологии и действия, то у людей, задающихся антидемократической пропагандой и открыто участвующих в нападках на меньшинства. обычно предполагается конгруэнтность между действиями и мнениями, поведением и представлениями о ценностях. Порою, правда, утешает мысль о том, что иные из тех, кто высказывает антидемократические воззрения, не реализуют их, а, возможно даже, и не желают этого. И здесь снова возникает вопрос о потенциальности. Точно так же, как и открытое вербальное высказывание, откровенное действие в большой мере зависит от данной социально-экономической ситуации, однако различные индивиды сильно отличаются друг от друга своей готовностью к тому, чтобы дать втянуть себя в активные действия. Исследование этого потенциала является частью исследования общей идеологии индивида. Выводы относительно того, какие и какой интенсивности мнения, типы поведения и представления о ценностях могут подвинуть индивида на действия, и какие личностные факторы способны удержать его от них, имеют большое практическое значение.

То что идеологически обусловленная готовность к восприятию, вербальная идеология и идеология, выражаемая в действиях, в основном относятся к одному и тому же типу, представляется несомненным. Интерпретация идеологии индивида в целом должна описать не только структуру каждого из этих уровней, но и структуру этих структур. Что индивид говорит в присутствии других, что он говорит, когда он чувствует себя огражденным от критики; что он думает, не желая сам себе признаться в этом, что он склонен думать и делать в случаях, когда он подвержен различным воздействиям — все эти феномены могут рассматриваться как части единой структуры. Она может быть не интегрирована, внутренне противоречива или консистентна, но она образует единство, поскольку ее составляющие связаны друг с другом определенным, имеющим психологический смысл, образом. Для понимания такой структуры необходим анализ всего характера. По нашей теории, характер — это более или менее устойчивая организация сил индивида, которые определяют его реакции в различных ситуациях и тем самым, в значительной мере — и его консистентное поведение, будь то в вербальной или физической форме. Сколь бы консистентным не было поведение, оно, однако, не тождественно структуре характера, характер стоит за поведением, находится в индивиде. Силы, относящиеся к характеру, не являются реакциями, а представляют собой *потенциал реакций*. Находит ли такой потенциал открытое проявление или нет, зависит не только от данной ситуации, но и от потенциалов поведения, образующих оппозицию по отношению к потенциалу реакций. Заторможенные силы характера относятся к более глубинному слою, чем те, которые непосредственно и консистентно манифестируются в

процессы, которые они организуют? Наша теория относительно структуры характера тесно примыкает к воззрениям Фрейда, однако в процессе более или менее систематического описания аспектов структуры характера, в значительной мере доступных прямому наблюдению, мы действовали в первую очередь в традициях академической психологии. Силы характера — это в основном *потребности* (влечения, желания, эмоциональные импульсы), которые в части своих особенностей, своей интенсивности, по способу удовлетворения и направленности на объекты варьируются от одного индивида к другому, а по отношению к другим потребностям находятся в гармоничном или конфликтующем взаимодействии. Существуют примитивные эмоциональные потребности, существует потребность уйти от наказания и получить одобрение соответствующей группы людей, существует потребность сохранения гармонии и интеграции в собственном Я.

Поскольку, как мы видели, мнения, поведение и представления о ценностях зависят от человеческих потребностей, и поскольку характер в основном — это организация потребностей, он может рассматриваться как детерминанта идеологических предпочтений, однако не как окончательная *детерминанта*. Ни в коем случае не являясь чем-то с самого начала данным и фиксированным, реагирующим на окружающее, характер развивается под давлением условий окружающего мира и никогда не может быть изолирован от того общественного целого, в котором он существует. Согласно такой теории, чем раньше факторы окружающего мира начинают играть свою роль в становлении индивида, тем основательнее они формируют его характер. Развитие характера в решающей мере зависит от процесса воспитания ребенка, от его домашнего окружения, которое копенным образом определяется экономическими и

индивиде и представляет собой нечто, что само способно к действиям по отношению к социальному окружению и к выбору среди многочисленных стимулов, исходящих от него, нечто, что, оставаясь подверженным модификациям, все же часто весьма резистентно по отношению к глубоким изменениям. Такая концепция помогает объяснить консистентное поведение в самых различных ситуациях и большую устойчивость идеологических тенденций перед лицом противоречащих им фактов и радикально изменившихся социальных условий. Она помогает объяснить тот факт, что люди в одинаковых социологических ситуациях имеют несовпадающие или даже противоположные мнения по общественным проблемам, а некоторые, чье отношение изменилось в результате психологических манипуляций, вновь обретают свою прежнюю самобытность, как только эти манипуляции прекращаются.

Проникновение в структуру характера является лучшим аргументом против тенденции рассматривать константные черты индивида как «прирожденные», «основополагающие» или же «расово обусловленные». Утверждение национал-социалистов, что природные, биологические признаки определяют типы поведения людей, не стали бы столь успешным аполитичным трюком, если бы нацисты не имели возможности сослаться на столь многочисленные случаи относительно глубокой закоренелости человеческих поведений и если бы им решительно возразили те, кто искал им объяснение на иной, не биологической основе. Авторы, не обладающие концепцией структуры характера и исходящие из предпосылки о том, что человек неограниченно податлив и открыт для воздействия со стороны текущих социальных ситуаций, служат плохую службу для дела, когда они относят константные черты, которые они не могут объяснить, к таким явлениям как «растерянность», «психоз» и прочим бедам. Разумеется бывают основания для того, чтобы отнести к разряду «патологических» те типы поведения, которые не соответствуют обычным и вроде бы совершенно правомерным реакциям на сиюминутные стимулы. Но в этом случае термин «патологический» используется в очень узком смысле, соответствующем лишь данному конкретному отклонению от усредненного, и, что хуже всего, он подводит к мысли о том, что все в структуре характера также подпадает под эту характеристику, в то время как на самом деле характер включает в себя переменные, широко распространенные среди населения и находящиеся по отношению друг к другу в закономерных отношениях. Структуры характеров, сбрасываемые со счетов как патологические, по причине того, что они не гармонируют с наиболее часто манифестируемыми чертами или преобладающими общественными идеалами, по ближайшему рассмотрению оказываются всего лишь "преувеличениями того, что повсеместно встречается под

Поэтому очевидно, что методика, адекватная нашим проблемам, должна учитывать как закоренелость, так и податливость структур характера, она должна рассматривать и то, и другое не как взаимоисключающие категории, а как крайние области одного и того же континуума, воплощающего свойства человека. Эта методика должна создать базу для понимания условий, способствующих развитию той или другой крайности. Структура характера — понятие, отвечающее за нечто относительно устойчивое. Но следует подчеркнуть еще раз, что она — скорее готовность к поведению, чем само поведение. И хотя она состоит из предрасположенностей к определенным типам поведения, реальное поведение всегда зависит от объективной ситуации. Изучение антидемократических тенденций и описание условий, при которых они находят свое выражение в индивиду, требует понимания всей совокупности общественных условий.

Как мы заметили, структура характера может быть таковой, что она делает индивида особо восприимчивым к антидемократической пропаганде. Теперь следовало бы задать вопрос, при каких условиях такая пропаганда по своему тону и объему усиливается настолько и до такой степени начинает доминировать в прессе и радио, что способна подавить противоположные идеологические стимулы до такой степени, что то, что вчера еще было потенциалом, начинает активно манифестироваться сегодня. Ответ на это не следует искать ни в структуре характера отдельного человека, ни в психологии масс, а единственно в процессах, происходящих в самом обществе. Сегодня, кажется, уже стало ясно, что вопрос о том, будет ли антидемократическая пропаганда играть в нашей стране господствующую роль или нет, зависит в первую очередь от ситуации, в которой находятся могущественные экономические круги, от того, захотят они или нет, воспользоваться этим инструментом для того, чтобы сохранить свое могущество. Вопрос, по поводу которого подавляющее большинство народа вряд ли может что-нибудь сказать.

Это исследование ограничивается психологическим аспектом фашизма, которому до сих пор в общем и целом уделялось недостаточно внимания. Оно имеет своим объектом не продукт пропаганды. Наоборот, оно концентрируется на потребителе, для которого пропаганда замышляется, и поэтому должно учитывать не только психологическую структуру индивида, но и всю его объективную ситуацию. Оно исходит из предположения, что люди в общем склонны к тому, чтобы принимать те политические и социальные программы, которые, по их мнению, служат их собственным экономическим интересам. Каковы эти интересы, зависит в каждом отдельном случае от позиции индивида в обществе, определяемой в экономических и социологических категориях. Поэтому одной из важных задач являлось выявить, какие социоэкономические факторы связаны с восприимчивостью к антидемократической пропаганде и

Одновременно также, однако, учитывалось, что экономические мотивы могут и не играть ту господствующую и решающую роль для индивида, которая им обычно приписывается. Если бы мнения определялись только экономическими интересами, то мнения лиц с одинаковым социологическим статусом должны были бы отличаться значительным сходством, а мнения различных социально-экономических групп соответственно отличаться. Однако наше исследование не дало убедительного подтверждения этому предположению. У лиц с одинаковым социоэкономическим статусом выявляются сходства лишь самого общего характера, а расхождения четко выражены; что касается расхождений между социально-экономическими группами, то они лишь редко бывают однозначны. Чтобы объяснить, почему лица с одинаковым социально-экономическим статусом столь часто привержены различным, а лица с различным статусом — одним и тем же идеологиям, нужно учитывать не только их чисто экономические, но и другие потребности.

Кроме того, все более и более становится ясным то, что люди часто ведут себя не соответственно своим материальным интересам, даже в тех случаях, когда осознают, в чем эти интересы заключаются. Неприятие служащими профсоюзных организаций имеет в своей основе отнюдь не ту точку зрения, что профсоюзы бесполезны в плане защиты экономических интересов. Склонность мелкого предпринимателя по многим экономическим и политическим вопросам становиться на сторону крупного предпринимателя не может быть объяснена его верой в то, что это поможет ему защитить свою экономическую независимость. Кажется, что в подобных случаях индивид не только игнорирует свои экономические интересы, но даже действует во вред им, идентифицируя себя с определенной группой, как будто его позицию определяют не столько рациональные соображения, исходящие из собственных интересов, сколько потребность поддержать именно данную группу и противоборствовать противоположным направлениям. Сегодня аналитики ощущают почти что облегчение, когда выясняется, что конфликт групп есть не более, чем столкновение экономических интересов, что обе стороны хотят всего лишь «вмазать хорошенько» противной стороне — и при этом ими не движут некоторые глубинные эмоциональные побуждения. Когда людям приходится давать оценку социальным явлениям, выявляются яркие черты иррационализма. Так, например, некий специалист может выступать против иммиграции еврейских беженцев из-за того, что они усиливают конкуренцию и соответственно уменьшают его доходы. Сколь ангидемократичес-№й ни была бы такая позиция, она, по крайней мере, рациональна в определенном смысле этого слова. Но совершенно нелогичным будет, если этот человек начнет приписывать евреям все самое плохое на свете, как это Делают в большинстве своем люди, которые по причинам деловой карьеры выступают против евреев, поддерживая различного рода мнения, многие

из которых противоречат друг другу. И столь же нелогично хвалить евреев по единому «доброму» клише. Несомненно, существует враждебность по отношению к группам, основанная на подлинных неудачах, вызванных членами той или иной группы; однако то обстоятельство, что предубеждение легко приобретает обобщающий характер, вряд ли можно объяснить только такими личными неудачами, материал нашего исследования подтверждает то, о чем уже было вскользь сказано: тот, кто проявляет враждебность к одному меньшинству, вероятно, питает ее и по отношению к большинству других. Для такого утверждения не может быть рационального основания; и что еще более удивительно, предубеждения против той или иной группы или, наоборот, абсолютно некритическая ее поддержка часто встречаются у тех, кто вообще не имеет опыта общения с ее членами. Объективная ситуация, в которой находится индивид, в данном случае никак не может считаться причиной столь иррациональной позиции; ее следует искать там, где психология уже нашла источник мечтаний, фантазий и неадекватных интерпретаций мира — в скрытых потребностях структуры характера.

В качестве еще одного аспекта ситуации индивида, способной определять его идеологическую восприимчивость, следует рассматривать его принадлежность к социальным группам — в плане профессии, проведения свободного времени, религиозной жизни и т.п. По историческим и социологическим причинам такие группы фаворизируют и распространяют — официально или неофициально — самые различные идеи. Очевидно, что люди вследствие своей потребности приспособляться, присоединяться и во что-то верить, с помощью таких средств, как подражание и подключение, перенимают в большей или меньшей мере некритично мнения, типы поведения и представления о ценностях, характерные для группы, членами которой они являются. В той мере, в которой господствующие в данной группе идеи имеют имплицитно или эксплицитно антидемократический характер, каждый отдельный член этой группы становится подверженным воздействию пропаганды аналогичного направления. Соответственно, мы исследовали ряд групповых принадлежностей на предмет господствующего общего направления мышления и имеющихся отклонений. Разумеется, что корреляция между групповой принадлежностью и идеологией у разных индивидов имеет различные детерминанты. В некоторых случаях индивид, возможно, лишь повторяет взгляды, которые в его окружении рассматриваются как данности, и у него нет основания подвергать их сомнению; в других случаях он, возможно, выбрал для себя определенную группу, поскольку она представляет идеалы, которым он еще ранее симпатизировал. Несмотря на широко распространенную всеобщую культуру в современном обществе, индивид, достигший того возраста, в котором идеи для него начинают что-то значить и склонный при этом лишь к какому-то одному образу мыслей,

выбор, предположительно, соответствующий потребностям структуры своего характера. Даже среди индивидов, которые в период своего становления были подвержены одной единой твердой схеме политических, экономических, социальных и религиозных идей, имеются и те, кто приспособливается, и те, кто восстает. Поэтому и возникает вопрос, а не обусловлены ли такие различия психологическими факторами. Следовательно, следует исходить из того, что образ поведения детерминирован как ситуативным, так и психологическими моментами, и для максимально точного прогноза необходимо тщательно взвесить роль того и другого.

Ситуативно обусловленные факторы и прежде всего такие, как экономический и принадлежность к социальным группам, подробно исследованы в последних работах, посвященных мнениям и поведению людей, в то время как психологические факторы, относящиеся к индивиду, пока еще не удостоены того внимания, которое они заслуживают. Кроме этого, есть еще одно основание для проведения данного исследования — необходимость сосредоточить внимание на структуре характера. Для того, чтобы быть успешным политическим движением, фашизму необходима опора в массах. Он должен обеспечить себе в массах не только боязливое подчинение, но также и активное сотрудничество со стороны значительного большинства народа. Поскольку уже в силу одной своей природы он действует в интересах немногих за счет большинства, он не может позволить себе объявить своей целью улучшение положения большинства в соответствии с его подлинными интересами. Поэтому он вынужден апеллировать в первую очередь не к рациональному самоидеалу, а к эмоциональным потребностям — часто к самым примитивным и иррациональным желаниям и опасениям. Аргумент о том, что фашистская пропаганда обманывает людей, обещая им изменить их судьбу к лучшему, влечет за собой вопрос:

«А почему, собственно, люди так легко позволяют себя обманывать?» По-видимому, потому, что это соответствует структуре их характера; потому, что несбывшиеся желания и ожидания, страхи и беспокойства делают людей восприимчивыми по отношению к одним и резистентными по отношению к другим убеждениям. И чем больше уже имеющийся в народных массах антидемократический потенциал, тем легче задача фашистской пропаганды. Возможно, и верно то, что в Германии одни только экономические конфликты и потрясения были настолько сильны сами по себе, что сделали победу фашизма ранее или позднее неизбежной, но вожди национал-социализма вели себя отнюдь не в этом духе. Они действовали так, как если бы было необходимо в каждый данный момент учитывать психологию народа, активизировать малейшую искорку его антидемократического потенциала, заключать с ним компромиссы и подавлять даже любой намек на сопротивление. Чтобы определить перспективы победы

мократической пропаганде, но и наиболее надежный источник сопротивления.

Авторы этой работы убеждены, что решать, перейдет ли эта страна под власть фашизма — дело народа. На основе же познания сути и масштабов антидемократического потенциала, надо думать, возникнут программы демократических акций; они не должны ограничиваться инструментарием для манипуляций людьми с целью воспитания их в духе демократического поведения; они должны иметь своей целью поддержание такого самосознания и такой воли к самоопределению, которые не оставят шансов для манипуляций. Есть одно объяснение идеологии, индивида, которое еще не учитывалось: она (идеология) может представлять собой картину мира, которую составляет себе одаренный разумом человек, понимающий роль детерминантов в вышеописанном смысле и наблюдающий за событиями. Будучи упомянута в самом конце раздела, эта концепция, однако, имеет решающее значение для достоверности анализа идеологии. Не будь этой концепции, мы должны были бы встать на достаточно широкопринятую в современном мире точку зрения, согласно которой нет основания утверждать, что одна идеология лучше другой, поскольку, мол, все идеологии и философии имеют иррациональное происхождение.

Однако рациональная система рационально мыслящего человека неотделима от структуры его характера. Даже и у такой системы есть мотивы. Решающее влияние на ее формирование оказывает прежде всего *тип характера*, из которого она возникает. Можно сказать, что зрелый характер (если позволительно употребить это выражение без последующих дефиниций) ближе к рациональной системе мышления, чем незрелый; однако зрелый характер не менее динамичен и не менее структурирован, а его описание не отличается от описания иного характера. Теоретически объективность и рациональность идеологии определяют прежде всего те переменные характера, которые составляют часть Я, ту часть структуры характера, которая оценивает реальность. интегрирует логиче его части и наиболее

В. Методология

1. Общие характеристики

Решение вышеобозначенных проблем потребовало методов описания и измерения идеологических тенденций и методов выявления структуры характера, текущей ситуации и социального фона. Особые методологические требования возникали в связи с концепцией различных *слоев* в индивиде; потребовались специальные приемы для наблюдения поверхностных мнений, поведений и представлений о ценностях, позволяющие вскрыть идеологические тенденции, появляющиеся на поверхности лишь в виде непрямых манифестаций, а также высветить силы характера, действующие в сфере неосознанного. И поскольку нас прежде всего интересовали *структуры* динамически взаимосвязанных факторов, требующие изучения индивида в целом, мы посчитали наиболее подходящим методом интенсивные клинические исследования; их смысл и практическое значение, однако, нельзя было измерить до тех пор, пока не было известно, в какой мере они допускают обобщения. Так что. пришлось проводить как групповые, так и индивидуальные исследования и одновременно искать пути и средства, позволяющие интегрировать то и другое.

Отдельные испытуемые исследовались в специальных клиниках с помощью специальных клинических приемов на предмет выявления скрытых желаний, страхов и защитных механизмов, а группы — с помощью опросных листов. Мы не рассчитывали на столь полные и основательные клинические исследования, как они проводились ранее, особенно психоаналитиками, мы не ожидали также, что наши опросные листы получатся более точными, чем те. что

динамические факторы и на этой базе предварительно сформулировать вопросы для исследования групп. Когда в центре исследования находилась группа, задачей было определить, какие мнения, поведения и представления о ценностях обычно сопутствуют друг другу и какие факторы в период развития индивидов и в текущей ситуации обычно связаны с отдельными идеологическими конstellациями; групповые исследования создавали базу для отбора отдельных лиц для интенсивных исследований; наибольшего внимания требовали те, которые могли рассматриваться в качестве образцов общераспространенных структур и у которых коррелирующие моменты, предположительно, находились в динамическом отношении друг к другу.

Для того, чтобы могли быть исследованы потенциально антидемократические индивиды, их следовало сначала идентифицировать. Поэтому мы начали с опросного листа, который нам анонимно заполнила большая группа лиц. Наряду с вопросами о прошлых и настоящих объективных жизненных обстоятельствах испытуемого, опросный лист содержал ряд антидемократических высказываний с просьбой выразить их приятие или неприятие. Определенное количество лиц, высказавших наибольшую степень приятия, и — после сопоставления — некоторые с наибольшей степенью неприятия, а также некоторые с нейтральными реакциями, затем подверглись изучению с помощью интервью и других клинических приемов, а опросный лист и вся процедура повторялась.

Интервью частично служило для проверки адекватности опросного листа, а именно: опрос подтверждал, действительно ли лица с высшими антидемократическими показателями, согласно опросным листам, были идентичны с теми, кто наиболее темпераментно высказывал антидемократические чувства в личных беседах. Но прежде всего клинические исследования позволяли увидеть психологические факторы, лежащие за антидемократическими идеологиями, и подсказывали пути их исследования на большом материале. По мере того как накапливались знания тенденций, выразившихся в предубеждениях, нам становилось все понятнее и другие признаки и манифестации, по которым их можно было узнать. Отразить эти манифестации в опросных листах для последующих групповых исследований — было нашей следующей задачей. Мы находили все новые достоверные индикаторы центральных сил характера и все с большей степенью четкости могли определить их отношение к антидемократическим манифестациям.